

№ 2 Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1970

МАРТ — АПРЕЛЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

п. 10368

В номере

Л. И. Скворцов. Лекция и культура речи	3
Е. А. Лермонтов. Лекция и Словарь Даля	8
СЛОВО ПИСАТЕЛЯ	
Н. С. Тихонов. О русском языке	13
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Вл. А. Ковалев. Бесстрашие в стремлении «дойти до корня»	16
В. В. Тимофеева. «Ищите свой корень и свой глагол»	22
Т. Б. Драгун. Горький правит	31
С. А. Колтаков. Эпитет в романе «Тихий Дон»	36
СТИЛИСТИКА	
А. Н. Кожин. Перифраз — полемическое оружие Ленина	43
Р. А. Будагов. Что же такое научный стиль?	48
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ	
Н. Г. Михайловская. Заголовок — фразеологизм	55
ГРАММАТИКА	
А. И. Анякин. Вводные единицы в речи	60
ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ	
Е. Н. Иваницкая. Словарь ленинских мест	63
Т. С. Коготкова. Книга о сибирских старожильческих говорах	64
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
Е. Н. Этерлей. Узник Шлиссельбургской крепости	66
СТАРАЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ	
А. И. Сумкина, Н. И. Тарабасова. Куранты XVII века	73
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ	
А. А. Брагина. Красный	79

ПО КАРТЕ РОССИИ

Г. А. Турбин. Челябинск	84
Л. М. Белоруссов. Славонез. Жирослево. Твердислево	85

ШКОЛА

А. В. Тсукчев. Ошибки бывают разные	87
И. Г. Добродомов. Правильно ли мы читаем стихи?	91

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

А. И. Овчаренко. Язык и стиль повести М. Горького «Мать»	96
--	----

ЗА РУБЕЖОМ

Д. Стоун. История изучения русского языка в Англии	103
П. Митропан. Русская речь в иноязычной среде	106

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь начинающего филолога	109
Словарь эпитетов	111

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	114
--------------------------------	-----

На обложке: Штурм Зимнего
Гравюра Ю. И. Космынина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Хроника

VI МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

В октябре прошлого года состоялась VI научная конференция вузов Московской зоны, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В ней приняли участие представители и других научных центров: Харькова, Баку, Астрахани, Глазова, Ленинграда, Мичуринска, Сыктывкара, Пензы, Павлодара, Тамбова, Армавира и т. д. В работе конференции приняло участие около 150 языковедов.

С наиболее важными докладами на пленарном заседании выступили директор Института русского языка, член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин и профессор МГПИ имени В. И. Ленина А. Ф. Лосев. Ф. П. Филин в докладе «Язык и нация» сосредоточил внимание на марксист-

ском учении о нации и поставил проблемы взаимоотношения языка и национальных объединений. Говоря о сущности национального языка и его признаках, он критически отнесся к работам ученых-языковедов, которые не уделяют должного внимания проблеме национального в языкознании, а порой даже стремятся объявить это понятие нелингвистическим. Значительная часть доклада «Язык и нация» была посвящена истории русского языка, принципиальным вопросам ее периодизации.

А. Ф. Лосев в очень убедительном докладе говорил о той огромной роли, которую играет ленинская теория отражения в осмыслении общественной сущности языков, об их значении в процессе познания.

Разным аспектам языка и стиля В. И. Ленина были посвящены и другие основные доклады, прочитанные на пленарном заседании.

Профессор А. В. Дудников, например, суммировал высказывания

(Окончание на стр. 30)

ЛЕНИН И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Культура речи, распространяясь на культуру нации, богатство языка и идей художественной литературы, предполагает — в качестве составляющего элемента — высокую культуру отдельного человека, его владение национальными языковыми сокровищами, знакомство с другими языками.

Известен серьезный юношеский интерес В. И. Ленина к лингвистике и к изучению иностранных языков. Об увлечении гимназиста Ульянова латынью писала его сестра Анна Ильинична, об этом со слов самого Владимира Ильича рассказывала Н. К. Крупская. Владимира Ильича восхищали выразительные свойства латинского языка, красота слога античных писателей и ораторов. Владея основными европейскими языками, Ленин высоко ценил их стилистические богатства и возможности.

И все же главной и неизменной языковой любовью всегда была и оставалась для Владимира Ильича родная русская речь. Язык великого народа, язык русской художественной литературы — Пушкина, Толстого, Чернышевского, Чехова, Тургенева, Добролюбова — был для него поистине «великим и могучим». В творческом наследии Ленина и в воспоминаниях о нем его современников содержится много данных, характеризующих глубоко патриотическое отношение Владимира Ильича к русскому языку. Любовь к родному языку, интерес к словарям и к языкознанию В. И. Ленин пронес через всю жизнь. В рабочем кабинете в

Кремле Владимир Ильич держал рядом с письменным столом на этажерке «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и, по свидетельству очевидцев, часто читал его, высказывая при этом восторженное изумление перед выразительностью и образностью живого русского слова. Ленинское восхищение перед великим русским языком, перед его неисчерпаемыми богатствами было непосредственно связано с любовью к трудовому народу, национальной русской литературе и культуре.

В трудные годы борьбы молодой Советской республики на двух фронтах — военном и экономическом — Владимир Ильич обращает внимание партии и государства на необходимость культурного воспитания революционных народных масс. Он мечтает о словаре «образцового», литературного языка «от Пушкина до Горького» и прилагает немало усилий для организации этого важного культурного начинания. В это же время он пишет известную записку «Об очистке русского языка» — страстный призыв беречь русскую речь от коверканья и порчи, гневный протест против безграмотности, против неумелого использования языка, особенно при обращении к широким читательским массам.

В ряде ленинских статей и заметок разных лет мы находим требование писать для рабочих и крестьян «на простом и ясном русском языке» (Умирающее самодержавие и новые органы народной власти. 1905); «Для

масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения» (Еще раз о профсоюзах... 1921). Не один раз призывал В. И. Ленин обходиться в декретах и резолюциях без иноязычных («латинских», как он их называл) слов и терминов. И в то же время в необходимых случаях он смело прибегал к такого рода словам, всегда сопровождая их краткими, но предельно точными разъяснениями, например: «аффилирован, т. е. получил право представительства в Бюро» (К вопросу о решениях Бюро. 1913).

В статье «Ленин как редактор» А. В. Луначарский вспоминает:

Он не любил, когда тривиально заменялся какой-нибудь иностранный, всем понятный термин, русским термином. Читатель должен был знать, что такое «публицистика», «социализм» — это можно употреблять не переводя на русский язык. Но каждый раз, когда кто-нибудь употреблял иностранное слово там, где можно было сказать проще, Ленин подтрунивал и говорил: нечего показывать свою ученость, вы пишете не для академиков; подумайте, как вам будет досадно, если 10 хороших рабочих собрались почитать нашу газету и никто не понял ее («Ленин — журналист и редактор». М., 1960, стр. 334—335).

Отношение Ленина к языку, его работа о культуре речи никогда не были чисто филологическими. В вопросах языка Ленин всегда выделял их политический аспект: проблему понятности, ясности изложения он непосредственно связывал с доходчивостью и действенностью партийной пропаганды; проблему чистоты и национальной самобытности языка — с его функцией хранителя народных достояний культуры: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности»...

Широко известно отрицательное отношение Ленина к сокращениям и аббревиатурам, захлестнувшим на время устную и письменную русскую речь первых лет революции. Протест Владимира Ильича был направлен при этом не против сокращений вообще, а так же, как и в случае с заимствованиями, против излишеств в их употреблении, — против ненужных, непривычных и не всегда понятных наименований. С горькой иронией говорил в своих выступлениях Ленин о таких словах, как **южбум** («что такое этот „южбум“, я не знаю...»), **совнархоз** («с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочниках, нет ли такой станции»), **гостресты** («если выразаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев»), **комчванство** («выражаясь великим русским языком»)...

М. Горловский в своих воспоминаниях («Огонек», 1924, № 10) рассказывает о беседе В. И. Ленина с группой студентов-вхутемасовцев в феврале 1921 года:

Ленину попалась книжка группы «Уновис». Ему объяснили, что «Уновис» — это утвердители нового искусства. Он смеется: «Ну, подумайте, товарищи, на что это похоже — У-но-вис? Кто это поймет?» — «Владимир Ильич, а Совнарком — разве это понятно? Сов-нар-ком?» — «Вы правы, товарищи, Сов-нар-ком — непонятно. И не надо вводить в литературу сокращенных названий: они понадобились нам под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Только поэтому мы их должны терпеть».

Современные исследователи языка революционной эпохи и языка Ленина справедливо указывают на то, что его отрицательные замечания об отдельных аббревиатурах носили обычно попутный характер и «обу-

словлены были отнюдь не одними только эстетическими или лингвистическими соображениями, а всякий раз имели под собой политическое обоснование» («Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 85—86).

Политическое обоснование имела резкая критика Владимиром Ильичем «непочтительного» новообразования **шкраб** (школьный работник — об учителях): «Что за безобразие — назвать таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное название — народный учитель. Оно и должно быть за ним сохранено» (А. В. Луначарский. Один из культурных заветов Ленина. — «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 4. М., 1969, стр. 180).

Политическое обоснование имеют под собой многие оценки и комментарии Ленина, связанные с языком и стилем. Они относятся и к употреблению иностранных слов без надобности («ибо это затрудняет наше влияние на массу»), и к оппортунистическому фразерству («трескучей фразе», «политической чесотке»), с которым Ленин вел непримиримую борьбу. «Красивые и бессодержательные фразы в социал-демократической партии обычно прикрывают оппортунизм», — писал он в плане реферата для выступления М. С. Ольминского (1905). Владимир Ильич учил большевиков умению разбираться «в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее „нутро“»; его работы дают образцы такого умения срывать все и всяческие маски с противников, обнажать подлинную политическую сущность, спрятанную за мишурой слов и фраз.

Для Ленина — политика и революционера — язык есть «важнейшее средство человеческого общения», орудие политической борьбы пролетариата. Именно поэтому особенно строг был Владимир Ильич в своих требованиях к языку и стилю документов, обращенных непосредственно к народу, к трудящимся массам. Никакому формализму, никакой неясности или двусмысленности в них не должно быть места. В. Д. Бонч-Бруевич, вспоминая о том, как работал Ленин-редактор, писал:

Когда Владимиру Ильичу приходилось работать над какими-нибудь сочинениями, декретами или заявлениями, которые должны были обращаться к широким массам, то он всегда помнил сам и требовал такой же памяти от других, что все это идет именно в массы, а потому должно быть особенно тщательно просмотрено, особенно популярно, но отнюдь не вульгарно написано. Если он видел, что изложение страдает отсутствием популярности, то всегда спрашивал: «Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый. Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете». И он требовал от каждого, и чем более ответствен был товарищ, тем строже, чтобы автор тщательно работал над своими трудами, достигая наибольшей ясности (Вл. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. — «Читатель и писатель», 1928, № 2).

В умении сказать ясно о сложнейших вещах — ключ к пониманию силы и убедительности ленинского слова. В этом же умении — наиболее верный способ разоблачить несостоятельность и вред путаных или псевдонаучных рассуждений разных авторов. В статьях и заметках Влади-

мира Ильича разбросаны многочисленные характеристики нечетких, внепартийных формулировок: «глупый термин!» (замечания на статье А. Деборина «Диалектический материализм»), «неопределенный беспартийный термин „прогрессисты“» (Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе») и т. п.

Борьба Ленина с псевдоученой терминологией («учено-философской тарбарщиной»), с политическим красноречием и фразой—это борьба революционера-партийца за остроту и идейную четкость языка как важнейшего средства общения и орудия политической, классовой борьбы. Будучи глубоко уверенным в силе партийного слова, убежденным в том, что «слово — тоже есть дело», В. И. Ленин не раз призывал русских революционеров к бережному обращению с высокими словами, к ясному пониманию сложного пути от великих лозунгов к реальному их воплощению. К таким большим словам-лозунгам В. И. Ленин относил, в частности, слова **восстание** и **диктатура**: «Восстание — очень большое слово. Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв... С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны» (Последнее слово «искровской» тактики... 1905); «Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер» (Очередные задачи Советской власти).

Бережное отношение к языку как величайшей национальной сокровищнице, точное использование его в качестве средства общения и орудия классовой борьбы, совершенствование языковой культуры как средство и результат культурного воспитания народа — таковы важнейшие заветы Ленина в области речевой культуры.

В наши дни реальное воплощение — в широкой лексикографической работе, в поголовной грамотности народа, в подъеме просвещения, в развитии филологической науки в целом — получили заботы и начинания Владимира Ильича, связанные с языковым строительством, созданием популярных словарей для народа, распространением образования в массах трудящихся.

Языковая политика советского правительства и коммунистической партии, основываясь на творческом наследии Ленина в целом и на специальных его указаниях, удерживает литературную речь на высоком уровне современной культуры, связанной и с письменными историческими традициями прошлого и с народными истоками живого словоупотребления наших дней. Эта политика нашла свое отражение в мероприятиях по созданию алфавитов для бесписьменных народов, в постановлениях пленумов и съездов партии по национальным вопросам, в обращениях ЦК КПСС к писателям Советского Союза.

Патриотическая любовь к родному языку, забота о его дальнейшем развитии и совершенствовании — один из важнейших ленинских заветов. С гордостью за новый общественный строй, соединенной с гордостью за Россию и русский язык говорил и писал Владимир Ильич о русских словах **большевик** и **совет**, ставших во всем мире символом победы российского пролетариата в социалистической революции: «Слово „большевик“ и слово „совет“ повторяется теперь на всех языках мира» (Речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию); «...Слово „большевик“ приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей загра-

ничной прессе» (Речь на VII съезде РКП(б)); «...Везде в мире слово „Совет“ стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся» (Что такое Советская власть?).

Как великий революционер-интернационалист, Ленин учил пролетариат ценить культуру каждого народа, большого и малого, относиться с уважением к национальной форме выражения культуры — народному языку. В ряде известных предреволюционных работ (Критические заметки по национальному вопросу, Нужен ли обязательный государственный язык? и др.) Ленин решительно выступил против буржуазно-либерального лозунга о едином общегосударственном языке (каковым мыслился русский язык) и говорил о необходимости добровольного, а не «из-под палки», приобщения национальных меньшинств России к «великому русскому языку». Владимир Ильич был глубоко убежден в том, что «те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки».

С победой Великой Октябрьской социалистической революции народы нашей многонациональной страны получили возможность свободно решать свою политическую судьбу, всемерно развивать свою культуру и свои национальные языки. Языком дружбы народов Советского Союза называют по праву русский язык. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов «русский язык,— говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза,— фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».

В предреволюционную эпоху, в

статье «О национальной гордости великороссов», написанной в связи с волной шовинистического угара первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». В те далекие годы, в условиях царской России Владимир Ильич как бы предвидит роль и значение русского языка для будущего своей страны и всего мира.

И ныне мы являемся свидетелями того, как с каждым днем укрепляется и возрастает роль русского языка в современном мире. Русский язык— это язык передовой науки и техники, самого передового общественного строя, символ социализма и коммунизма. Русский язык — язык Ленина и его бессмертных произведений — стал теперь одним из ведущих языков межгосударственного общения.

Ленинские мысли о русском языке, ленинское отношение к языку как важнейшему средству человеческого общения и орудию политической борьбы пролетариата сохраняют свою актуальность для наших дней, служат делу культурного строительства и идейного воспитания, оказываются нержавеющей оружей в современной схватке идеологий. И мы с гордостью повторяем сегодня слова Владимира Ильича, сказанные им более полувека назад и наполненные для нас обновленным содержанием и смыслом: «Мы любим свой язык и свою родину...».

Л. И. СКВОРЦОВ

ЛЕНИН И СЛОВАРЬ ДАЛЯ

18 января 1920 года Ленин пишет наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...». В этой ленинской записке почти каждое слово требует пояснений. Когда «недавно»? Как понять «впервые»? Что значит «ознакомиться»?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо предварительно выяснить, что такое *грядиль* — слово, лишь однажды возникшее под пером Ленина.

Известно ли вам оно? По-видимому, нет. Если подсказать, что *грядиль* — одна из основных частей плуга, нетрудно догадаться, что значение этого слова можно найти в известном «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, в котором обильно представлена крестьянская терминология.

Берем Словарь Даля: *грядиль* — «плужное дышло, вал, дрога́, укрепляемая в комле рукоятей и связываемая с полозом или подошвой стояком». Для современного (и тем более городского) читателя такое определение непонятно. И дело не в том, что не все сейчас разбираются в деталях такого важнейшего сельскохозяйственного орудия, каким был и остается плуг; и не в том, что Словарь составлен более ста лет назад и (как это отметил

еще Ленин) «устарел». Дело в том, что подобные определения вообще характерны для Даля — определения через термины-синонимы, с использованием слов, бытующих в языке крестьян и ремесленников и потому многим не известных. Основной недостаток определения, предложенного Далем, в том, что оно не разъясняет, для чего служит *грядиль*. Попробуем пойти другим путем.

Очевидно, в далевском определении вам прежде всего незнакомо слово *дрога́*. Листаем словарь: *дрога́* — «продольный брус у летних повозок всех родов для связи передней оси (подушки) с задней». Здесь ни слова о плуге, но приблизительное представление о назначении *грядили* получаем. Даль говорит также, что *грядиль* соединена со стояком. Вероятно, в толковании слова *стояк* что-нибудь будет сказано и о *грядили*. Так и есть: *стояк* в плуге «связывает *грядиль* (или дышло) с полозом у отвала». В сущности вернулись к прежнему определению: *грядиль* — это плужное дышло.

В Словаре Даля отдельной статьей представлен вариант слова *грядиль* — *гра(е,я)диль*: «вал плуга, плужная рассоха, дрога́». Продолжаем поиск: *рассоха* — «стан, дерево сохи; на *рассохи* набиты сошники, на верхние концы валец, ка-

зачка? Как видим, чтобы объяснить назначение плужной грядилы, Даль обращается к хорошо знакомому тогдашним читателям предмету — сохе (как и любой лексикой, Словарь Даля — продукт своей эпохи: в крестьянских хозяйствах плуг еще только шел на смену сохе).

Обратимся к более позднему и не менее популярному словарю — к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: грядиль — «продольный брус у плуга для прикрепления отдельных частей». Теперь ясно, что такое грядиль и главное для чего она служит.

Почему мы заинтересовались именно этим ленинским словом? И зачем для выяснения его значения нам понадобилось обращаться к Далеву словарю, вместо того, чтобы сразу же справиться в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова?

В 1910—1912 годах Ленин собирает материалы к большой работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». С этой целью он конспектирует пятитомную «Сельскохозяйственную статистику областей Венгерского королевства» (на немецком языке). В разделе «Орудия для возделывания почвы» он обратил внимание на то, что сведения о наличии в венгерских сельских хозяйствах однолемешных плугов поделены на две группы: плуги mit Holzgrindel (с деревянной грядилею) и плуги mit Eisengrindel (с железной грядилею). Видимо, необходимость такого деления по какой-то части плуга не была вполне понятной, и Ленин старается узнать, что такое Grindel. Установив, что Grindel — это русская *грядиль*, он — для выяснения значения этого слова — и со-

вершает ту работу, которую мы только что проделали с вами (см. «Ленинский сборник». XXXI, стр. 283—284). Наши выписки из Словаря Даля — точное повторение того словарного поиска, который принял Ленин.

Так на практике Ленин знакомится с сильными и слабыми сторонами Словаря Даля. По-видимому, слова Владимира Ильича о его непростительно позднем знакомстве со «знаменитым словарем Даля» следует понимать не только как проявление скромности, но и в том смысле, что лишь в 1919—1920 годах он впервые смог изучить давно знакомый ему словарь основательно и всесторонне.

Возможно, первое знакомство Ленина со Словарем Даля произошло в гимназические годы. С 1870 года Словарь (хотя и не в полном виде) имелся в симбирской публичной, так называемой Карамзинской, библиотеке, членом совета которой в течение восьми лет состоял Илья Николаевич. Подрастая, его дети самостоятельно пользовались библиотекой (об этом вспоминает М. Ф. Кузнецов, сидевший несколько лет с гимназистом Владимиром Ульяновым за одной партией: «Писал он сочинения тщательно, делал выписки из книг, взятых из бывшей Карамзинской библиотеки»).

Комплектуя библиотеку в своем совнаркомовском кабинете, Ленин, как неоднократно писал об этом тогдашний управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, среди первоочередных книг назвал и Словарь Даля. «Я помню, как в самый разгар гражданской войны, когда, казалось, газету-то читать было некогда, Владимир Ильич, — вспоминает Бонч-Бруевич, — обратился ко мне с просьбой съездить

в Румянцевский музей [ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.— Е. А.] и привезти ему книжки... Тут же он приписал, что хотел бы иметь словарь русского языка Даля, который, конечно, был ему доставлен...». Как свидетельствует счет на книги от 18 декабря 1919 года и записка Ленина В. Д. Бонч-Бруевичу от 4 января 1920 года, Владимир Ильич на собственные деньги («Мою библиотеку оплачиваю я лично») приобрел Словарь Даля. Из каталога ленинской кремлевской библиотеки узнаем, что это было третье, дополненное И. А. Бодуэном де Куртенэ издание (1903—1909).

По рассказам сотрудников Ленина и его близких, получив словарь, Владимир Ильич поставил его на вертящуюся этажерку («вертушку») справа от рабочего кресла (где он и стоит до сих пор) и в минуты отдыха нередко листал, вчитываясь в словарные статьи. Его радостно изумляли глубокие мысли и наблюдения, заключенные в пословицах, образные обороты речи.

Видимо к этому времени относятся воспоминания Г. М. Кржижановского, рисующие Ленина со Словарем Даля в руках: «Необыкновенная четкость и убедительность его литературного языка является прямым результатом его громадной работы над собой. Стоило только при Владимире Ильиче произнести какое-либо неизвестное ему русское слово, как немедленно учинялся вопрос: „Откуда вы взяли это слово, правильно ли вы его употребляете?“. И неизменно рылся в известном словаре Даля, высоко оценивая его авторитет...».

Кстати сказать, Ленину, очевидно, были знакомы все три дореволюционных издания Словаря: в

симбирской библиотеке находилось первое издание (начало 60-х годов); в 1910—1912 годах, по наблюдениям исследователей, он пользовался его вторым изданием (начало 80-х годов); в последние годы жизни — третьим. Ленину принадлежит и мысль о полезности его переиздания для нового, советского читателя. Н. К. Крупская вспоминает: «Чтобы понять, какая образность близка крестьянину, Владимир Ильич, между прочим, особенно внимательно читал и изучал Словарь Даля, настаивая на его скорейшем переиздании» (Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в 10 томах. Т. 8, стр. 82). И следует сказать, что это желание Ленина было выполнено: в наше время Словарь Даля дважды переиздавался.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля современники назвали энциклопедией русской речи. Помимо слов литературного языка (сто тысяч), Словарь содержал более ста тысяч слов, «ником еще не подслушанных» (Даль), собранных со всех концов России и бытующих среди крестьян, ремесленников, солдат, мещан, торговцев. Как теоретик, Даль стремился упорядочить письменный, литературный язык на основе устной, живой (преимущественно крестьянской) речи; только повседневно звучащую речь народа он считал речью истинно русской, самобытно национальной. Отсюда и его взгляд на словарь как на «сбор запасов из живого языка, не из книг». Это намерение Даля — дать образованному читателю прежде всего слова народные, бытующие в различных частях огромной страны, среди низших слоев населения — превращало его словарь в копилку диалектно-крестьянской лексики.

Справедливо охарактеризовав Далев словарь как «областнический» и устаревший, Ленин в то же время ценит его как лучшее собрание народных слов и выражений. Давая ему оценку, Владимир Ильич был верен своему принципу: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» (Полное собрание сочинений. Т. 2, стр. 178). Даль как никто до (и после) него показал богатство русской речи, и благодаря этому его монументальный словарь стал настольной книгой Владимира Ильича. В то же время Ленин понимал, что Словарь Даля не есть словарь образцового языка и не может заменить его.

Между тем в условиях обновленной, послеоктябрьской России стала очевидной необходимость в толково-нормативном словаре, который отразил бы изменения, произошедшие за годы трех революций и двух войн, и помог стабилизации распатанной языковой нормы. Задачу создания именно такого словаря Ленин ставит перед лингвистами.

Впервые эту мысль он развивает в упомянутой записке А. В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького» (т. 51, стр. 122). И далее: «Словарь классического русского языка?». Эта мысль повторена Лениным через три с половиной месяца (5 мая) в записке М. Н. Покровскому, видному историку-марксисту, заместителю наркома просвещения: «Мне

случилось как-то беседовать с т. Луначарским о необходимости издания хорошего словаря русского языка. Не вроде Даля (выделено нами.— Е. Л.), а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)» (т. 51, стр. 192).

Если причиной, побудившей Ленина дать Наркомпросу задание по подготовке толково-нормативного словаря, было сознание необходимости его для культурного развития новой России, то не исключено, что побуждением к этому заданию послужило чтение Словаря Даля (маленький штрих: счет на Далев словарь поступил 18 декабря 1919 года, 4 января 1920 года Ленин его оплачивает, а записка Луначарскому написана 18 января 1920 года). Так или иначе, но в характеристике проектируемого словаря Владимир Ильич отталкивался от Даля.

«Не вроде Даля» — это значило словарь литературного, классического языка (вспомним: «это областнический словарь»); предполагало словарь образцовой, выверенной массовым употреблением лексики (требование нормативности); означало словарь современного, нынешнего русского языка (вспомним: «... и устарел»); словарь для пользования и учения всех («хороший словарь»); наконец, словарь краткий, удобный для справок, учитывающий новые орфографические правила.

Таким образом, Ленин предполагал не заменить Словарь Даля (это было невозможно и в этом не было необходимости), а создать новый, отличающийся по своим задачам словарь.

(По настоянию Ленина работа над словарем началась тогда же, в 1921 году, но была прервана обстоятельствами; позднее и отчасти ленинский замысел был использован в четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова).

Современников Ленина удивляло и восхищало — а нас, их потомков, удивляет и восхищает еще больше, — что в условиях острейшей гражданской войны, разрухи, надвигающегося голода (1920), в буднях, заполненных решением кардинальных хозяйственных, военных и партийных дел (обратите внимание: записка Луначарскому написана на бланке Председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны), Владимир Ильич считал необходимым решать вопросы, связанные с культурным строительством. Именно к этому времени (1919—1920 годы) относятся знаменитые слова Ленина: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности» (т. 40, стр. 49) — протест против засорения нашего языка без нужды заимствованными и псевдоучеными словами.

Нельзя не отметить, что заметка Владимира Ильича, написанная тогда же, когда он приобрел Словарь Даля или несколько позже, и являющаяся результатом его личных наблюдений (она имеет подзаголовок: «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях»), перекликается со словами Даля из статьи, предпосланной словарю: «Испещрение речи иноземными словами... вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим». Заметка Ленина

не была одиноким наблюдением человека, озабоченного состоянием национального языка. Засорение литературного языка бездумными заимствованиями волновало многих, и после публикации записки в «Правде» (3 декабря 1924) мысль Владимира Ильича поддержали виднейшие советские лингвисты — Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба и др.

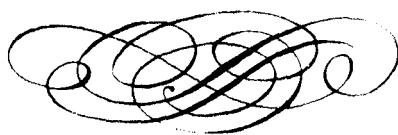
Историкам, психологам, лингвистам еще предстоит объяснить, почему в эти годы, в условиях предельно напряженной работы (как тогда говорили: «Начинаю шестнадцатый час моего восьмичасового рабочего дня»), — почему именно в это время Ленин проявил обостренный интерес к «родной русской речи». И, по-видимому, дело здесь не только в том, что он считал своим долгом руководителя государства интенсивно заниматься вопросами культурной революции, развернувшейся в стране. Очевидно, ответ надо искать в том, что интерес Ленина к языковым вопросам, проявившийся в эту пору, был его реакцией гражданина на отрицательные процессы, происходившие в родном языке. Ленин выступил против расшатывания языковой нормы, сложившейся под пером образцовых русских писателей, высказался за закрепление ее в массовом толково-нормативном словаре.

В своих размышлениях о новом словаре он «отталкивался» от Словаря Даля. Ленин видел слабые стороны Далева словаря и высоко оценивал все то положительное, чем поныне знаменит этот великий словарь.

Е. А. ЛЕВАШОВ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Если говорить о русском языке в год столетнего юбилея великого основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина, то мы с гордостью можем отметить, что Ленин творил свои бессмертные труды на русском языке, и факт этот — факт всемирного значения.

Как тут не вспомнить светящиеся строки Владимира Маяковского, который воскликнул однажды:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.
Когда
Октябрь орудийных бурь
по улицам
кровью лился,
я знаю,
в Москве решали судьбу
и Киево и Тифлисов.

В годы Октября могучее революционное русское слово сопровождало красные знамена в битве за свободу и независимость народов по всей неизмеримой территории бывшей царской империи. И с ним приходило к народам, свергнувшим иго царизма и капитализма, освобождение умов для овладения новейшими знаниями века социализма, и на русском языке начинался поход в будущее и дружеская беседа народов между собой.

Русский язык — могучий мост, соединяющий все языки и наречия нашей Советской державы. В одном Дагестане семь больших языков и множество наречий. Но русский язык объединяет горцев самых отдаленных ущелий с братскими народами всех республик. Он же служит ознакомлению широкого читателя с литературой братских народов, сделав произведения классиков и современных поэтов и писателей известными даже за рубежом нашей страны, так как там переводят с русского сочинения писателей национальных литератур.

Народы социалистического лагеря, особенно славянские, жадно изучают русский язык, потому что он — братский язык, дорогой по своему звучанию, язык воинов-братьев, освободителей, пришедших в Польшу, в Чехословакию, в Болгарию, в Югославию, чтобы свергнуть фашистское иго и обняться с братьями на пире победы.

Старые родственные узы скрепляют творчество и дружбу сегодняшних поэтов и писателей славянских стран.

Русский язык проник сейчас на Запад и на Восток. Он на устах молодого индийца и студента-европейца, изучающего его в своих западных университетах и институтах, потому что ученые открытия советских академиков надо читать в подлиннике, как в подлиннике изучать советских и классических поэтов.

А русский язык многообразен, щедр, богат звукописью, удивителен по тонкости, музыкальности, задушевности... Необыкновенно хорошо определил его качества великий сын земли русской Михайло Васильевич Ломоносов, написав еще в далекие от нас времена: «Карл Пятый, римский император, говорил, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оними говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Сегодня русский язык — передовой язык мира. Недаром на нем говорят теперь на всех всемирных конгрессах и международных совещаниях. Он — рабочий язык этих собраний, где обсуждаются мировые проблемы. И не только ученые и общественные деятели выступают на нем перед мировым общественным мнением и научным миром. Много инженеров, специалистов, простых рабочих находятся сейчас в странах, где Советский Союз помогает в строительстве самых разных сооружений: плотин, портов, железных дорог, дорог шоссейных, разработке руд, постройке больниц и школ, мостов и всяких иных сооружений. В Бхилаи в Индии русский язык усвоили индийские металлурги, в Египте — строители Асуанской плотины, работающие под руководством советских людей. В Афганистане люди получили специальность, строя дорогу, соединяющую Кабул и Мазаришериф на севере, учась русскому языку. В Африке много советских учителей приобщают население освободившихся от колониализма стран к современным знаниям, и русский язык звучит в глубине черного материка, где раньше он был чрезвычайной редкостью.

Русский язык дореволюционных времен сейчас еще больше обогатился от тесного соприкосновения с языками братских народов, принял множество новых слов, порожденных революционными временами. Современная поэзия способствовала еще более богатому его развитию, принесла новые ритмы, новые рифмы, чрезвычайно обогатив поэтическую систему новой образностью.

Песни на русском языке можно услышать на всех материках земли. Их поют с удовольствием, тщательно выговаривая русские слова.

И недалеко то время, когда можно будет ездить по всем странам и всюду найдутся люди, говорящие и понимающие по-русски. Есть международные языки, из которых на первом месте стояли английский и французский. И рядом с ними встанет русский язык, потому что он исторически вышел на мировую арену, занял высокое, подобающее ему по всемирному значению место, став языком ленинского учения, языком революционной эпохи, не имеющей равной в истории человечества, языком великого народа, давшего миру столько новых знаний во всех областях наук и искусств, в литературе и в борьбе за счастливое будущее всего человечества!

И тогда, когда наступит время мирного сосуществования, когда угроза смертельной катастрофы для народов уйдет в прошлое, мир восторжествует на всей планете, люди с радостью и благодарностью вспомнят, что первый декрет Советского государства, провозглашенный Владимиром Ильичем Лениным, был декрет о мире, и произнесен он был и написан на русском языке. И слова его будут звучать вечно, как вечно будет жить и развиваться великий русский язык!

Николай Тихонов

Родоначальник преподавания русского языка в болгарской школе — Найден Геров. В своем родном городе Копривщице он создал в 1846 году школу с изучением русского языка. Преподавателями русского языка в Болгарии были и русские революционеры-эмигранты. Первым преподавателем русского языка в Софийском университете был Орест Макарович Говорухин, известный в Болгарии под фамилией Георгиев. Говорухин-Георгиев был участником революционной группы А. Ульянова. Ему угрожала тюрьма и он уехал за границу.

В настоящее время различными видами обучения русскому языку в стране охвачено около 12 процентов населения.

БЕССТРАШИЕ В СТРЕМЛЕНИИ «ДОЙТИ ДО КОРНЯ»

Толстой и русская революция — такова главная тема ленинских статей о Л. Толстом. Именно В. И. Ленину принадлежит открытие этой проблемы, которая была центральной для Толстого, определяющей все его творчество. Ленин не только установил этот факт, но и раскрыл его объективно-историческое содержание, его социальную природу. До статей Ленина Толстой всегда оказывался стоящим как бы вне исторического процесса и его законов. Ленин показал закономерность и необходимость появления Толстого в русской жизни второй половины XIX века — «в пореформенную, но дореволюционную эпоху» (В. И. Ленин), раскрыв объективный исторический смысл его творчества.

Ленинская концепция творчества Льва Толстого получила освещение в ряде статей и исследований советских литературоведов и критиков. В их работах детально проанализировано данное Лениным истолкование толстовского творчества, выяснена ленинская общая оценка Л. Толстого, проведена связь между этой оценкой и ленинской мыслью о мировом значении русской литературы.

Однако статьи Ленина о Толстом — ключ не только к проблематике произведений великого писателя, но и к поэтике их. К сожалению, вплоть до настоящего времени нет научно-исследовательских работ, освещающих этот вопрос. А между тем глубокие и четкие ленинские формулировки помогут исследователям творчества Льва Толстого выработать правильный метод изучения его стиля, сделать новые обобщения о природе и специфике толстовского реализма.

Важнейшее методологическое значение имеет такое положение Ленина: «... Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы,

что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» (Полное собрание сочинений. Т. 20, стр. 19).

В статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» В. И. Ленин пишет: «Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении „дойти до корня“, найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских „хитровцев“ и т. д.» (т. 20, стр. 40).

Здесь с исключительной рельефностью охарактеризованы общие и специфические черты реализма Толстого. Отмечая, что критика Толстого «отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью», Ленин выделяет верность Толстого жизненной правде, его реализм и силу этого реализма. Указывая на то, что критика Толстого выражает ломку взглядов широких народных масс, Ленин подчеркивает народность толстовского творчества.

Отметив стремление Толстого «дойти до корня», Ленин указал на своеобразие толстовского реализма: своему читателю Толстой показывает и сущность явления («корень»), и путь к установлению этой сущности («стремление»). Разумеется, все художники-реалисты исследуют жизнь, но произведения их содержат результаты исследований; Толстой же не ограничивается этим: он освещает самый процесс исследования действительности.

Эта особенность проявляется наиболее ощутимо в стиле толстовского повествования, основная задача которого — передать процесс исканий истины, раскрыть, как то или иное убеждение постепенно становится непреложным для автора или героя. Именно этой цели служат у Толстого обстоятельные и точные описания и характеристики, сложная логическая обработка материала изображаемой действительности, периодическая форма речи.

Вот как Толстой описывает течение мыслей и смену чувств Пьера Безухова:

«Хорошо бы было поехать к Курагину», подумал он.

Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина. Но тотчас же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось еще раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решил ехать. И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолию слово быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного.

Вместо этих трех больших предложений Толстой мог ту же мысль выразить в одном коротком, в котором сообщалось бы о том, что, несмотря на данное Андрею слово, Пьер по бесхарактерности решил поехать к Курагину. Но Толстому мало указать на бесхарактерность: ему надо ее раскрыть и растолковать, установить причины. Толстому надо показать не только то, что Пьеру казалось правильным (поехать к Курагину), но и путь к этому решению, поэтому автор самым тщательным образом воспроизводит процесс размышлений героя.

Не менее показателен такой отрывок из романа «Воскресение»:

Приказчик улыбался, делая вид, что он это самое давно думал и очень рад слышать, но в сущности ничего не понимал, очевидно, не оттого, что Нехлюдов неясно выражался, но оттого, что по этому проекту выходило то, что Нехлюдов отказывался от своей выгоды для выгоды других, а между тем истина о том, что всякий человек заботится только о своей выгоде в ущерб выгоде других людей, так укоренилась в сознании приказчика, что он предполагал, что чего-нибудь не понимает, когда Нехлюдов говорил о том, что весь доход с земли должен поступать в общественный капитал крестьян.

И здесь Толстому важно не только то, что приказчик совсем не понимал Нехлюдова, делая вид, что ему все понятно, но также исследование этого непонимания и притворства, причин, почему они возникли. Желая как бы единым духом («не переводя дыхания») сказать и о факте, и о причинах его, Толстой не хочет ставить точку до тех пор, пока все это не выражено.

Стремление «дойти до корня» явлений действительности, составляющее специфику толстовского реализма, наиболее ощутимо проявляется при изображении внутреннего мира героев. Ведь воспроизвести правду жизни и процесс ее исканий — это значит проникнуть в тайны человеческих переживаний и запечатлеть их в слове.

Толстой умеет показать самые тонкие и скрытые чувства своих героев, обнаружить противоречивость их переживаний, несовпадение сказанного ими с внутренними, настоящими желаниями и помыслами. Толстой стремится вносить ясность, освещать все темные, скрытые уголки души, отыскав для этого в языке нужный оттенок смысла.

Стремление «дойти до корня» свойственно и толстовскому обличению отрицательных явлений действительности, которое Ленин характеризует особо. В эпоху, когда жил и творил Толстой, исследовать правду жизни означало прежде всего обличать общественную ложь. В период, когда прогрессивные силы русского общества были сосредоточены на борьбе с самодержавием, остатками крепостного права, растущим капитализмом, реализм Толстого, с его проникновением в самую суть явлений, не мог не стать критическим. Думается, не случайно Ленин ставит рядом такие выражения: «самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок» (т. 17, стр. 209).

Разумеется, обличение гнусной российской действительности было присуще не одному Толстому. Начиная с Радищева и кончая Чеховым, крупнейшие художники русской классической литературы не прекращали обнажать духовную нищету владельцев крепостных крестьян — русских помещиков, этих «мертвых душ», изображать обветшание дворянских гнезд, вырождение их представителей, оскудение и полное одичание господ Головлевых, Телятевых, рисовать «темное царство» Диких и Кабаних, разоблачать античеловеческую сущность представителей капитала, отвратительный моральный облик всех этих Колупаевых, Разуваевых и им подобных.

Поэтому Ленин пишет: «Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся» (т. 20, стр. 40).

Новым, однако, был стиль обличения, который ввел Толстой.

«Срыванье всех и всяческих масок» — этими словами Ленин глубоко и точно определил специфику толстовского обличения. Лев Толстой увидел, что язвы общественной жизни, недостатки и пороки отдельных лиц почти никогда не проявляются открыто; в реальной жизни они замаскированы, незаметны, более того, часто они имеют видимость явлений положительных и даже прекрасных. Поэтому, обличая то или иное отрицательное явление, Толстой изображает его и таким, каким оно кажется до углубленного исследования, и таким, каким оно оказывается на самом деле. Внешнему и показному Толстой противопоставляет внутреннее и подлинное, маске явления противостоит его сущность.

Стилистически это выражается в замене условно-возвышенных общепринятых обозначений словами простыми и грубыми, подчеркивающими отрицательную сущность изображаемого. Так, описывая в «Войне и мире» оперный спектакль, Л. Толстой не пользуется общепринятыми словами (актеры, декорации и т. п.), а говорит так: «На сцене были ровные доски посредине, с боков стояли крашенные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках».

Противопоставление общепринятых слов-масок словам, обнажающим подлинную сущность изображаемого, содержится и в таких предложениях из «Войны и мира»: «Под Красным взяли 26 тысяч пленных, сотни пушек, какую-то палку, которую называли маршальским жезлом»; «В это же время во Франции был гениальный человек — Наполеон. Он везде всех побеждал, то есть убивал много людей, потому что он был очень гениален». Не маршальский жезл, а палка; не гениальный человек, а убийца многих людей. Такое противопоставление наглядно показывает нелепость, бессмыслицу, «алогизм обычного», по выражению Ленина (это выражение приводит М. Горький в очерке «В. И. Ленин»).

Обличая, например, в романе «Воскресение» церковь, Толстой так описывает богослужение:

Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью.

За внешней видимостью богослужения Толстой вскрывает его подлинную сущность: предполагается нечто священное и таинственное — на самом деле все обыкновенно, просто и буднично. Стилистически это выражается в замене церковной терминологии с присущим ей оттенком значительности, важности, торжественности лексикой бытовых и обиходных слов: не риза, а парчовый мешок; не дискос, а блюдце; не воздух, а салфетка; не потир, а чаша.

«Срыванье всех и всяческих масок» — эти слова удивительно точно характеризуют не только общую направленность толстовского реализма, но и стилистические средства обличения у Толстого, который, разоблачая, дает два словесных ряда обозначений: явление в его общепринятой словесной маске и то же явление без словесной маски.

Основываясь на ленинских положениях, В. В. Виноградов пишет о стиле толстовского обличения: «Словам-маскам, фразам идеологически противостоят слова как непосредственные, простые и правдивые отражения жизни во всей ее неприкрашенной наготе и противоречащей пестроте и сложности» («Литературное наследство», № 35—36, М., 1939, стр. 162).

Очень важны суждения Ленина о толстовской поэтике, не вошедшие в его статьи о Толстом. Так, в статье «Признаки банкротства» (т. 6) Ленин отметил «ядовитую насмешку» Толстого. Это выражение великолепно характеризует иронический подтекст, часто встречающийся в толстовских произведениях.

С «ядовитой насмешкой» переданы рассуждения героя трилогии о людях *comme il faut*, «правила» Вронского в «Анне Карениной», мотивы поведения судейских в «Воскресении» или такое рассуждение героев «Смерти Ивана Ильича», данное в авторском пересказе:

...в министерстве произойдет на днях переворот: на место Петра Ивановича назначают Ивана Семеновича.

Предполагаемый переворот, кроме своего значения для России, имел особенное значение для Ивана Ильича тем, что он, выдвигая новое лицо, Петра Петровича и, очевидно, его друга Захара Ивановича, был в высшей степени благоприятен для Ивана Ильича. Захар Иванович был товарищ и друг Ивану Ильичу.

Здесь нет ни единого характеризующего, тем более оценивающего прямого авторского вмешательства, но есть серия намеков: разномасштабность явлений, о которых говорится как об однородных, едва намеченная нелепость сочетания двух значений министерского переворота (для России и для Ивана Ильича), тщательно воспроизведенная иерархия его друзей, от которых зависит дальнейшее продвижение героя по службе. Все это придает отрывку характер ядовитой насмешки.

В Толстом-художнике Ленин ценит, однако, не только стремление «дойти до корня», не только обличителя правящих классов, «срывающего все и всяческие маски» с их представителей, великого «разрушителя лжи», по определению Горького.

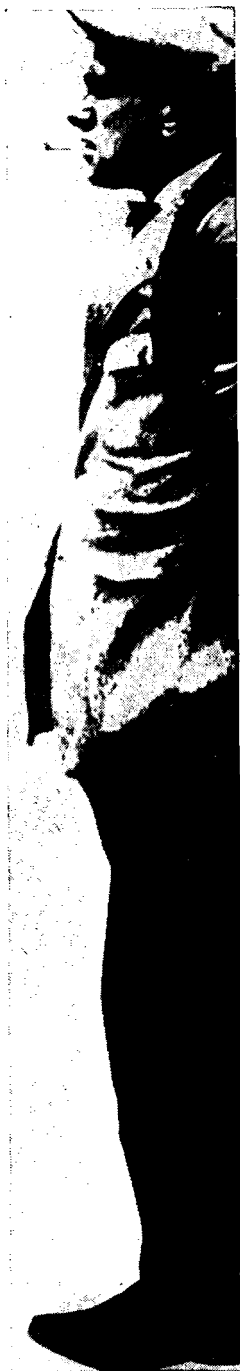
Глубоки ленинские мысли о языке Льва Толстого. В статье «Л. Н. Толстой» сказано: «Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о „голосе цивилизованного человечества“, о „единодушном отклике мира“, об „идеях правды, добра“ и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, „цивилизованной“ лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики» (т. 20, стр. 22—23).

В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» Ленин пишет: «... язык Тургенева, Толстого, Добролюбова и Чернышевского — велик и могуч» (т. 24, стр. 294). Для Ленина Толстой — «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы» (т. 17, стр. 209).

Таким образом, В. И. Ленин, рассматривая произведения Льва Толстого в единстве их формы и содержания, находит такие формулировки, которые исключительно глубоко и точно характеризуют не только проблематику, но и поэтику толстовского творчества.

«Следовать мыслям великого человека есть наука самая занимательная», — утверждает Пушкин. Исследование наследия Л. Толстого в свете ленинской концепции его творчества не только в высшей степени увлекательно, доставляет радость интеллектуального обогащения, но и полезно и плодотворно, так как развивает нашу методологию, позволяет сделать на ее основе убедительные новые наблюдения и выводы.

Вл. А. КОВАЛЕВ

«ИЩИТЕ СВОЙ КОРЕНЬ И СВОЙ ГЛАГОЛ»

В канун ленинского юбилея в газетных и журнальных статьях, на книжных страницах, в радиопередачах нередко можно встретить знакомые строки Маяковского. «Ленин и теперь живее всех живых», «Самый человечный человек», «Видел то, что временем сокрыто» — это не просто цитаты из поэмы; поэтическое слово Маяковского живет в современном языке, и немалое число его стихов, в которых так приметна печать авторского своеобразия, по существу пополняет состав русской речи, снова и снова свидетельствуя о непрерывном процессе развития и обновления языка.

Вероятно, не все читатели помнят, откуда взяты такие широко известные фразы и выражения: «И жизнь хороша, и жить хорошо»; «Лет до ста расти нам без старости»; «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым»; «Отечество славлю, которое есть, но трижды, — которое будет»; «Это мой труд вливается в труд моей республики»; «Размаха шаги саженьи»; «О времени и о себе»; «Больше поэтов, хороших и разных» и т. д. Выйдя из книг поэта, они давно живут своей жизнью, порою даже видоизменяются, как некоторые типы фразеологизмов, подчиняясь новому смысловому заданию, но сохраняя при этом свою структуру (так, например, в газетных заголовках можно увидеть такие вариации последнего из цитированных примеров: «Больше песен, хороших и разных», «Больше машин, хороших и разных» и даже «Больше товаров, хороших и разных»).

Как в природной системе очищения вод, в живом языке отсеиваются, отпадают, уходят в небытие чужеродные наслоения и примеси и сохраняется лишь то, что прочно связано с жизнью и мыслью народной. И если поэтическое слово превращается в живую речевую формулу, если

оно десятилетия сохраняется не только в языке современников, но и в речи новых поколений (статистика утверждает, что более $\frac{3}{4}$ населения нашей страны родилось после Октября, следовательно, они не были свидетелями и участниками воспетой Маяковским революции), то мы вправе говорить о народности поэта.

На первый взгляд такое суждение может показаться не очень обоснованным. Ведь представление о народности обычно связано с особым складом речи, традиционными народными оборотами, лексикой, близостью поэтических образов к природе, крестьянскому мироощущению, словом, с теми свойствами поэтической речи, в которых наиболее явственно отражены ее национальные истоки.

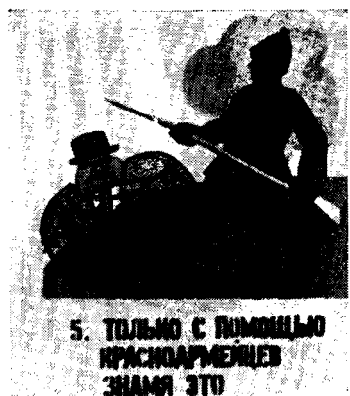
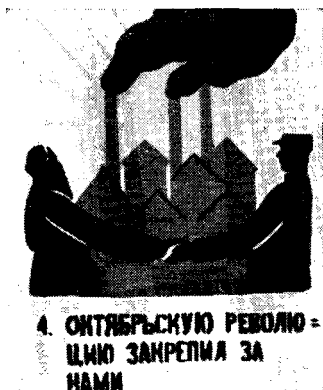
Применимо ли это к творчеству Маяковского, поэта совсем иного склада, начавшего свой путь среди футуристов с их призывами к ломке языка, поэта «газетчика», образный мир которого прежде всего связан с жизнью города, с социальными катаклизмами переломной эпохи? Поэта, решительно боровшегося против «старья», беспощадно высмеивавшего всяческое подражательство и столь язвительно упомянувшего в одном из своих стихотворений про «мужиковствующих свору»?

Казалось бы, поэзия Маяковского слишком мало имеет соприкосновений с представлениями о народности (если, конечно, эти представления упрощенно укладываются в очерченную выше схему). Однако уже сам факт широчайшей популярности поэтических формул Маяковского (несколько необычное сочетание — «поэтическая формула» — в данном случае оправдано, так как речь идет о поэтическом, образном выражении, дающем лаконичную, обобщенную формулировку мысли) заставляет усомниться в справедливости подобных суждений и попытаться первые впечатления проверить анализом, обратиться к некоторым весьма существенным особенностям языка поэта.

Бесспорна политическая насыщенность поэзии Маяковского, теснейшая ее связь с языком революционной эпохи, с ее социальными, этическими и эстетическими представлениями. Поэт, отдавший революции весь свой громадный талант, сумел поэтическое слово превратить в мощное оружие борьбы за социализм. Его стих впитал в себя маршевые ритмы, ораторские интонации тех незабываемых лет, ло-

Окна РОСТА. Рисунки и текст
В. В. Маяковского
(октябрь 1921 года)

зунговую краткость и точность, публицистическую меткость слова. Он оказался способным передать высокий пафос революционной борьбы, которой поэт посвятил свое творчество:

Делами,
кровью,
строкою вот эту,
нигде не бывшую в найме,—
я славлю
взвитое красной ракетой
Октябрьское,
руганное и
пропелое,
пробитое пулями знамя.

В его стихах находим и обращенные к «товарищам-потомкам» раздумья «о времени и о себе», и любовные слова о своей земле, «которую завоевал и полуживую вынянчил», о земле, что напомнила поэту «о весне человечества», и гневные обвинения, адресованные врагам социалистической Отчизны, «разным мерзавцам, что ходят по нашей земле и вокруг».

Стих Маяковского смог вместить ленинские призывы (исследователи поэмы «Владимир Ильич Ленин» показали, как в поэтическую строку входили некоторые высказывания Ленина; в специальных работах прослежена связь характерных поэтических образов Маяковского с политической фразеологией эпохи и с речами Владимира Ильича), и живую речь своих современников, со свойственной ей резкой контрастностью, настойчивыми поисками новых форм, определенностью социально-классовых оценок, и язвительную иронию, и нежнейшую лирику любовных признаний.

Эта многогранность поэтической речи, как бы вобравшей в себя разные пласты, различные грани языка своей эпохи, уже сама по себе позволяет говорить о народной основе языка поэзии Маяковского. О народности, понимаемой в широком соотношении с народной жизнью, с народной истори-

ей. Если же мы попытаемся всмотреться в слово поэта, то станет очевидна глубинная его связь с «языковой подпочвой», по выражению М. Рыбниковой, одного из первых исследователей языка Маяковского.

В литературных спорах 20-х годов (и в немалом числе более поздних критических статей) Маяковского представляли в роли ниспровергателя всех и всяческих традиций, а в его языке на первый план выдвигали «разрушение синтаксиса», «высвобождение» слова из привычных синтаксических связей, «разложение» идиом и т. п. И некоторые полемически нацеленные высказывания поэта участники группы Леф, куда входил Маяковский, охотно использовали для подтверждения подобных мыслей. А их противники, имажинисты, стремясь уязвить поэта, писали, что у него, несмотря на все „лефство“, язык как у замосворецкой просвирни (напомним, что Пушкин у замосворецкой просвирни советовал писателям учиться русской речи), и приводили примеры идиоматических оборотов в стихах Маяковского.

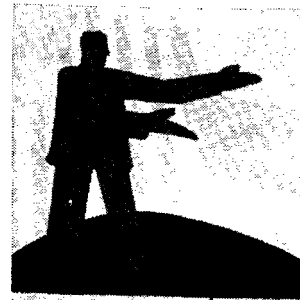
Действительно, в поэтическом языке «агитатора, горлана-главаря» можно обнаружить множество поговорок и пословиц, фразеологизмов, традиционных оборотов, которые близки и понятны русскому человеку, с детства знающему и порой даже не замечающему их в повседневной речи, оборотов, в которых, может быть, ярче всего запечатлелась национальная физиономия языка. Они входят в стих порою в слегка видоизмененной форме, как, например, в «Разговоре с фининспектором о поэзии»:

Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь.

Пословица как бы «приноровлена» к конкретной ситуации, к авторской

6. ДОНЕСЕМ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ВСЕГО СВЕТА

7. ТАК СТАРАЯСЯ-Ж
НАМЫДЬ

8. ОНТРЕБИЮ В ЧЕСТЬ
РАБОТУ ПО УКРЕПЛЕНИЮ
АРМИИ ВЕСТЬ

мысли. Сохраняя основную синтаксическую структуру, ядро пословицы или поговорки, Маяковский включает ее в движение стиха:

Понимают
 ощерившие
 сытую пасть,
что если
 в Россиях
 увязнет коготок,
всей
 буржуазной птичке —
 пропасть.

Или:

Устаешь
 отбиваться и отгрызаться.
Многие
 без вас
 отбились от рук.

«Чем точить демократические лясы»; «Тяп да ляп — не выйдет корабль»; «Заговариваю зубы, только слушать согласись»; «Взвидя, что есть любовная ржа, что каши вдвоем не сварись»; «С такими, товарищ, не сварись уха. Держи, товарищ, порох сухим» — легко уловить в этих и подобных им примерах ясно выраженную опору на традиционные обороты, ту свободу обращения с родной речью, которая при всей своей кажущейся простоте оказывается доступной далеко не каждому мастеру художественного слова.

Нередко поэтический образ вырастает из пословицы, поговорки. Так, в поэме «Владимир Ильич Ленин» мысль о будущем передана в таких стихах:

Пройдут
 года
 сегодняшних тягот,
летом коммуны
 согреет лета,
и счастье
 сластью
 огромных ягод
дозреет
 на красных
 октябрьских цветах.

Слегка видоизмененная пословица «Это еще цветики, а ягодки впереди» в данном случае стала основой образа, несколько напоминающего плакаты РОСТА с их графической четкостью и умелым использованием так называемой внутренней формы слова, заключенного в нем, но почти забытого в новом употреблении смыслового оттенка. В таком же плане использовал Маяковский в плакатах сочетание «строить коммунизм».

В поэме «Хорошо!», рассказывая о провале контрреволюционных выступлений, Маяковский пишет:

Ветер
 сдирает
 списки расстрелянных,
рвет,
 закручивает
 и пускает в трубу.

Существует поговорка «Вылететь в трубу». Она подспудно ощущается в стихе, создавая определенную эмоциональную характеристику крушения вражеских планов.

«Печеные картошки личек»; «Мыслишки звякают лбенками медными»; «Я бы кой-какие лбы бросил бы в чугунный лом»; «Лягут собаками за чужое добро»; «Из мухи делает слона, а потом продает слоновую кость» — и без разъяснений очевидна та «языковая подпочва», на которой вырастает поэтический образ.

В одном из обращений к читателям Маяковский справедливо заметил:

«...Переводить мои стихи особенно трудно еще и потому, что я ввожу в стих обычный разговорный язык (например, «светить — и никаких гвоздей», — попробуйте-ка это перевести!), порой весь стих звучит, как такого рода беседа. Подобные стихи понятны и остроумны, только если ощущаешь систему языка в целом, и почти непередаваемы, как игра слов» (разрядка моя. — В. Т.).

В некоторых работах о творчестве поэта все еще можно встретить утверждения, что он был слаб в вопросах теории и что его выступления представляли собой отражение групповых лефовских взглядов. Цитированные слова — одно из многих подтверждений того, насколько проницательны были суждения поэта (хотя, конечно, в его высказываниях нередко можно было встретить и лефовские тезисы). Именно только тогда, когда «ощущаешь систему языка в целом», можно понять и оценить новаторство и своеобразие поэтического языка Маяковского, увидеть его народные истоки, ощутить национальный колорит. Без этого необходимого и обязательного соотношения со всей системой языка самый детальный анализ не сможет дать верных выводов, ибо утрачены будут главные координаты, по которым определяются размеры и значения данного явления.

Следует, хотя бы коротко, остановиться еще на одном вопросе, связанном с нашей темой. При всей — очевидной — опоре на разговорную речь, при широком использовании фразеологии русского языка, пословиц и поговорок, поэтический язык Маяковского всегда резко индивидуален и отнюдь не похож, скажем, на язык Демьяна Бедного, для которого столь же характерны были и разговорные интонации, и обращение к пословицам, традиционным речевым оборотам, и мастерское использование заложенной в языке образности. Иногда это объясняют так: каждый писатель черпает из сокровищницы народного языка и по-своему это обрабатывает, отсюда и расхождений и расхождений между ними. «Ходовая фразеология оказалась удобным сырьем, из которого поэт с блестящей простотой кует свои строки-афоризмы» («Творчество Маяковского». Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 461).

Бесспорно, что в этом объяснении немало справедливого. Маяковский как и другие поэты, творчески перерабатывает взятое из живой речи; поговорка, традиционный оборот, входя в его стих, принимает на себя новую семантическую нагрузку, включается в определенный ритм и начинает звучать по-новому даже тогда, когда не претерпевает лексических перестановок и изменений. Так, оживает выражение «ни дна, ни покрышки» в стихотворении «Мелкая философия на глубоких местах»:

Различны бывают пути постижения тайн родной речи, богатства и разнообразия народной фразеологии. Одни знакомятся с ними с детства, в играх со сверстниками, в сказках и песнях, с которыми приходит познание мира. Для других они раскрываются позже, в пору зрелых лет, когда наступает время сознательного осмысления истории и современности. Маяковскому был ближе этот путь, ведь он вырос в иноязычном окружении, товарищами его детских игр были грузинские ребята. Но в нем очень рано проявилось языковое чутье, оно отчетливо прослеживается уже в его предоктябрьском творчестве. В послереволюционные годы, когда так широко развернулся его многогранный талант, когда он поставил поэтическое слово на службу революции, интерес к языку, народной речи приобрел большую глубину и целеустремленность. Слово поэта стало оружием в борьбе за революцию, и он добивался, чтоб это оружие било без промаха.

Не только поэтические традиции, но и опыт русской публицистики оказывались важным подспорьем в творческих поисках Маяковского. Еще в юности он познакомился с революционными прокламациями, читал некоторые ленинские работы. В послеоктябрьские годы поэт постоянно следил за выступлениями Владимира Ильича, слушал и перечитывал его речи. Он мог видеть, как широко и свободно владеет Ленин народной фразеологией, как метко использует ее в своих выступлениях и сколь действенным может стать самый, казалось бы, обыденный оборот речи (попался на удочку; в долгу, как в шелку; замести следы; внукам и правнукам заказали и т. п.), если он насыщен актуальным политическим смыслом.

Известно, какое огромное значение в творческом развитии Маяковского имело его обращение к ленинской теме, работа над образом Ленина.

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше,—

признавался поэт, начиная поэму, посвященную Российской Коммунистической партии. Едва ли мы погрешим против истины, утверждая, что у Ленина он учился и мастерству агитации, умению использовать в политических целях живое народное слово.

Широкие и многообразные связи поэтического языка Маяковского с языком народа можно обнаружить во всех аспектах, включая и столь характерное для его поэзии словотворчество, поиски новых форм поэтической выразительности. Конечно, в этой области было немало издержек и увлечений, связанных с пропагандировавшимися в ту пору представлениями о «языковой революции». Однако главное направление творческих поисков Маяковского находилось в русле тех процессов обновления и отбора, которые происходят в языке.

Поэт хорошо понимал великую ценность и значение родной речи. Недалеко от молодежи страстный призыв:

Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.

Лучшие завоевания Маяковского, емкость и широта его поэтического языка во многом обусловлены его глубинными соприкосновениями с живой народной речью. «У народа, у языкотворца» учился поэт закалять и оттачивать свое оружие, свое «звонкое слово», обращенное не только к современникам, но и к «векам истории и мирозданию».

Доктор филологических наук
В. В. ТИМОФЕЕВА

Хроника

VI МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

(Окончание. Начало см. на стр. 2)

В. И. Ленина о стилистической стороне языка. Об усиливающейся роли знаковой сущности слова в современном обществе говорил профессор А. Н. Кожин. Доцент А. Ф. Дружинина доклад посвятила взглядам В. И. Ленина на язык как общественное явление и его роль в современных условиях. О периодизации истории русского языка в свете ленинского учения о развитии русского общества прочитал доклад доцент Г. А. Хабургаев. Доцент Н. А. Кондрашов на конкретном материале показал языковую практику В. И. Ленина и его отношение к различным слоям иноязычной лексики в дореволюционный и послеоктябрьский периоды. Все специалисты, принявшие участие в обсуждении основных докладов, отметили важность приведенных в них материалов для преподавания лингвистических дисциплин в вузах.

На конференции работало четыре секции.

Первая секция была посвящена изучению языка произведений В. И. Ленина. В докладах и сообщениях, прочитанных в этой секции, говорилось о новом этапе в изучении лексической и синтаксической сторон языка произведений великого вождя. Об этом свидетельствует приведенный выступавшими большой и

систематизированный материал. В частности можно указать работы доцента М. Ф. Тузовой о сложносокращенных словах, которые использовал В. И. Ленин после Октября, доцента О. М. Доконовой — о народно-разговорной лексике в письмах В. И. Ленина, доцента Е. В. Авдошенко [Тамбов] — о стиле Ленина-публициста.

Синтаксису работ В. И. Ленина были посвящены сообщения доцента М. С. Буниной — многокомпонентные сложные предложения в языке произведений В. И. Ленина, преподавателя Ю. М. Златопольского [Павлодар] — о роли вставных конструкций, доцента В. С. Гимпелевича [Баку] — об иностранных элементах-вкраплениях в речи В. И. Ленина.

Во второй секции, занимавшейся проблемами лексики и фразеологии русского языка, обсуждались результаты работы преподавателей педагогических институтов в этой области.

Вопросы морфологии русского языка подверглись рассмотрению в третьей секции. Очень оживленной была работа четвертой секции, обсуждавшей проблемы русского синтаксиса.

Всего на конференции было заслушано и обсуждено около сорока докладов и сообщений, свидетельствующих о большой работе по изучению высказываний В. И. Ленина о языке и изучению языка произведений В. И. Ленина, о том, что преподаватели вузов в своей деятельности исходят из марксистско-ленинского учения и стремятся достойно отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Материалы конференции готовятся к печати.

И. В.

Эстетическая система Горького и его суждения о языке во многом опирались на изучение, обобщение и развитие опыта русской классической литературы. Особенно важна была для Горького реалистическая традиция объективного, эпического повествования, традиция воспроизведения действительности в ее зримой конкретности. В творчестве великих писателей прошлого Горький отмечает удивительную способность рисовать людей так живо, пластично, что они «встают перед вами... таинственно ощутимы, физически ясны». «Слова у них — точно глина, из которой

ного явления. «Крайне трудно найти точные слова и поставить их так... чтобы слова дали живую картину, кратко отметили основную черту фигуры». Горький считает, что важно не только умело выбрать «наиболее точные, ясные, сильные слова. Только сочетание таких слов и правильная — по смыслу их — расстановка... может... создать яркие картины, вылепить живые фигуры людей».

Изобразительная яркость каждого отдельного слова и его звучание определяются всем словесным строем произведения. В свою очередь яркое речевое построение играет со-

ГОРЬКИЙ ПРАВИТ

они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана». «Литература — это искусство пластического изображения посредством слова», — пишет Горький.

Вопрос об изобразительности занимает большое место в статьях и письмах Горького. Он советует изображать, а не описывать героев, показывать их в действии, а не рассказывать о них: «Одно дело — „окрашивать“ словами людей и вещи, другое — изобразить их так „пластично“, живо, что изображенное хочется тронуть рукой».

Изобразительный характер речи, живость и яркость отдельных эпизодов достигается точным отбором самых простых слов, четко передающих наиболее характерные детали данного конкретного жизнен-

вершенно необходимую роль в создании художественного образа.

Реалистические, конкретные образы, по мнению Горького, дают писателю возможность наиболее полно и убедительно выразить свои взгляды. Исходя из такого понимания стилистических задач литературы, Горький особо выделяет изобразительную функцию языка, его живописность, предметность.

Использование слова в его конкретном, вещественном значении стало одной из самых характерных особенностей строго реалистического стиля самого Горького. Он пришел к показу действительности через зрительно ощутимые, точно детализированные образы и отказался от описаний, подчиненных субъективному восприятию автора или

психологическому состоянию героя, отказался от использования слова в его усиленно эмоциональном звучании. В зрелых произведениях Горького уже нет обилия отвлеченных понятий, олицетворений, насыщенности тропами, нет особой поэтической фразеологии и лексики, лирической ритмической прозы — всего того, что было свойственно романтической стилистике его ранних произведений.

Изменился характер художественного языка. Чтобы создать ощущение осязаемости, изобразить индивидуальную неповторимость действия, переживания, облика человека, ярко показать события и обстоятельства, слово должно быть точным. «Точность и сжатость языка, это — прежде всего, и только при соблюдении этого условия возможно создать выпуклый, почти физически ощутимый образ», — утверждает Горький. И еще определеннее: «Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью».

Горький по-разному раскрывает понятие точности языка. В статьях, рецензиях и письмах он приводит множество примеров языковых неудач из произведений начинающих писателей. Нарушение правдивости, фактической точности изображения. Логические, смысловые ошибки, которые приводят к языковым неточностям. Молодой писатель «сам плохо видит то, что пишет», «сам плохо понимает то, о чем говорит». Смысловая неточность, когда смещаются синонимы, не учитываются оттенки слова, и оно теряет свое прямое значение. Неправильное употребление слов, неправильное сочетание слов в предложении, когда нарушается синтаксический строй русской ре-

чи, внутренние смысловые отношения слов или их стилистическое единство. Неточные, фальшиво звучащие тропы, противоречащие содержанию фразы. С необычайной остротой восприятия и чуткостью отмечает Горький тончайшие оттенки смысла, малейшие нарушения точности языка. «Такие, будто мелкие, ошибки имеют большое значение, потому что они нарушают правду искусства», — говорит Горький. Он считает, что, не научившись создавать ощущения безусловной точности и правдивости изображения во всех его деталях, писатель не сможет завоевать доверия читателя.

Рядом с требованием точности Горький ставит требование простоты и краткости. «Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено — тем более придает фразе силы и убедительности», — настойчиво разъясняет он в письме к молодому автору. «Чем более просто, — тем убедительнее будет», — повторяет он в другом письме.

Свое представление о языке художественной литературы Горький дополняет существенно важной для него мыслью о смысловой емкости и насыщенности простого, точного, сжатого русского слова: «В простоте слова — самая великая мудрость. Пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

Поэтическое слово должно не только ярко изобразить предмет или явление. Горький специально выделяет идейную весомость слова, его смысловую глубину, его способность оценить, осмыслить и истолковать жизнь.

Горький особенно высоко ценит смысловую емкость народного рус-

ского слова и устного народного творчества: «Необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно четкие, меткие пословицы и поговорки... Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью».

Высказывания Горького о языке не были сведены в общую систему. Его остро полемические статьи были созданы в обстановке деятельной борьбы за становление молодой советской литературы. Горький ставил перед собой преимущественно педагогические задачи. Он рассказывал: «Основное мое намерение сводится к желанию помочь начинающим писателям овладеть всею силой языка, возбудить в них любовь и бережное отношение к материалу, из которого строится книга».

Чрезвычайно интересной и еще мало изученной областью работы Горького была его издательская и редакторская деятельность. Горький был другом и соратником Ленина. Ему посчастливилось. Под руководством Ленина он работал в большевистской партийной печати, участвовал в создании и редактировании газет «Вперед», «Новая жизнь», «Борьба», «Звезда» и вел художественно-литературный отдел большевистского журнала «Просвещение». Основные принципы редакторской деятельности Горького (как и вся его идеология в целом, как и его исходные эстетические воззрения) складывались под непосредственным воздействием Ленина.

После революции Горький, на много десятилетий вперед определяя пути развития советской печати, организует ряд интереснейших изданий, многие из которых продолжают жить и сегодня. Горький

становится постоянным ответственным редактором семи книжных серий: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей» и др., и пяти журналов: «Литературная учеба», «За рубежом», «СССР на стройке», «Колхозник», «Наши достижения». За годы Советской власти Горький принял участие в работе более шестидесяти различных изданий. Работу редактора Горький считал чрезвычайно ответственной и сложной. «Редактор — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его», — говорил Горький. Его требования к редактору и редакционной работе были очень высокими.

Бережно и заботливо относился Горький к авторам, особенно к начинающим: «Чуть только увижу трепет нового таланта — так мне и захочется ковром лечь под ноги ему, дабы легко и без лишней траты сил шел он к своей высоте». Горький был необычным редактором. Он участвовал во всех процессах редакционной работы: от подготовки машинописи к печати до графического и художественного оформления книги. Он руководил переработкой текста, отбирал наиболее удачные варианты, подсказывал автору, как лучше расположить материал, сократить его, устранить длинноты или повторения. Он чувствовал себя ответственным за каждую строчку рукописи. Сам делал даже простую правку-вычитку: исправлял мелкие ошибки пунктуации и орфографии. Язык выпускаемой книги был предметом специальной заботы Горького. Любопытно, что, просматривая книгу, уже вышедшую из печати, он по своему обыкновению словно продолжа-

ет работу редактора и делает на полях множество замечаний. В личной библиотеке писателя хранится около 2 000 книг с его пометами. Интересные пометки были сделаны на книгах особенно любимой им серии «Жизнь замечательных людей». В основном они относятся к языку. Эти конкретные замечания снова возвращают нас к тем серьезным проблемам, которые Горький ставил и решал в своих теоретических и критических статьях.

В книге Я. Е. Эльсберга «А. Михайлов» (М., 1935) — о революционере-пароднике Александре Дмитриевиче Михайлове — на странице 22 черным карандашом, вертикальной волнистой линией Горький отмечает несколько строк: «И тем не менее, в то время в России первые думы о том, что существующий порядок несправедлив, нередко возникали именно из восприятия религиозных книг и рассказов. Об этом свидетельствует далеко не один Михайлов». Синим карандашом зачеркнуто слово *рассказов* и написано: «Библии. Евангелия». Слово *рассказы* употреблено в этом отрывке так, что его прямое, узкое значение неясно, и слово становится совершенно лишним.

О чем говорит Я. Е. Эльсберг? О том, что Александр слушает изложение религиозных историй, которые ему рассказывают старшие? Но Александр уже достаточно взрослый человек, чтобы осмыслить религиозные идеи в широком социальном плане и делать самостоятельные выводы. Такому человеку книг не пересказывают, да и самому ему гораздо проще обратиться к первоисточнику, чем к воспоминаниям о рассказах, которые он, может быть, и слышал в детстве. Неправильно было бы также упо-

требить слово *рассказы* как название литературного жанра рядом со словом *книга*, называющим определенный предмет, вещь, произведение печати. Кроме того, в середине XIX века беллетризованных произведений на религиозные сюжеты еще не писали. Александр Михайлов мог читать только две книги, излагающие религиозные догматы: Библию и отдельно издававшуюся ее часть — Евангелие, книгу о жизни и учении Христа. Горький и предлагает употребить точные названия этих книг, что сделало бы описание более достоверным и конкретным.

В книге Е. В. Тарле «Наполеон» (М., 1936) на странице 118 Горький подчеркивает красным карандашом пустые, не несущие никакой смысловой нагрузки вводные слова. Тарле рассказывает о Наполеоне: «Якобинцев он ненавидел и боялся, о Робеспьере (и старшем и младшем, с которым был, как мы видели, лично в хороших отношениях) никогда не вспоминал, но было ясно, что он уже давно хорошо знает цену тем, кто погубил Робеспьера и кто занял его место». Против подчеркнутых слов *как мы видели* Горький ставит еще и вопросительный знак. Неясно, что и где можно увидеть. Прямая авторская подсказка не помогает читателю уяснить связь и последовательность мыслей. Вводные слова во вводном предложении только загромождают и усложняют фразу, а она и без того явно перегружена и тяжеловесна.

В той же книге на странице 128 красной волнистой вертикальной чертой Горький отмечает запутанные и плохо согласованные по смыслу фразы: «Судебное устройство осталось во Франции до на-

стоящего времени в том же виде, в каком оно было создано Бонапартом. Но впоследствии Наполеон внес существенную перемену». Слова: осталось; до настоящего времени в том же виде, в каком оно; создано; но впоследствии Наполеон; существенную перемену — подчеркнуты.

Простая мысль выражена в этих фразах так неряшливо и синтаксически невятно, что понять ее довольно трудно. Против слов *существенную перемену* стоит вопросительный знак. Вероятно, Горький отметил, что оценочное и субъективное определение *существенная* лишено конкретного содержания и ничего не говорит читателю.

Третья пометка сделана на странице 318: «Но добрый император Франц, за которого Гофер сложил свою голову, запретил упоминать имя темного тирольского мужика, который своей чрезмерной преданностью и неуместным патриотизмом мог навлечь неудовольствие Наполеона на всю Австрию».

Слова *на всю Австрию* Горький зачеркивает красным карандашом. Императора Франца не интересовала ни Австрия, ни тем более вся Австрия, он думал только о своей собственной безопасности и о своем собственном благополучии. Кроме того, дополнение *на всю Австрию*, имеющее оттенок обстоятельного значения, воспринимается как ненужная подробность. Она ослабляет звучание и уменьшает силу самых важных и весомых во всей этой фразе слов — «неудовольствие Наполеона». После этих сильных и значительных слов просто трудно произнести что-нибудь еще. Для их уточнения и конкретизации явно не хватает дыхания. Сокращение, которое пред-

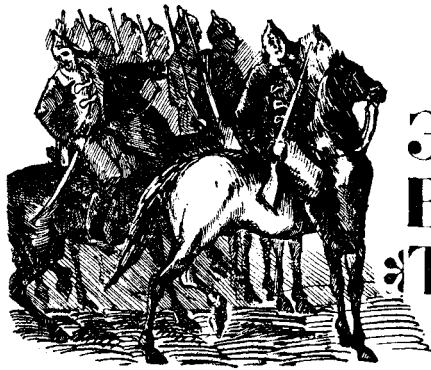
лагает Горький, делает фразу более точной и по смыслу и по звучанию.

Пометки Горького, сделанные на книге А. К. Дживелегова «Данте Алигьери» (М., 1933), можно прямо соотнести с интересными суждениями писателя о языке художественной литературы. Горький не любил иностранных слов, считал, что их употребление «мешает ясности изображения», писал о том, «как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов». «Не употребляйте чужих слов... — русский язык достаточно богат», — пишет Горький.

Дживелегов рассказывает о политической борьбе в Италии XII—XV веков и употребляет итальянские слова *гвельфы* и *гибеллины*, которые стали терминами, названиями политических партий. На странице 15 Горький подчеркивает слова: «распря гвельфов с гибеллинами». На странице 20 автор пишет про дворянина-изгоя Джано делла Белла, лидера младших цехов. Горький подчеркивает слова *дворянин-изгой*. Резко не совпадает экспрессивная окраска древнерусского слова *изгой* с именем итальянского дворянина. Неудачно соединены слова из разных лексических групп: гвельфы; гибеллины; дворянин-изгой Джано делла Белла. Разрушено то единство языковой структуры, которое Горький считает обязательным для художественного произведения.

Читая книгу, редактируя ее, анализируя язык автора в специальной критической или теоретической статье, Горький стремится к одной и той же цели — сделать бережное отношение и высокую требовательность к языку нормой литературной жизни.

Т. Б. ДРАГУН

ЭПИТЕТ В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»

Органическая связь с народно-поэтической стихией отчетливо проявляется в поэтике «Тихого Дона». Необычайно интересна с этой точки зрения богатая и разнообразная палитра шолоховских эпитетов.

В повествовательном языке романа используются эпитеты, связанные с устным поэтическим творчеством и бытовой речью донских казаков. Придавая художественному языку Шолохова народный колорит, эти эпитеты метко характеризуют сущность человеческого характера, в предельно краткой форме выражают симпатии и антипатии автора к своим героям.

В определенных стилистических целях Шолохов употребляет постоянные эпитеты, составляющие отличительную особенность народного поэтического языка, хотя это далеко не всегда именно фольклорные постоянные эпитеты. Важную художественную роль выполняет постоянный эпитет *тихий*, использованный писателем в заглавии романа. Назвав свою эпопею «Тихим Доном», Шолохов приемом контраста с особой силой подчеркивает бурные события войны и революции, положенные в основу произведения. Кроме того, этот эпитет указывает на то, что не так уж тихо и спокойно жилось на Дону, в краю, усеянном «казацкими головами», где так много горя и страданий выпадало на долю молодых вдов и малолетних сирот, где отцы и матери часто оплакивали преждевременную смерть своих сыновей, сраженных вражеской пулей. Помимо эпитета *тихий*, Шолохов употребляет в тексте романа постоянные эпитеты к слову *Дон*: *седой*, *родимый*, *вольный*, *мутный*.

Эпитет *волчий* обычно характеризует в романе врагов трудового народа. В народном поэтическом творчестве волк символически олицетворяет самые отвратительные свойства человека и поэтому служит средством отрицательной характеристики. Так, генерал Каледин ходит волчьим шагом; генерал Корнилов бежит из тюрьмы в волчью, глухую полночь; Митька Коршунов, нашедший свое призвание на службе в карательном отряде белых, «топтал землю волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы»;

оплакивая смерть мужа Мирона Григорьевича, расстрелянного за антисоветскую агитацию, Лукинична переходит на «волчий голос»; над трупом генерала Каледина слышится воюще-звериное рыдание. Ср. в «Поднятой целине»: у заклятого врага советской власти Половцева «торчмя, как у хищного зверя, поставленное ухо, могучий, угловатый череп волчьего склада, лысеющий лоб». Однако эпитет *волчий* используется в романе и в чисто изобразительных целях. Так, большевик Бунчук, пробираясь на явочную квартиру в прифронтовой полосе, шел с волчьей торопкостью, то есть шел быстро и в то же время очень осторожно.

Шолохов часто пользуется эпитетом *черный*, с помощью которого народная поэзия в переносно-метафорическом плане определяет отрицательные свойства предметов и явлений: черный слухок, черная тоска, черные вести, черная гордость, черные слова, черная смерть и т. д.

Как и в народном языке, эпитеты Шолохов нередко сопровождает устойчивыми сравнениями, характерными для разговорно-бытовой речи. Такие сравнения конкретизируют или усиливают обозначаемый эпитетом признак предмета или лица: мелкие, как бисер, слезинки; черная, как деготь, кровь; мелкий, будто сквозь сито сеянный, дождь; высокая, красивая и дородная, что боярыня, казачка и т. д.

Повествуя о жизни и быте донского казачества, писатель использует наиболее выразительные диалектные эпитеты, придающие повествованию колорит донской речи и по-новому определяющие общеупотребительные предметы и явления: дурнопахнущий аромат (дурнопах — растение), духовитая трава, заревой сон, сибирьковая борода (от растения сибирёк), кормовитая трава, взгальный казак и т. д.

Значительно повышают выразительность авторского языка экспрессивные разговорно-просторечные эпитеты: бедовый ефрейтор, луноглазый вахмистр, чудаковатый почтмейстер, придурковатый артиллерист, патлатый Христоня и т. д.

Шолохов не только широко употребляет эпитеты, характерные для изображаемой им среды, но нередко создает новые формы в духе народного языка.

По образцу существующих в русском языке прилагательных *безводный*, *безоблачный*, образованных из предложно-именных сочетаний (без воды, без облаков), Шолохов создал новые прилагательные и использовал их в роли оригинальных эпитетов: беспромашная стрельба, беспереpletная тетрадка, безулыбчивые глаза.

В поисках наиболее экономных и свежих средств выражения писатель образует формы причастий от существительных и глаголов, активизируя при этом словообразовательную модель, характерную для диалектной речи: запаутиненная муха, затравевший баз, забородатевшее лицо, нераспряmленная спина.

Желая обозначить наличие качества лишь в незначительной степени, Шолохов сочетает суффикс недостаточности *-оват-* (*-еват-*)

с теми именными основами, которые по нормам литературного языка не допускают этого: курчавые волосы, гнедовая борода и т. п. Свободно оперируя этим суффиксом, писатель образует от существительных множество прилагательных, выступающих в романе в качестве очень выразительных эпитетов: стариковатый вахмистр, цыгановатый красноармеец, медвежковатая спина, обрубковатые пальцы. Такие эпитеты заменяют собой целые сравнительные обороты.

Для обозначения чрезмерной полноты какого-либо качества автор прибегает к образованию от именных основ с помощью суффикса *-аст-* (*-яст-*) новых прилагательных, употребляемых в языке романа в роли экспрессивных эпитетов: кустастая борода, клочкастые брови, клыкастые зубы, зрачкастые глаза, граблястая рука, ногтастый палец, бровястый казак, жердястая баба и т. п.

Иногда Шолохов перемещает слова из традиционного для них словесного окружения в новое, непривычное. Прилагательные вступают в необычные для литературного языка связи и отношения, и это выявляет заложенные в них выразительные возможности, создаются свежие и оригинальные эпитеты.

Так, прилагательные, употребляемые в общенародном языке только для обозначения масти лошадей, в повествовательном языке «Тихого Дона» применяются более свободно, обозначая цвет любого предмета: вороной козленок, вороной петух, вороная борода, вороное небо, гнедая борода, пегий кот и т. д. Использование прилагательных данной категории в роли художественных определений отражает словоупотребление донских казаков, в жизни которых конь занимает большое место. Это подтверждается материалом шолоховских романов. Один из персонажей «Тихого Дона» следующим образом определяет цвет волос своего сослуживца: «— Припало в паре стоять с Никифором Мещеряковым, — рассказывает он о своей военной службе в Петербурге, — а он, дьявол, какой-то гнедой масти». Прилагательное *вороненый*, имеющее значение 'покрытый чернью', в литературном языке приложимо только к металлам (вороненая сталь). Шолохов употребляет это слово в роли художественного определения в тех случаях, когда нужно точно воспроизвести цвет предмета, схожий с вороненой сталью: вороненая рябь Дона, вороненые силуэты всадников, вороненая птица и т. д.

В повествовательном языке «Тихого Дона» много метафорических эпитетов. Они рисуют качество или свойство, уподобляя один предмет другому по какому-то схожему признаку. Метафорические эпитеты часто встречаются в портретных зарисовках, определяя в форме скрытого сравнения наиболее существенные признаки внешнего облика героев романа. С помощью подобных эпитетов автор описывает глаза действующих лиц как наиболее выразительную деталь портрета человека, отражающую сущность внутреннего мира героя. Например, глаза у офицера холодные, у Чубатого ледяные, у Зыкова телячьи, у Медведева медвежьи глазки, у Григо-

рия Мелехова горячие, нерусские, у Марьи теплые, у Анны Подгудко сильные и т. д.

Метафорические эпитеты Шолохов использует для определения оттенков человеческой речи, для описания манеры разговаривать: бессвязный, скачущий разговор, журчливый голосок, шершавые фразы, тяжеловесный аргумент, спрессованные фразы и т. п.

Многочисленную группу составляют метафорические эпитеты, передающие окраску предметов путем сопоставления их с другими предметами, сходными с ними по цвету: изумрудная муха, серебряная лента Дона, пшеничные усы, вишневые губы и т. д. В основе некоторых шолоховских эпитетов лежит олицетворение (прием, характерный для народного творчества) — перенос признаков живого существа на неодушевленные предметы. Обычно такие эпитеты писатель использует в пейзажных зарисовках: мокрогоубый ветер, крылатый ветер, желтоусый месяц и т. д. В описаниях природы Шолохов нередко употребляет эпитеты, которые по контрасту или по сходству передают различные оттенки в психологическом состоянии героев, их душевное настроение: грустный запах фиалок, грустный запах травы, грустная и глубокая тишина, ласковая тишина и т. д.

Многие метафорические эпитеты в романе связаны по своему значению с конем — неразлучным другом и постоянным спутником казака: белогривые облака, белогривый покров Дона, белогривая волна, гривастые волны и т. д.

В языке романа Шолохова много так называемых «цветовых» сложных эпитетов, составленных из двух качественных прилагательных и обозначающих признак предмета в виде неразложимого соединения двух цветов: багряно-черный тюльпан, багрово-черное лицо, желто-зеленые звезды и т. п.

К этой группе примыкают сложные эпитеты, в которых зависящая составная часть обозначает оттенок дополнительного цвета при помощи суффикса *-оват* (*-еват*): розовато-зеленый мундир, сизовато-голубое мерцание огней, розовато-лиловые заросли бессмертника, зеленовато-бурые делянки вызревающего проса.

Большое место в языке романа занимают сложные эпитеты, образованные из качественного и относительного прилагательного. При этом качественное прилагательное чаще всего обозначает цвет, а относительное — конкретизирует или усиливает его степень через сопоставление с окраской общеизвестного предмета: пшенично-желтые усы, черноземно-черная туча, желто-сливочный туман, березово-белые ноги, вишнево-красная кровь, кирпично-красное лицо. Кроме цвета, подобные сложные эпитеты определяют и другие признаки предметов, давая им образную характеристику: каменно-тяжелое тело, чугунно-крепкие мышцы, женски-красивые глаза.

В романе немало сложных эпитетов, образованных из основы качественного прилагательного и основы существительного: сивобородый казак, наглоглазый офицер, желтобарашковая лоза, угрюмоглазый сынишка.

Шолохов создал ряд сложных эпитетов, составные части которых с разных сторон определяют предмет, давая ему в совокупности более полную характеристику: бронзово-волосатая грудь, зернисто-синий снег, огнисто-черные глаза, чернокудрявая борода.

Обращают на себя внимание сложные эпитеты, образованные из двух прилагательных, одно из которых уточняет или усиливает значение другого: рассчитанно-медленные движения, животное-дикий крик, старчески-дряблые ноги. Встречаются в повествовательном языке романа сложные эпитеты, составленные из двух близких по значению прилагательных, которые, дополняя и уточняя друг друга, усиливают обозначаемый признак предмета: округло-выпуклые чашки колен, остро-жалая трава, парно-теплая вода, колокольнопонабатный гуд и т. д. Иногда Шолохов прибегает к сложным эпитетам, образованным из двух противоположных по смыслу прилагательных, которые дают определяемому предмету оценку, включающую в себя как положительные, так и отрицательные признаки: горько-сладкая жизнь, ярко-убогие ореолы, сутуло-стройный Григорий и т. д.

По образцу бытующих в народно-разговорной речи существительных вроде *темень* Шолохов создал формы, которые используются в романе обычно в роли художественных определений, хотя грамматически они выступают независимыми словами в составе словосочетания. Определяя признак предмета в предельной степени, такого рода эпитеты используются в языке романа как очень выразительное средство характеристики лиц и явлений природы: желтень губ, рыжевень бороды, цветень усов, кипень зубов, синь век, белесь неба, голубень неба, прожелтень лугов и т. д.

В качестве эпитетов в романе употребляются также наречия, определяющие действия и состояния в качественном отношении: скорбно шуршат голые ветки, траурно чернели глубокие ямы под глазами и т. д. В целях качественной характеристики действий Шолохов образовал большое количество наречий на -о от основ относительных прилагательных: шрам трупно синел, ручьи журчал голос свахи, дегтярно чернели проследки, стеклянно вызвали ледышки и т. д.

Выразительная сила шолоховских эпитетов ярче всего обнаруживается в описании трагической судьбы Григория Мелехова, Натальи и Аксиньи.

Девятнадцатилетним парнем Григорий полюбил Аксинью, замужнюю женщину «губительной, огневой красоты». Подчиняясь воле своих родителей, Григорий женится на Наталье, красивой и скромной девушке. На смотринах Григорию понравилась Наталья, и казалось, что прежнее чувство остыло, а образ Аксиньи навсегда вытеснен из его сердца образом молодой и не менее красивой жены. Однако уже на свадьбе обнаружилось, что Григорий

не любит жену. Об этом писатель говорит не прямо, не в форме обычных авторских рассуждений или раздумий героя, а только с помощью метких эпитетов, позволяющих читателю понять душевное состояние Григория, который во время свадебного обряда целовал *безвкусные, пресные губы Натальи*. Став мужем Натальи, Григорий по-прежнему любит Аксиныю и тайно встречается с ней. Наталья с болью смотрела на сближение Григория с Аксиной *госкующим, ревнивым взглядом*, с присущей ей скрытностью молча оплакивала *заплеванное свое счастье*.

После пережитого горя и унижения, даже после неудачной попытки покончить жизнь самоубийством Наталья продолжала любить Григория. Нельзя забыть ту сцену, когда Наталья, провожая Григория на фронт, долго стояла у ворот, «и свежий предутренний ветерок рвал из рук ее черную траурную косынку». Как много сказано всего лишь одним удачно найденным эпитетом *траурная!* Читателю становятся понятными «неясные предчувствия», «гневающая тревога» Григория, который «никогда не покидал хутора с таким тяжелым сердцем, как в это ласковое утро». Этот эпитет создает ощущение чего-то трагического в жизни одинаково несчастных Григория и Натальи, появляется предчувствие, что они расстанутся навсегда.

Прошло много времени после трагической смерти Натальи, и Аксиныя вновь сближается с любимым ею Григорием, но слишком поздно, и она плачет *злыми слезами, сладкими слезами*, то есть облегчающими душу слезами, о том, что ей не удалось «собрать по кусочкам счастья, которого не было». Глубокий трагизм судьбы наложил на облик Аксиныи неизгладимый скорбный отпечаток, мастерски передаваемый путем повторения эпитетов *грустный* и *горький*. Так много скорби и печали отложилось на сердце Аксиныи, что даже природу она воспринимает сквозь призму своего грустного настроения. Любуясь красотой весеннего леса, она «уловила томительный и сладостный аромат ландыша с пониклыми чашечками цветов».

«И почему-то за этот короткий миг,— пишет автор,— когда сквозь слезы рассматривала цветок и вдыхала грустный его запах, вспомнилась Аксиные молодость и вся ее долгая и бедная радостями жизнь». Аксиные тяжело сознавать, что ее молодость и красота поблекли, как этот ландыш, которого «уже коснулся смертный тлен», и поэтому-то «не томительный и сладостный аромат», а «грустный его запах» вдыхает теперь Аксиныя. Эпитет *грустный* определяет не ландыш, а душевное состояние Аксиныи, которая при виде увядшего ландыша по ассоциации вспомнила свою трудную и уже отцветающую жизнь.

Эпитеты служат Шолохову средством выражения больших душевных потрясений, переживаемых Григорием в его трагически сложившейся жизни. Окончательно запутавшись в жизни, став на преступный путь борьбы против своего же народа, Григорий испытывает тяжелые внутренние муки и, чтобы как-то отвлечься от

суровой действительности, хоть на какое-то время забыться, он участвует в *мрачных попойках*. Эпитет *мрачные* показывает, что Григорий не находил забвения и в вине. Единственным утешением в жизни Григория была Аксинья, которую он по-прежнему любит *изнуряющей любовью*, то есть всепоглощающей любовью, которой он отдавался весь и навсегда. С потерей самого дорогого и любимого человека, каким для него была Аксинья, для Григория жизнь потеряла всякий смысл. Беспросветный душевный мрак окутал убитого горем Григория, и ему кажется, что весь мир погрузился в непроницаемую темноту. Попрощавшись с мертвой Аксиньей, он увидел над собой *черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца*. С помощью удачно найденного эпитета *черный* Шолохов с потрясающей силой передал трагедию Григория. После гибели Аксиньи Григорий с особой силой ощутил свое одиночество и впал в тоску, которую писатель называет *ядовитой*.

Вернувшись в хутор, Григорий встретил там своего сынишку Мишатку. «Это было все,— заканчивает писатель печальное повествование о своем герое,— что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром». Образ *холодного солнца*, которое уже не может согреть Григория, лучше всякого подробного описания передает душевное состояние человека, физически разбитого и нравственно опустошенного в преступной войне против трудового народа, к которому принадлежал и он сам.

С. А. КОЛТАКОВ
Сумы

Польская пословица гласит: «Чтобы найти путь к сердцу друга, надо знать его язык». По данным на 1969 год, в ПНР свыше 6 миллионов человек изучают русский язык. Как обязательный предмет, он преподается в 26 тысячах учебных заведений, в том числе — в 20 тысячах общеобразовательных школ. За годы народной власти курсы русского языка окончили около полтора миллионов слушателей.

В сложной и трудной обстановке живет сейчас вьетнамский народ. Тем не менее в системе народного образования ДРВ русский язык — основной иностранный язык, изучаемый в стране.

В Объединенной Арабской Республике советские специалисты вместе с арабами работают на стройках. В арабскую речь проникают русские слова, а в русскую — арабские. Происходит это стихийно, в процессе совместного труда. Строители в шутку говорят о возникновении нового языка — арабо-русского. Назвать такой язык они предлагают асуанским.

ПЕРИФРАЗ — ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ЛЕНИНА

Произведения В. И. Ленина носят боевой, наступательный характер. «Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 166). Поэтому перифраз — острое средство полемики и образного воспроизведения действительности — занимает видное место в ряду экспрессивно-оценочных средств публицистических трудов В. И. Ленина.

В перифрастических оборотах, по словам академика Л. В. Щербы, «выпячивается один какой-либо признак, а все другие остальные в той или иной мере затушевываются». Именно поэтому перифрастическое выражение используется в качестве средства оценки и характеристики изображаемого, — того, что само по себе имеет наименование; перифраз — это описательное (в виде сочетания слов) обозначение уже обозначенного. Так, в определенных контекстах вместо слова *уголь* употребляют перифрастическое выражение *хлеб промышленности* вместо слова *водоем* — *голубая целина*, вместо слова *лес* — *зеленый друг* или *зеленая целина* и даже *зеленый океан*.

Перифрастическая манера изложения усиливает пафос полемического выступления: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия (здесь и далее разрядка наша. — А. К.), которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена» (т. 21, стр. 256).

С помощью перифрастических выражений заметно усиливается эмоционально-оценочная насыщенность публицистического выступления: «А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой „раскаялся“, Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погро-

мы и прочие подвиги черносотенной царской шайки» (т. 20, стр. 22).

Перифрастические выражения часто обретают звучание метких политических прозвищ, которые даются идейным врагам революционного рабочего движения, противникам теории научного коммунизма.

Изобразительные свойства слов, усиливаемые их смысловым сближением в данном тексте, определяют экспрессивно-оценочный фон полемичной направленности, при этом создается яркий образ: «Настоящий номер был уже почти совсем закончен, когда мы получили № 9 „Будущего“. Мы назвали эту газету либеральной гостинной. Оказывается, что в этой гостинной выступают иногда агенты русской либеральной буржуазии, чтобы попытаться вести на поводу революционеров» (т. 21, стр. 22); «Вот нагляднейшее доказательство того, как „левые“ попали в ловушку, поддались на провокацию Исузов и других иуд капитализма» (т. 36, стр. 309).

В качестве опорного элемента в перифрастических построениях обычно используются слова, обладающие образно-характеристическим осмыслением. В частности, В. И. Ленин широко употребляет слова, подчеркивающие раболепство перед теми политическими группами, на которые указывает зависимое слово (лакей, слуга, приспешник, прислужник): лакей буржуазии, лакей денежного мешка, слуга промышленников, слуга капиталистов, слуга капитала, приспешник буржуазии, прислужник буржуазии. Этими характеристиками Ленин пригвозждает к позорному столбу истории оппортунистов II Интернационала, а также меньшевиков и правых эсеров: «А когда

война разразилась, „революционеры“ II Интернационала оказались лакеями буржуазии!» (т. 39, стр. 144); «Конечно, лакеи буржуазии, особенно мелкого разбора, вроде меньшевиков, новожизненцев, правых эсеров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад» (т. 36, стр. 179); «Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка» (т. 36, стр. 177).

Политические махинации соглашательских партий Владимир Ильич обличает при помощи выражений, которые вскрывают классовое лицо этих развратителей рабочего движения: «А слуга промышленников, слуга капиталистов министр Пальчинский, в товариществе с Церетели и Черновыми, запрещает анкету» (т. 32, стр. 397); «Министры из перебежчиков социализма окazyвались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии» (т. 34, стр. 64).

Опорное слово может иметь специальное, терминологическое употребление (адвокат — юридический, ренегат — политический), в этом случае характеристическое значение перифрастического выражения аккумулируется понятийной направленностью определяемого (адвокат — защитник, ренегат — отступник, изменник). Ренегатами марксизма, ренегатами социализма, адвокатами буржуазии аттестуются защитники антимарксистских позиций в теории и практике революционного движения: «Четвертый довод адвокатов буржуазии: пролетариат не сможет „при-

вести в движение“ государственный аппарат. Этот довод не представляет собой чего-либо нового по сравнению с предыдущим доводом» (т. 34, стр. 309); «Невежественные люди или ренегаты марксизма, вроде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п.» (т. 31, стр. 138); «Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма» (т. 38, стр. 308).

В роли опорного могут выступать слова, стилистически ограниченные, связанные с определенным типом речи (книжно-поэтические, обиходно-деловые, обиходно-разговорные и т. д.). Сталкивание их со словами другого стилистического круга, смещение привычных границ употребления усиливает экспрессию, помогает Ленину создать новые яркие перифразы.

Ироническое употребление книжно-риторического слова *рыцарь* помогает создать перифрастическое выражение, обличающее пустозвонство соглашательских партий: «Господа герои фразы! господа рыцари революционного красобайства! Социализм требует отличать демократию капиталистов от демократии пролетариев, революцию буржуазии и революцию пролетариата, восстание богачей против царя и восстание трудящихся... *против богачей*» (т. 32, стр. 231).

Перифрастическая манера изложения усиливает обличительную направленность полемического выступления; таким образом, в частности, В. И. Ленин вскрывает финансовые махинации империалистов (главные рыцари казнокрадства, рыцари банкового грабительства): «Достаточно было бы аресто-

вать 50—100 магнатов и тузов банкового капитала, главных рыцарей казнокрадства и банкового грабительства; достаточно было арестовать их на несколько недель, чтобы раскрыть их проделки, чтобы показать всем эксплуатируемым „кому нужна война“» (т. 32, стр. 307).

Опорным членом перифрастических выражений могут быть слова с неодобрительно-оценочным содержанием (аферист, грабитель, делец) — аферист капитала, делец капитала, грабитель народного труда: «Хитрая капиталистическая механика! Цивилизация, порядок, культура, мир — и грабеж сотен миллионов рублей дельцами и аферистами капитала судостроительного, динамитного и пр.!» (т. 23, стр. 176); «...делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров, в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире» (т. 39, стр. 44).

Остры и эффективны перифрастические выражения, построенные на основе слов, которые выступают в переносно-фигуральном употреблении (пес, развратитель, сатрап) — сторожевые псы капитализма, развратители рабочего движения (об оппортунистах); сатрапы промышленного капитала, сатрапы промышленности, сатрапы торговли (о капиталистах, монополистах): «...оппортунисты объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистической сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов капитализма*, в *развратителей рабочего движения*» (т. 30, стр. 168);

«...орган наших сатрапов промышленного капитала „Промышленность и Торговля“ ...Сатрапы нашей торговли и промышленности ...сатрапы нашей промышленности боятся ответить именно потому, что они — сатрапы. Они ...кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами сделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками...» (т. 23, стр. 360, 361).

Образно-оценочное осмысление опорных слов сгущает обличительные краски полемического выступления (акула — хищная рыба, а также — эксплуататор, воротила капиталистического мира; чесотка — болезнь, а также — нестерпимо сильное желание делать что-либо, страсть к какому-либо делу): «В этом отношении мы уже имеем предварительное согласие некоторых акул капитализма» (т. 43, стр. 169—170); «И вот в лице такой акулы капитализма мы получили пропагандиста торговых сношений с Советской Россией» (т. 42, стр. 97).

Фразерство эсеровских деятелей В. И. Ленин обличает с помощью выражения *чесотка революционной фразы*: «Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает *чесотка революционной фразы*, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые» (т. 35, стр. 361).

Иногда частью перифразы становится фразеологизм, например *кисейная барышня*, который расширяет диапазон оценочной экспрессии полемического выступления (кисейные барышни от социализма): «Старые социалисты-утописты воображали, что социализм можно построить с другими людьми, что они сначала воспитают хороше-

ных, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика» (т. 38, стр. 53—54).

Неодобрительная оценка может быть создана у Ленина перифразом, зависимое слово которого взято из сферы экспрессивно-оценочной лексики: «Партия бесхарактерных, то есть левые эсеры, бесхарактерна и здесь» (т. 36, стр. 360).

Перифраз может представлять собой сочетание существительного с зависимым прилагательным. Существительное в таких построениях выражает различные оттенки неодобрительности (воротила, мошенник, пустомеля, разбойник, хищник), а прилагательное относит характеризуемое к той или иной стороне общественно-политической деятельности (банковский воротила, политический мошенник): «Мы знаем, как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило. Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы» (т. 36, стр. 401); «...в деревне больше всего темноты, привычек к отдельному хозяйству, там смотрят на запрет свободно торговать, как на обиду, а тут, кстати, конечно, являются политические мошенники, всякие эсеры и меньшевики, и разжигают крестьян и говорят им: „Вас грабят!“» (т. 38, стр. 63).

Прилагательное может и подчеркивать неодобрительную оценку об-

пественных явлений, политических акций буржуазных и мелкобуржуазных деятелей (крупный разбойник, некоронованный разбойник, зверский хищник — о капиталистах; презренный пустомеля — об анархистах и левых эсерах): «С каждым днем становится яснее, что это война капиталистов, крупных разбойников...» (т. 27, стр. 231); «...естественно, что, живя рядом со зверскими хищниками, Советская республика должна ждать нападения» (т. 35, стр. 379); «Достаточно хотя капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма» (т. 36, стр. 358).

Пафос негодования в ленинских выступлениях принимает формы полемически окрашенной речи, инкрустируемой серией экспрессивно-оценочных словосочетаний: «Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богатей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся» (т. 42, стр. 329).

Ряды перифрастических выражений усиливают полемический накал речи. Именно этим обусловлена обличительная направленность ленинского выступления, вскрывающего буржуазное лицемерие международного съезда по борьбе с проституцией: «Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для „борьбы с проституцией“, которую поддерживают именно аристократия и буржуазия» (т. 23, стр. 332).

В арсенале полемических средств Ленина-публициста были перифрастические выражения, созданные им путем ситуативного (в данном тексте) сближения экспрессивно-оценочных слов: «Третий Интернационал уже родился. И если он еще не освящен первосвященниками и папами II Интернационала, а, наоборот, проклят ими... это все же не мешает ему приобретать день ото дня новые силы» (т. 30, стр. 268).

Полемическую заостренность обрели в работах В. И. Ленина перифразы, имевшие распространение в литературно-художественной речи. Эмоциональная окрашенность риторического оборота *защитник отечества* становится иной, когда оборот этот употреблен иронически: «Умные представители буржуазии прекрасно это поняли. Поэтому они так хвалят теперешние социалистические партии, во главе которых стоят „защитники отечества“, т. е. защитники империалистического грабежа» (т. 27, стр. 124).

Многие перифрастические выражения, созданные В. И. Лениным, отличаются оригинальностью, политической остротой и характеристичностью: так за эсерами закрепились меткие ленинские перифразы: герои революционной фразы, партия бесхарактерных; их псевдо-революционность аттестуется как *чесотка революционной фразы*.

В перифрастичной манере полемических выступлений — непревзойденное мастерство Ленина-публициста.

А. Н. КОЖИН

Что же такое научный стиль?

- Вы, говорят, вроде книги пишете?
- Да, пишу.
- Значит, соображение слов у Вас должно быть обдуманное.

К. Паустовский. Золотая роза

1

В последние годы исследователи научного стиля языка (стиля научного изложения) неоднократно отмечали, что подобный стиль все больше и больше превращается в своеобразный жаргон. «Чтобы написать в наше время научную статью,— пишет, например, О. А. Лаптева,— *не нужно вообще уметь писать*: достаточно иметь в своем распоряжении лишь некоторый (сравнительно ограниченный) набор языковых средств» (сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968, стр. 131). Об этом же говорят и исследователи научного стиля других языков. Один из авторов прямо называет такой стиль «научным жаргоном» (R. Etiemble. *Le jargon des sciences*. Paris, 1966).

Читателю остается неясным — хорошо это или плохо? Действительно ли стиль научного изложения должен быть жаргоном или подобное превращение — результат недостаточной литературной грамотности пишущего? Чтобы ответить на оба вопроса, необходимо сделать несколько общих замечаний о характере научного стиля.

Широко распространено весьма наивное убеждение, что стили языка можно разделить на точные и неточные. К первым обычно относят научный стиль, ко вторым — стиль художественной литературы. Между этими двумя полюсами распределяют все остальные стили языка: одни из них, оказывается, тяготеют к точности, другие — к неточности, которую нередко отождествляют с эмоциональностью, метафоричностью, образностью и т. д. При ближайшем рассмотрении становится, однако, ясно, что подобное противопоставление языковых стилей основывается на крайне поверхностном заключении.

Прежде всего: что означает точность стиля и в каком отношении она находится к точности мысли? В свое время на этот вопрос стремился ответить известный английский мыслитель Бертран Рассел в книге «Человеческое познание» (перевод с английского. М., 1957, стр. 120). «Допустим,— писал он,— что я иду с приятелем темной ночью и что мы потеряли друг друга. Мой приятель кричит: Где вы? Отвечаю: Я здесь. Наука не признает такого языка. Она скажет: В 11.32 пополудни, 30 января 1948 года Бертран Рассел находится в пункте $4^{\circ}3'29''$ западной долготы и $53^{\circ}16'14''$ северной широты». Этот пример, казалось бы, показывает, как следует понимать точность научного стиля («языка науки»). Но, во-первых,

наука не всегда нуждается в такого рода точности, и, во-вторых (что особенно важно), точность передается здесь с помощью многообразных ресурсов общелитературного языка. *Полудни* — не только достояние «языка науки», но и общелитературное слово. То же следует сказать и о словосочетаниях типа *западная долгота*, *северная широта*, о словах *находиться*, *пункт*, о предлоге *в* и т. д. Точность воссоздается здесь не с помощью «научного жаргона», а с помощью таких средств и возможностей языка, которые имеют общелитературный характер.

Продолжая пример Рассела, можно утверждать, что в обоих случаях, и при ответе «Я здесь» и при ответе с включением *широты*, *долготы* и прочего, речь идет об общих ресурсах языка, применяемых с определенной целью.

Здесь-то мы и подходим к характеру научного стиля. Его следует понимать как стиль в особой функции. Это не особый стиль, специально созданный для науки, тем более — не жаргон, а совокупность ресурсов общелитературного языка, получающих определенное назначение. Попробуем сейчас показать, что только функциональное истолкование научного стиля, как и других стилей языка, может быть плодотворным и несхоластичным.

Хорошо известно, что каждая наука располагает своими терминами. В большинстве случаев термины — это не особые слова, а лишь слова в особой функции. Терминироваться могут самые «обыкновенные» слова. Слово *промышленность* употребляют и как слово «вообще» и как термин политической экономии. Сравнительно недавно слово *облет* стало термином космонавтики, но оно продолжает сохранять и нетерминологическое значение в общелитературном языке. Таких примеров из разных областей знания можно приводить сотнями. Подобные бесспорные факты, наблюдаемые во всех языках мира, лишней раз свидетельствуют, что «язык науки» основывается на общелитературном языке, хотя и имеет свое, особое назначение, преследует свои цели.

Какими же свойствами должен обладать научный стиль изложения? На этот вопрос чаще всего отвечают так: он должен быть точным и неэмоциональным, лишенным образности. Рассмотрим оба эти свойства, обычно приписываемые научному стилю.

Начнем прежде всего с того, что точность стиля нельзя противопоставлять его образности (и шире — эмоциональности). К. Маркс весьма ценил те отклики на его книгу «Капитал», в которых отмечались не только ясность и точность изложения, но и «необычайная живость... несмотря на научную высоту предмета» (К. Маркс. Капитал. Т. 1. М., 1949, стр. 14). Глубоко эмоциональны стиль «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, стиль книг, статей и речей В. И. Ленина. В совсем другой научной области кораблестроитель, математик и механик, академик А. Н. Крылов (1863—1945) так живо и эмоционально писал свои строго научные сочинения, что вызвал восторженный отзыв о них филолога А. С. Орлова (см. приложение к его книге

«Язык русских писателей». М., 1948, стр. 177—187). Точность органически сочетается с эмоциональностью изложения в статьях и книгах философа Г. В. Плеханова, физиолога Л. А. Орбели, геолога и географа А. Е. Ферсмана, историка Е. В. Тарле. Примеры можно было бы увеличить.

Иногда рассуждают так: имеются, дескать, такие области науки, которые допускают проникновение эмоциональности в стиль изложения (например, история, политическая экономия, физиология и т. д.) и есть совсем иные сферы знания, где аналогичная эмоциональность невозможна (механика, математика и пр.). Опровергнуть такие заключения можно словами Альберта Эйнштейна: «Чем более тонкой и специализированной становится наука, тем сильнее чувствуется необходимость постичь ее существенные черты наглядно и легко, без технического аппарата» (см. его «Собрание научных трудов». Т. 4. М., 1967, стр. 194).

Любопытно, что великие ученые, которым по тем или иным причинам не удавалось писать «наглядно и легко», эмоционально и вместе с тем точно, воспринимали подобное неумение как большой недостаток всей своей научной деятельности. Об этом писал, в частности, один из создателей современной физики Нильс Бор. Его биограф сообщает: «Бор любил рассказывать историю о молодом человеке, которого жители местечка послали в город послушать выступление знаменитого мудреца и потом поделиться своими впечатлениями. Вернувшись из города, юноша рассказывал односельчанам: мудрец выступал трижды. Первое его выступление было блестящим. Я понял каждое слово. Второе было еще лучше... Я почти ничего не понял, но сам мудрец понял все. Третье же выступление было самым лучшим: оно произвело на меня незабываемое впечатление. Я не понял ни одного слова, да и сам мудрец мало что понял» (Р. Мур. Нильс Бор — человек и ученый. М., 1969, стр. 441). Стремясь предотвратить возможность возникновения аналогичных положений в науке, Бор предлагал расширить чисто «логические рамки» научного изложения, в большей степени считаться с ситуацией конкретного исследования, с принципом «мы сами», наш собственный опыт. И здесь «чувственным элементам» научного изложения отводится отнюдь не последняя роль. Иначе может создаться обстановка, характерная для третьего выступления боровского мудреца («... и сам мало что понял»).

2

К проблеме эмоциональной окраски научного изложения допустимо подойти и с чисто лингвистической стороны.

Перед нами два словаря-справочника, изданные совсем недавно: А. И. Черная. Словарь-справочник новых значений общенаучных слов в английской научно-технической литературе. М., 1965 и «Словарь словосочетаний, наиболее употребительных в английской научной литературе». Составители: Э. Басс, Е. Дмитриева, Т. Эльте-

кова. М., 1968. Если поинтересоваться, откуда черпает и пополняет свой ресурс научный стиль английского языка, то ответ не вызовет затруднений: из общелитературного английского языка. Для этого же последнего, как и для любого литературного языка, характерно органическое взаимодействие логических и эмоционально-чувственных элементов. И те и другие проникают затем в стиль научного изложения.

Вот лишь несколько простейших примеров. Brainpower — это 'научно-техническая интеллигенция', 'научные кадры' (буквально 'мозг' + 'сила'). Dramatic — в научном стиле не 'драматический', а 'замечательный' (dramatic advances 'замечательные успехи'), hardware — не 'твердые изделия' (hard + ware), а 'готовые изделия' и т. д. (см. об этом материалы и в книге: Н. Bückendorf. Metaphorik in modernen technischen Bezeichnungen des Englischen. Köln, 1963).

Роль образных наименований велика и в русском научном стиле. Ср., например: *роза ветров, эфирный ветер, бараньи лбы, вулканическая бомба, перистые облака, дождевая тень, Млечный путь, запертый горизонт* (подземная вода), *поющие пески, кающиеся грешники* (особые формы выветривания на поверхности ледников) и множество других.

Разумеется, функция подобных образных наименований в научном стиле совсем иная сравнительно с функцией образности в языке современной художественной литературы. Это бесспорно. В первом случае речь идет лишь об одном из средств наименований предметов, понятий, явлений. Во втором — об одном из средств эстетического воздействия на читателей. Но понимание глубокого различия категории образности (эмоциональности) в разных стилях языка является результатом функционального истолкования самих этих стилей. Казалось бы, одна и та же категория (образность) в неодинаковых стилях обычно выполняет совсем несходные функции. И все же эта категория существенна и в том и в другом стиле.

Имеется еще одно различие между категорией образности в научном и художественном стилях. В первом она обычно выступает как «потухшая», во втором — как живая. *Млечный путь* для астронома — прежде всего термин, тогда как для писателя это же словосочетание может быть источником образного переосмысления или образного сравнения, как, например, в повести М. Горького «Трое»: «*Млечный путь* серебристой тканью разостлался по небу от края до края». И все же источник образности в обоих стилях один и тот же — общелитературный и общенародный язык.

Нельзя, следовательно, утверждать, что образность (эмоциональность) вообще чужда научному стилю, хотя она и выступает в нем обычно как «потухшая». Впрочем, и степень этого «угасания» неодинакова. *Млечный путь* в астрономии уже только термин, но *кающиеся грешники* в географии несомненно сохраняют не только терминологическое, но и известное образное значение.

Проблема образности (эмоциональности) стиля гораздо шире проблемы образности отдельных наименований. К сожалению, однако, первую проблему часто сводят ко второй и утверждают, что образность вообще нехарактерна для научного стиля изложения.

Иного мнения всегда придерживался академик И. П. Павлов. «Жизнь, — писал он, — отчетливо указывает на две категории людей: художников и мыслителей. Между ними резкая разница. Одни — художники... захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность без всякого дробления, без всякого разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее, и тем самым умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки и не удается» (Полное собрание сочинений. Т. 3, кн. 2. М., 1951, стр. 213). Здесь отлично показаны и различия между «художниками» и «мыслителями», и внутренние контакты между ними. Различия обнаруживают себя прежде всего в способе познания действительности, контакты — в стремлении оживить познаваемую реальность. И пусть «мыслителям» вполне это «все-таки и не удается», но подлинные мыслители всегда хотят сохранить живую целостность изучаемого объекта. И тогда им приходит на помощь, в частности, эмоциональность изложения. «Художникам», напротив, недостает умения «дробить действительность». И здесь им приходит на помощь логичность изложения.

К суждению И. П. Павлова примыкает и замечание Эйнштейна: «Воображение важнее знания, ибо знание ограничено, воображение же охватывает все на свете, стимулирует прогресс... Строго говоря, воображение — это реальный фактор в научном исследовании» («Собрание научных трудов». Т. 4, стр. 142). Речь идет здесь уже не об отдельных образных наименованиях, а о всем строе научного мышления. Таковы более глубокие основания правильного понимания постоянного и органического взаимодействия логичности и эмоциональности и в самом стиле научного изложения.

Этот тезис необходимо особо подчеркнуть, так как в последние годы об «элиминации эмоциональности» из научного стиля пишут даже серьезные исследователи.

В уже названной обстоятельной статье О. А. Лаптевой, опубликованной в 1968 году, «элиминация средств выражения эмоциональности и экспрессивности» рассматривается как один из важнейших признаков научного стиля (стр. 184). Примерно то же утверждал и Б. В. Томашевский в книге «Стилистика и стихосложение» (Л., 1959, стр. 8): «При изучении научного произведения вопросы стиля, если он удовлетворяет простейшим условиям ясности, не имеют никакого существенного значения». Это, разумеется, неверно. Получается так: нет забот об эмоциональности, нет забот и о стиле. Между тем «простейшие условия ясности» не приходят сами собой. Они требуют не только ясности мысли, но и не мень-

шей ясности стиля. Второе условие обычно достигается в процессе упорной работы над самим стилем.

Представляется уязвимым и другое широко распространенное мнение, согласно которому, чем эмоциональнее стиль, тем он художественнее. Такая доктрина тоже антифункциональна. К тому же она выстраивает разных писателей по одному ранжиру. Уже Лермонтов устами Печорина заметил о Грушницком, что «просто прекрасное его не трогает...», ему нужны «пышные фразы и необыкновенные чувства». Сходные мысли выражал и Стендаль, подчеркивая, что в своей художественной прозе он стремился быть сдержанным, даже сухим. Следовательно, противопоставление научного и художественного стилей надо вести не по «степени эмоциональности», а по функциональным устремлениям и целям каждого из этих двух стилей. Уместная эмоциональность может помогать, неуместная — мешать и тому и другому стилю. Не говорим уже о том, что у больших мастеров эмоциональность нередко передается внутренним движением всего стиля, без каких бы то ни было внешних признаков ее проявления. Так было, в частности, в блестящей прозе Лермонтова, в мужественной суровости повествования Стендаля.

Всякая культура, в том числе и культура письма, всегда направляется сознательно. Поэтому нельзя овладеть научным стилем изложения, если не контролировать его, не следить за ним пристально.

Попытаемся теперь вернуться к вопросу, поставленному в самом начале настоящих заметок. Допустимо ли считать научный стиль жаргоном и возможно ли владеть научным стилем, одновременно не владея всеми особенностями литературного языка данной эпохи? Из всего сказанного ясно, что ответ на этот вопрос должен быть только отрицательным. Конечно, и у нас, и за рубежом весьма часто публикуют статьи, претендующие на научность, написанные на своеобразном жаргоне. С этим фактом нельзя не считаться. Массовость научной продукции имеет не только свои бесспорные плюсы, но и свои минусы. К этим последним относится и «научный жаргон».

В статьях известного современного французского физика, лауреата Нобелевской премии Луи де Бройля хорошо показана органическая связь научного стиля с общелитературным языком. Больше того, Бройль утверждает: с помощью цифр и формул можно лишь закрепить и утвердить то, что уже было добыто человеческой мыслью и выражено общелитературным языком. Но именно общелитературным языком обычно дальше развивают теоретические положения той или иной науки (сб. «Избранные статьи и речи Луи де Бройля». М., 1967, стр. 54). К этому можно прибавить, что широко распространившаяся за последнее время мода разбивать любое научное изложение последовательно идущими цифрами (00—01—02—1—1,1 и пр.) сама по себе еще не обеспечивает последовательной логики изложения мысли и логики научного

стиля. Нередко такое внешнее понимание логической последовательности призвано скрыть промахи логической мысли и недостатки изложения. «Нет никакой научной заслуги в том, чтобы употреблять трехзначное число, когда для соображений точности вполне достаточно однозначное...» (Н. Винер. Я — математик. М., 1964, стр. 274).

Если влияние общелитературного языка на стиль научного изложения исторически проследить сравнительно нетрудно, то значительно труднее показать обратное воздействие научного стиля на общелитературный язык данного времени. И это понятно. Перефразируя слова Оноре де Бальзака, можно сказать, что нужны весьма благоприятные обстоятельства, чтобы имя ученого попало из науки в историю человечества. Но наука разных эпох и разных стран располагала и располагает такими великими именами. Задача филологов и историков заключается в том, чтобы изучить подобное, все еще очень мало обследованное воздействие «языка науки» на общелитературный язык того или иного народа.

Мы подошли к вопросу, поставленному в заголовке статьи, и ответим на него так: научный стиль — это такой языковый стиль, который стремится: 1) к точности, простоте и ясности, 2) к логической стройности и эмоциональной впечатляемости, 3) к постоянному взаимодействию с общелитературным языком, 4) к строгой обусловленности тщательно продуманных терминов, 5) к широкому использованию разнообразных стилистических ресурсов языка, 6) к разумному применению необходимых цифр, символов и знаков. Хотя отдельные из перечисленных признаков возможны и в других языковых стилях, определенное их сочетание характерно именно для научного стиля изложения. (См. также о научном стиле изложения в книге автора этих строк «Литературные языки и языковые стили», М., 1967).

Профессор МГУ
имени М. В. Ломоносова
Р. А. БУДАГОВ

Первыми учителями русского языка в Эфиопии вообще и на Африканском континенте были русские врачи и фельдшеры, отправившиеся в далекую африканскую страну, чтобы оказать помощь раненым воинам и гражданскому населению, разгромившим армию иноземных захватчиков в битве под Адда в 1896 году. Император Менелик II пригласил русских медиков продолжить работу в госпитале, который был создан в Аддис-Абебе. Это было первое лечебное учреждение в стране и первая русская школа. Русские медики были награждены эфиопскими орденами и медалями, а в память об их деятельности улица, на которой был расположен госпиталь-школа, называется Русской улицей.

Заголовок - фразеологизм

В качестве заголовков газетных статей могут быть использованы поговорки и поговорки, цитаты из книг, получивших общенародное признание, названия известных произведений художественной литературы. Наконец, это могут быть названия книг, фильмов, цитаты из песен и песенок, ставших известными в какой-то сравнительно небольшой период времени. «Устойчивость» конструкций последнего типа наиболее шаткая в том смысле, что эти названия — непосредственный отголосок сегодняшней популярности, не прошедшей серьезного испытания временем.

Фразеологизмы в роли заголовков часто употребляются в той же грамматической и лексической форме, в какой они известны как поговорка, цитата или название произведения. Так, использованы названия книг и кинофильмов: *Алые паруса* («Московская правда»); *Время, вперед!* («Труд»); *Трое в одной лодке* («Правда»); *Полицейские и воры* («Правда»). Эти статьи посвящены отнюдь не рассмотрению художественных и прочих достоинств и недостатков литературных и кинематографических произведений под теми же названиями. Скажем, статья «*Алые паруса*» рассказывает о работе коллектива физкультуры 72-й школы, «*Время, вперед!*» — о шарикоподшипниковом заводе, в статье «*Трое в одной лодке*» говорится о трех претендентах на пост председателя либерально-демократической партии в Японии и т. д.

Особенность таких названий в их метафоричности. Причем эта метафоризация бывает и вторичной, ибо то или другое сочетание в качестве названия книги зачастую также употребляется не в прямом значении. Метафоризация устойчивого оборота — явление довольно частое, но не обязательное. Статья «*Полицейские и воры*» действительно посвящена деятельности бандитов на Сардинии. В данном случае можно говорить о вторичном использовании названия, но не о его смысловом изменении. Прямое или переносное значение заголовков этой разновидности может быть установлено только после прочтения статьи. Однако нужно учитывать, что эта соотнесенность бывает и чисто условной.

Другая особенность заголовков этого рода состоит в самом факте переноса данного оборота из беллетристики или кинематографа в газету. Как известно, всякая социально-культурная область имеет свою специфику в области названия. Магазины, рестораны, газеты, журна-

лы называют обычно отдельным существительным, собственным или нарицательным, для названий книг употребляют номинативные конструкции, а в газетных заголовках обычно используют обороты, синтаксически более сложные. Это хорошо показал А. С. Попов в статье «Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие» (сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966). По наблюдениям А. С. Попова, назывные заголовки широко использовались в дореволюционной газете. Теперь они обычно претерпевают изменения, обогащаясь различными синтаксическими связями. Использование неизменных названий кинофильмов, книг и т. д. в роли газетных заголовков говорит не только о тесном взаимодействии разных областей человеческого знания, но и о специфике самой газеты. В таких заголовках на первый план выступает рекламная функция; почти ничего не сообщая о содержании статьи, заголовок привлекает внимание читателя, пробуждая в нем ассоциации с уже прочитанным или увиденным. Об этом красноречиво свидетельствует, например, заголовок «По тонкому льду» (субботний фельетон. «Вечерняя Москва»). Роман Г. Брянцева, а затем — в еще большей степени — кинофильм сделали это название весьма известным. Непосредственно за фильмом появляется фельетон. Эта та самая популярность сегодняшнего дня, о которой мы уже говорили.

Употребление пословиц и поговорок в роли газетных заголовков не отличается принципиально от названий, рассмотренных ранее. И здесь информация оттеснена рекламой: Чужим умом (о переманивании специалистов из разных стран в США. «Московский комсомолец»); Я не я... (о нацистских сборищах. «Правда»); Дом хозяином держится (о плохом подборе кадров. «Известия»); В споре рождается истина (о собрании писателей в Вешенской. «Комсомольская правда»).

В заголовках-пословицах заметно преимущественное использование глагольных конструкций. Особенно характерно наличие сказуемых форм для заголовков, выраженных цитатами. Цитаты могут быть песенными или стихотворными: Нам дороги эти позабыть нельзя («Известия»); Песню дружбы запевае молодежь («Московская правда»); Несем мы красный стяг по всей земле («Комсомольская правда»). Иногда заголовок-цитата оформлен кавычками: «Мы отковали каменные крылья!» («Московская правда»); «Великий труд! Твою творим мы волю» («Комсомольская правда»); «Этих дней не смолкнет слава...» («Советская культура»). Многоточие может быть использовано и в начале и в конце заголовка: ...Будь сегодня к походу готов! («Московский комсомолец»). Произвольность использования многоточия можно проиллюстрировать таким примером: Не зарастет народная тропа... («Московская правда») — ...Не зарастет народная тропа («Литературная газета»).

Для песенных заголовков-цитат характерна эмоционально-экспрессивная насыщенность, романтическая приподнятость. В этом отношении от них не отличается в ряде случаев употребление и цитат стихотворных: Беспокойная юность моя... (о комсомольцах 20-х годов. «Московская правда»); Нас водила молодость... (об участии комсо-

мольцев в войне. «Комсомольская правда»). Нередко и здесь функция сообщения оказывается в подчинении у чисто рекламной: И невозможное возможно... (о достижениях генетики. «Московский комсомолец»); Большое видится на расстоянии (о заводе «Галалит», «Московская правда»).

Экспрессия, ради которой используют цитату-заголовок, базируется на общеизвестности данной строчки. Поэтому более полный контекст, даже при сильно усеченной форме цитат, легко восстанавливается: Нас водила молодость [в сабельный поход] (Багрицкий), [Ленин и теперь] Живее всех живых (Маяковский), [Исчезли юные забавы] Как сон, как утренний туман (Пушкин). Даже при минимальном составе оборота установить контекст нетрудно: Моя милиция [меня бережет] (Маяковский, «Литературная газета»).

Наибольший интерес, по крайней мере с языковедческой точки зрения, представляют такие заголовки-фразеологизмы, которые употребляются в измененном виде. По свидетельству В. М. Ронгинского, «на каждые сто заголовков-фразеологизмов приходится более тридцати заглавий, где фразеологическая единица выступает в структурно-измененном виде, с иным смысловым значением» (сб. «Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц», Тула, 1968).

Довольно часто фразеологизмы употребляются в роли составной части заголовка, то есть внутри сочетания: Первый блин комом, или лыжня огорчений («Вечерняя Москва»); Театр бросает перчатку («Московская правда»). Таким же образом используются названия, ранее известные: Римские каникулы американского посла («Римские каникулы» — кинофильм. «Известия»). В этих случаях превращение фразеологизма в газетный заголовок достигнуто добавлением к названию дополнения — существительного с определением или просто существительного, которые заметно усиливают информативную функцию заголовка. Но если устойчивый оборот оформлен как вопросительное предложение только с помощью служебных слов, усиления не происходит: Почему хата с краю? («Советский спорт»).

Еще один прием употребления устойчивого оборота — это переделка утвердительной конструкции в отрицательную и наоборот: Тысяча не мелочей, Овчинка стоит выделки («Правда»). Во втором случае изменен также порядок слов.

Если мы попробуем классифицировать заголовки-фразеологизмы по принципу их грамматических видоизменений, то обнаружим здесь весьма пеструю картину. Изменения могут касаться: а) категории числа — Революцией призванные («Правда»); Мужчины и женщина («Московская правда». «Мужчина и женщина» — кинофильм); б) категории склонения: Людей посмотрели, себя показали («Советская Россия»; при обычной инфинитивной форме «Людей посмотреть, себя показать»); в) категории времени: И город есть, и сад цветет («Известия»; «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвести». Маяковский); г) категории падежа: Одна, но пламенная страсть («Советский спорт»; «Я знал одной лишь думы власть.— Одну — но пламенную страсть». Лермонтов).

Огромное количество заголовков состоит из фразеологизмов, сохраняющих лексическую замену. Чаще всего подвергаются замене существительные собственные и нарицательные, имеющие форму именительного падежа: Быль о советском паспорте («Известия»; «Стихи о советском паспорте». Маяковский); Девушка на побегушках («Комсомольская правда»; Девочка на побегушках); Фархутдин в Бухаре («Известия»; «Насреддин в Бухаре» — роман В. Соловьева); Збигнев здесь, Збигнев там («Правда»; «Фигаро здесь, Фигаро там»).

Реже происходит замена зависимых членов сочетания — дополнения, несогласованного определения, обстоятельства: Два цвета времени («Московскийсомолец»; «Три цвета времени» — роман А. Виноградова); Пепел Варшавы стучит в сердце («Комсомольская правда»; слова Тиль Уленшпигеля «Пепел Клааса...», «Тиль Уленшпигель» — роман Шарля де Костера); Мы из Комсомола («Известия»; «Мы из Кронштадта» — кинофильм); Жил-был у девочки серенький козлик («Вечерняя Москва»; детская песенка «Жил-был у бабушки серенький козлик»).

Было бы наивным полагать, что внутренний языковой механизм таких трансформированных заголовков зависит исключительно от замены одного слова другим. Дело не только в том, что в одном случае девушка фигурирует вместо девочки, а в другом — девочка вместо бабушки. Замененное слово влияет на весь устойчивый оборот, обновляя его. Знакомое и привычное сочетание, настолько привычное, что кажется подчас банальным, как бы заново рождается. Фразеологизм переосмысливается, получает неожиданный поворот. Замененное слово, изменяя смысл устойчивого сочетания, одновременно усиливает и информативную функцию заголовка.

Наибольший эффект достигается при введении в состав фразеологизма омонима: Да будет «Свет!» (о новом фирменном магазине электротоваров. «Вечерняя Москва»). Введение омонимичного слова может сопровождаться и грамматической трансформацией: «Надежда» юношей питает (о турнире на «Кубок надежды», «Советский спорт»). Грамматическая трансформация фразеологизма в меньшей степени, чем лексическая, способствует его переосмыслению: Любим кататься, любим и саночки возить (о малом ассортименте спортивного инвентаря в магазинах. «Советский спорт»). Здесь изменение формы лица способствует переходу от переносного значения фразеологизма к прямому. Очевидно, что любое изменение устойчивого оборота, на каком бы уровне языка оно ни производилось, не может рассматриваться само по себе вне связи со всем оборотом. Любое изменение фразеологизма непременно ведет к его переосмыслению.

Если подходить с формальной точки зрения, то можно отметить, что не все части речи получают замену с одинаковой легкостью. По всей вероятности, наибольшей подвижностью в этом отношении обладают существительные. Но в основном та или другая возможность изменения устойчивого оборота зависит от его конструкции. Это становится явным в тех случаях, когда один и тот же фразеологизм переделывается по-разному:

Одобрели — и с плеч долой («Комсомольская правда»); Приписано... и с плеч долой («Вечерняя Москва»). В обоих примерах заменен первый элемент, а отсюда можно заключить, что это наиболее слабое звено устойчивого оборота, легко поддающееся изменению.

Рассмотренные примеры говорят о том, что при лексическом варьировании обычно происходит замена слова на слово или слова на словосочетание. Значительно реже встречаются фразеологизмы, где меняется словосочетание на словосочетание: Лен с поля не выкинешь («Правда»); или два слова на два слова: Как трудно быть счастливым («Советский спорт», «Как важно быть серьезным» — пьеса О. Уайльда).

Здесь мы подходим к чрезвычайно интересному и спорному вопросу: являются ли подобные заголовки измененными фразеологизмами или они лишь образованы по моделям известных устойчивых сочетаний? Ведь среди названий газетных статей встречается множество таких, которые с большей или меньшей уверенностью можно соотнести с уже бытующими. Заголовки: Раунд длиной в четыре года («Известия»); Сердце не забывает («Московская правда»); Май шагает по планете («Правда») — позволительно сопоставить с названиями кинофильмов «Дорога длиною в год», «Память сердца», «Я шагаю по Москве». Тот или другой заголовок наталкивает на ассоциацию, но она еще далеко не доказательство, что данный заголовок — измененный фразеологизм. Рассмотренный нами материал позволяет считать заголовки измененным фразеологизмом при двух условиях: а) при сохранении синтаксической структуры устойчивого оборота; б) при изменении его языкового выражения по одному уровню языка.

Наблюдения над использованием фразеологии в газетных заголовках показывают, что во многих случаях устойчивые конструкции современного русского языка предоставляют возможность журналисту избежать штампованных и избитых названий, повысить интерес читателя к газетному материалу, привлечь внимание к публикуемой статье. Приемы и способы обыгрывания фразеологических сочетаний практически безграничны.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

СУФФИКС ИЗ НИЧЕГО

В русском языке есть несколько абстрактных существительных с малораспространенным (непродуктивным) суффиксом *-d(a)*: прав-да, крив-да, враж-да. К этим словам примыкают давние заимствования из старославянского языка *нужда* и *надежда*, также имеющие отвлеченное значение. Они имели исконные восточнославянские соответствия *нужа*, *надежа*. Прилагательные *нужный*, *надежный* соотносились как с русскими, так и со старославянскими словами. Впоследствии исконные русские существительные *нужа*,

надежа выпали из литературного языка, а прилагательные *нужный*, *надежный* стали соотноситься только со старославянскими *нужда*, *надежда*, причем в этих последних стали выделяться корень *нуж-*, *надеж-* и суффикс *-d(a)*, которого исторически в этих словах не было. Сейчас в результате расхождений в значениях словообразовательные связи слов *нужда* — *нужный*, *надежда* — *надежный* ослабевают. Сходная картина наблюдается и у пары *одежда* — *одежный*, где выделяется также «незаконнорожденный» суффикс *-d(a)*.

И. Г. Добродомов

Вводные единицы в речи

Все элементы правильной, хорошей речи оправданы содержанием и стилем ее. А касается ли это так называемых вводных слов? Какую роль они играют в речи? Нужны они или излишни в речи? Помогают они нам выразить то, что мы хотим, или мешают? Ведь вводные слова многим отличаются от главных и второстепенных членов предложения: они выражают иные значения, не находятся ни в сочинительной, ни в подчинительной связи с другими словами и не отвечают на обычные вопросы, которые помогают определению членов предложения. Недаром их с давних пор считают словами вне предложения, грамматически не связанными с ним. А некоторые учителя прибегают к выбрасыванию их из предложения, чтобы доказать их вводность: предложение, мол, сохраняется и без них. Кстати сказать, этот прием совершенно несостоятелен: опущение любого слова так или иначе отражается на предложении.

Вводные единицы употребляются для более полной передачи содержания и его оттенков, для выделения и подчеркивания некоторых моментов в содержании и для определения отношения к нему автора. Они по-своему дополняют, уточняют смысл предложения, создают или отмечают его стилистические особенности.

Существует три типа вводных единиц, которые по старой традиции объединяются названием «вводные слова»: вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения.

В качестве вводных выступает ограниченный круг слов разных частей речи в одной или нескольких формах: существительные с предлогом *к счастью, по словам, без сомнения* и др., прилагательное *главное*, глаголы *признаться, подумать,*

наречия действительно, вернее, наконец, кстати, наверное и др., слова союзного типа *итак, однако, следовательно*.

Вводными являются и многие сочетания слов: *именные* (самое главное, по всей вероятности, к нашей радости, с одной стороны и др.), *глагольные* (по правде говоря, вернее сказать, может быть и др.).

Состав вводных предложений ограничен. Это главным образом личные, неопределенно-личные и безличные предложения, образованные на основе некоторых форм немногих глаголов, в основном со значением речи и мысли: *кажется, думаю, я думаю, думается, мне думается, как сообщают газеты, как говорится, представь (-те) себе и др.*

Вводные единицы в нашей речи передают определенные значения, закрепленные за ними:

1) достоверность, несомненность, полное соответствие содержания речи фактам действительности: конечно, безусловно, бесспорно, разумеется, без сомнения, в самом деле, вне всякого сомнения, понятное дело, слов нет, я уверен, я знаю, это точно и др.: «— Этого, я знаю, я не могу запретить вам...» (Л. Толстой. *Война и мир*);

2) недостоверность, предположительность, сомнительность: вероятно, видимо, наверное, очевидно, по-видимому, пожалуй, может быть, по всей вероятности, скорее всего, думаю, я думаю, думается, мне думается, кажется, мне кажется, надо думать и др.: «Побой и ругань, надо думать, возымели действие на малолетнего Гришку» (Шолохов. *Тихий Дон*);

3) ссылку на источник, авторство сообщаемой мысли или выражения, субъективную передачу чужой речи: по-моему, по-твоему, по слухам, по Толстому, дескать, мол по моему (нашему, чьему-либо) убежде-

нию, на мой (чей-либо) взгляд, по (чьим-либо) словам, с (чьей-либо) точки зрения, он говорит, как сообщают газеты и др.— «Бацлагой, как мне потом сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно избалованный ямщик» (Тургенев. Лебедянь);

4) смысловые и экспрессивные отношения между частями высказывания; во-первых, во-вторых далее, наконец, так, например, значит, итак, предположим, наоборот, к примеру сказать, таким образом, стало быть, с одной стороны, с другой стороны, скажем, выходит и др.— «Мы все находимся на большом строительстве... Предположим, на Каспии...» (Ажаев. Далеко от Москвы);

5) чувства говорящего или другого лица, вызванные сообщаемыми фактами: к счастью, к сожалению, к удивлению, к несчастью, на беду, к (чьему-либо) несчастью (счастью, удивлению, сожалению), к большому неудовольствию и др.— «У вас есть большие данные... Но использовать вас мы, к сожалению, не можем» (Н. Островский. Как закалялась сталь);

6) оценки степени важности сообщаемого факта, оценки меры или степени качества или количества: главное, самое главное, это самое главное и др.— «Наши воспитанники, главное, были патриотами своей колонии, дорожили ее честью, как своей собственной» (Макаренко. Педагогическая поэма);

7) припоминание чего-либо по ассоциации с только что сказанным: кстати, кстати говоря, кстати сказать, к слову сказать и др.— «Говоря к слову, он и приказов своих никогда не отменял» (Фурманов. Чапаев);

8) авторские оценки стили, способа высказывания: вернее, короче, словом, собственно, точнее говоря, короче говоря, другими словами (говоря), так сказать, что называется, можно сказать, как говорится и др.

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу.

Пушкин. Евгений Онегин

9) разного рода призывы к собеседнику, чтобы активизировать его внимание, подчеркнуть какой-либо факт, вызвать желаемое отношение к нему или, наоборот, снять нежелательную реакцию: веришь, -ите (ли), видишь, -ите (ли), заметь, -те, пойми, -те, пойми, -те вы, можешь представить (себе) и др.— «В моей комнате, можешь себе представить, застрелился дедушка Григорий» (Чехов. Соседи).

Многие вводные единицы частично выполняют союзные функции — используются для обозначения вывода, обобщения: итак, следовательно, словом, одним словом и др.; обозначают последовательность в расположении мыслей, обычно с учетом степени их важности: во-первых, во-вторых, наконец; выступают в значении уступительного союза (*правда, конечно* с последующими союзами *а, но, зато, однако*): «Конечно, я старая и глупая, но хорошее и я понимаю! — с легкой обидой заметила она» (М. Горький. Мать); используются при конкретизации содержания основного предложения или одного из его слов (например, так, к примеру, к примеру сказать), а также выражают противопоставление данной мысли ранее сказанному (напротив, наоборот, однако); повторяющиеся вводные единицы *возможно, может быть*, выражая предположительность, могут передавать раздельные отношения.

Смысловое единство предложения не дает возможности произвольно заменять одни вводные единицы другими, далекими по смыслу, а опущение вводных единиц непременно отражается на смысле или стиле высказывания: «В воздухе, *выражаясь длинным языком российских беллетристов, высела нега...*» (Чехов. Скверная история). Речь Семена Давыдова (Шолохов. Поднятая целина) потеряет одну из индивидуальных особенностей, если из нее убрать типично давыдовское вводное слово *факт*.

Вводные выражения интонационно связаны с основным составом предложения или отдельными его членами. Обычно они произносятся с меньшей силой и более быстро, однако не выпадают из интонаци-

онной структуры всего предложения.

Как правило, при произнесении вводных слов делается только одна пауза. Место ее зависит от того, с каким словом связала вводная единица: обычно паузы между ними не бывает.

Вводные единицы вступают в смысловую связь со всем предложением: «*Возможно*, тебе другое задание будет» (Фадеев. Молодая гвардия); с одной из частей сложного предложения: «Олизар боролся с Михиным, и, *к удивлению всех*, маленький, неловкий Михин два раза подряд бросал на землю своего более высокого и стройного противника» (Куприн. Поединок); «Я тогда знал ее [азбуку Морзе] всю наизусть и мог выстукивать на ключе, хотя теперь, *к сожалению и стыду*, не знаю ни одного знака» (Солоухин. Капля росы); вводные могут находиться в смысловой связи с отдельным членом предложения, на который падает логическое ударение — с подлежащим: «Странные эти слова насторожили Алексея, но кричал, *несомненно*, русский и, *несомненно*, ребенок» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); со сказуемым: «Он как-то сух, хотя добр и даже, *пожалуй*, нежен иногда...» (М. Горький. Мать); с дополнением: «Черноусый старший сержант проводил, *видимо*, политбеседу» (Казакевич. Весна на Одере); с определением: «Казакки это знали и хорошо учитывали при своем, бесспорно, талантливом налете» (Фурманов. Чапаев); с обстоятельствами: «Она даже повернулась так, чтобы ему виден был ее профиль, *по ее понятиям*, в самом выгодном положении» (Л. Толстой. Война и мир).

Вводные единицы могут стоять в начале, в середине и в конце предложения. При связи со всем предложением они чаще начинают или заканчивают его, при связи с одним членом предложения — располагаются поблизости от него.

В обиходной устной речи иногда почти рядом употребляют вводные единицы разного смысла: конечно и видимо; несомненно и может быть и т. п. Это бывает в тех случаях, когда говорящий соглашается

с мнением собеседника: «Он, видно, не придет.— Да, конечно, видно, не придет», или когда части предложения имеют разные оттенки достоверности: «Это сделает Максимов, конечно,— возможно, не один». Встречаются и случаи явно алогичного стечения вводных слов: «Я, конечно, приду, может быть».

Вводные единицы используются во всех стилях устной и письменной речи. Многие из них стилистически нейтральны: конечно, кажется, может быть, видимо, думается и др. Ряд вводных слов несет яркую стилистическую окраску, например, разговорной речи: может, наверно, пожалуй, небось, поди; книжной речи: выражаясь по-научному, говоря языком историков, по выражению Толстого и др. Некоторые вводные выражения сейчас воспринимаются как устаревшие: натурально, чай, я чай, чайтельно и др.: «— А награда, я чай, большая ему будет?— говорила казачка» (Л. Толстой. Казаки).

Увлечение вводными словами, употребление их без надобности снижает выразительность речи, засоряет, обесцвечивает ее. Недаром вводные единицы используются в литературе как художественное средство характеристики людей с невысокой общей и, в частности, речевой культурой. Таков, например, дед Михайла в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. Вот отрывок из его рассказа: «*Так значит, выводит*, ребяташки наши на вырубке его (Мересьева) отыскали... Сперва им, *значит*, медведь померещился, *дескать*, подстреленный и катится этак-то... Смотрят, *значит*, катится с боку на бок, катится и стонет».

Вводные слова нам нужны, как и другие слова. Речь должна идти об их верном, оправданном употреблении.

А. И. АНИКИН,
доцент МГПИ имени В. И. Ленина

В последние годы заметно вырос интерес к истории нашего народа, к замечательным памятникам древнерусского искусства, к народному творчеству. Все больше людей, профессионально не связанных с этнографией или искусствоведением, едет в Суздаль и в Кижь, пытается понять тайны древних икон и списывает друг у друга пленки с записями народных песен.

Но ведь ни в чем не выражается так ярко дух народа, как в слове. И если мы несем ответственность за сохранение старинных храмов и деревянных скульптур, былин и песен, то, конечно, мы в ответе и за сохранение подлинных образцов народной речи, в частности той лексики, которая характеризовала быт, культуру, отношения старой деревни и которая, обогащая литературный язык, все же неизбежно уходит в прошлое.

Расплывчатый термин «народная речь», «народный язык» — это практически совокупность многих говоров, часто весьма различных по своим особенностям. Интерес к лек-

сике говоров, особенно возросший в 50—60-е годы, выражается прежде всего в составлении диалектных словарей. Уже вышли в свет несколько выпусков «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, I выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными», «Словарь русских говоров Среднего Урала» и некоторые другие.

В 1968 году в Красноярске опубликован «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края», составленный работниками Красноярского педагогического института (редколлегия: В. П. Рогова, К. Б. Римашевская и В. В. Алехина).

Этот Словарь особенно интересен тем, что в нем представлена лексика Шушенского района Красноярского края и самого села Шушенского, тесно связанных в нашем представлении с именем В. И. Ленина. Читая Словарь, мы получаем возможность в какой-то степени познакомиться с тем говором, который когда-то слышал Ленин.

Красноярский Словарь содержит более 2,5 тысяч слов. Это Словарь дифференциальный, то есть в него включены не все слова, бытующие в говоре (как это сделано в Псковском словаре), а только собственно диалектная лексика, те слова, которые не встречаются в современном литературном языке.

В Словаре принят алфавитный порядок расположения слов, самостоятельными статьями представлены варианты слов, омонимы, производные слова, фразеологизмы. Словарные статьи построены чрезвычайно просто: диалектное слово, данное в орфографии с указанием места ударения, сопровождается простым, кратким пояснением и

примерами. Если толкования слов не всегда достаточно четки и полны, то примеры в большинстве случаев очень удачны. Часто к одному слову приводится не один, а два, три и более контекстов. Это помогает не только лучше понять значение слова, но и как бы почувствовать дух говора и даже характер его носителей. Ведь эти примеры в сущности представляют собой толкования слов самими носителями говора.

Приведем только одну словарную статью:

«Валовой — неповоротливый, но трудолюбивый.

Валовой — тихой, така ухватка, а он все сделает, но тихо. Другой и здоровый, а ухватка така. Анисья и работала хорошо, а валовая была. Валовой конь уж вытянет в гору. Валовой это тихой. Он всю работу делает тихо, но верно. Все делает человек, а валовой, тихой».

Наряду со словами, хорошо известными в разных русских говорах: бердо — 'часть ткацкого станка', вышка — 'чердак', голиця — 'кожаная рукавица' и др., в Словаре можно найти и ряд оригинальных, наверняка неизвестных многим читателям: околотень — 'де-

нивый человек', глыза — 'кусок льда, земли, навоза', алябуш — 'плохо выпеченный, неудавшийся хлеб' и др. Интересны и диалектные фразеологизмы, пословицы и поговорки: «В копнах не сено, в долгах не деньги, в горстях не хлеб» или «Сказал куме, кума борову, а боров — всему городу».

Конечно, «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края» не лишен недостатков: в нем почти нет грамматических и стилистических помет; объяснения слов не всегда достаточно полные и четкие; некоторые слова — общерусские и едва ли их стоило включать в дифференциальный словарь (уток, яр, драчена и некоторые другие), есть и другие частные погрешности.

Однако в целом этот Словарь будет не только полезен и интересен как справочное пособие для красноярских учителей, работников печати и радио, но с ним интересно будет познакомиться и широкому кругу любителей народной речи. Отрадно, что словарь говоров Шушенского района вышел в свет в канун ленинского юбилея.

Е. Н. ИВАНИЦКАЯ

Книга о сибирских старожильческих говорах

В 1967 году в Красноярске вышла «Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири», составленная доцентом Енисейского педагогического института Р. Т. Гриб.

Эта книга — результат интенсивной работы по изучению говоров Центральной и Западной Сибири, которую проделали сибирские диалектологи в послевоенные годы. На кафедрах русского языка сибирских вузов за это время накопились большие диалектные материалы; но пока они оставались в рукописях, широко пользоваться ими было невозможно. Поэтому на IV межвузовской конференции Сибирского зонального объединения кафедр русского языка было принято решение об издании хрестоматии говоров. Ее автор-составитель

Р. Т. Гриб провела большую работу по отбору текстов, их систематизации и технической обработке.

В Хрестоматии представлены лишь записи текстов, зафиксированные в старожильческих говорах (поселения XVII—XIX веков). Установка на «чистоту» сибирского говора выразилась и в подборе лиц, речь которых записывалась: в основном это люди старшего поколения, среди которых есть лица совсем преклонного возраста — ста лет и более.

Хрестоматия состоит из пяти разделов, каждый из которых посвящен отдельным областям или краям изученной территории. Количество приведенных текстов, их разнообразие и величина в разделах неодинаковы, и это отражает неравномерность изучения сибирских говоров. Если Красноярский край, Томская и Кемеровская области представлены в Хрестоматии довольно полно, то записи по Омской, Новосибирской областям и Алтайскому краю приведены лишь по отдельным селам и районам.

Каждый раздел Хрестоматии заключается рекомендацией диалектологической литературы, относящейся к изучению данных говоров. Все указанные здесь работы написаны с использованием приведенных материалов.

Наиболее ценны и интересны сами тексты. Характер их разнообразен: это и связанные тексты, и отдельные фразы, словосочетания, слова, формы, свойственные лексике и морфологии говора. Иногда приводятся записи песен, сказок, частушек. В подборе материала выразилась личность автора-составителя, ее вкус и умение, ее любовь к Сибири и знанию этого края. Тематика текстов многообразна: здесь можно узнать и о сибирской флоре и фауне, и о местном быте, и о сибирских обрядах. Очень много записей о давних временах Сибири, немало воспоминаний из революционного прошлого, сведений о семейных традициях сибиряков.

Читатель может встретить здесь описания редкие, полные самых интересных сведений. Вот образец такой записи:

Медведи

теперь обрусели и медведи // как он избушку строит? // у него теперь упадет толстая лесина / яма полуцица // он её опкладывает / землей зарыват / а в ево избушку мѡху натаскано / настелено / мѡхко / тепло // дыру мѡхом заткнет / штоб не дуло // весной выходит худой / сердитой / дурной // он зря не тронет // он ножык увидит / сердяца будет // от коды ево убьют / шкурку снимут / ну фбрменный человек // у нас некоторые их ели // я не могу // у меня душа // как я человека буду йись? он йись захочет / рыбу унесет / а уш шышко солѡно не ес // у некоторых в берлоге корни натасканы // край озер которы // он оленишков разгонит / у которых догонит / потом бурундукоф мастер ловить / лигит кверху брюхом // я рас слышу бурундук свистит / заливаетца // я пошел на этот свйс / а он лежит кверху брюхом / лапки поднял / а бурундуки по нем бегают / а он так их лапками давит / сам видел //.

Чтобы тексты были понятны читателю разного уровня филологической подготовки, в конце книги приложены пояснения слов, отдельных грамматических форм и произносительных вариантов. Вместе с другими справочными материалами Хрестоматии — списком лиц, записавших говоры, картами территорий, где записи произведены, библиографией — они подчеркивают фактическую достоверность приведенных сведений, а тем самым и научную ценность книги.

Нет сомнения, что «Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири» будет не только хорошим пособием для студентов-филологов, но и привлечет внимание многих любителей старины и родного слова.

Т. С. КОГОТКОВА

В словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде хранится ничем не примечательная с виду обшая тетрадь в черной клеенчатой обложке. Но каждого, кто откроет эту тетрадь, без сомнения, поразит штамп шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Заглавие рукописи написано карандашом, круглым четким почерком: «Материалы для V тома „Словаря живого великорусского языка“ В. Даля». Имя автора — Владимир Лихтенштадт, его «адрес» — Шлиссельбург, I корпус, 2-я камера... Год появления тетради — 1911...

Когда за приговоренным к смертной казни Владимиром Лихтенштадтом опустились тяжелые ворота Трубецкого бастиона, ему не исполнилось еще двадцати пяти лет. Когда октябрьским днем 1919 года бело-

гвардейцы расстреляли у селения Кипень бесстрашного комиссара 6-й стрелковой дивизии большевика Владимира Осиповича Мазина (Лихтенштадта), ему было всего тридцать семь...

Сын известной переводчицы, студент философского факультета Лейпцигского университета Владимир Лихтенштадт был одним из тех, кто готовил в 1906 году покушение на царского министра Столыпина.

Более полугода просидел Владимир в страшных казематах Петропавловской крепости. По приговору военно-полевого суда были повешены товарищи Владимира по делу о покушении на Столыпина. Сам он со дня на день ожидал смертного приговора, не только не пытаясь использовать обширные связи своих родных, но отказавшись даже от защитника.

В. Лихтенштадт не имел оснований сомневаться в приговоре. Но его кипучая деятельная натура оказалась сильнее страха смерти: в эти страшные дни он без устали работает над переводом книги немецкого философа, работает лихорадочно, боясь не успеть, без отдыха, без сна... Романтик и жизнелюб, он не верит в то, что жизнь для него кончилась. «Везде жизнь, всегда жизнь. И разве здесь смерть? Но послушай, только послушай! — обращается он к жене из могильного мрака тюрьмы. — Где-то падают капли воды, откуда-то доносятся глухие шаги, вот хлопнула дверь, голубь заворковал у окна... Разве это не жизнь? И часы размереп-

ным меланхолическим боем напоминают, что есть еще время: четверть часа, и еще четверть часа, еще, и еще...».

Его приговорили к смертной казни через повешение. Позднее казнь была заменена бессрочной каторгой. И в 1908 году Владимира Лихтенштадта переводят в «государеву темницу» — Шлиссельбургскую крепость.

Как это ни парадоксально, но перевод в Шлиссельбург вернул Лихтенштадту ни с чем не сравнимую радость общения с людьми. Вновь можно читать, размышлять, спорить! Товарищи по заключению с удивительной теплотой вспоминают об этом человеке. Он был не только обаятельный собеседник, но и прекрасный товарищ. В Шлиссельбургском центре Лихтенштадт был популярнейшим человеком. Стройный, с слегка вьющимися волосами, он обладал мягкими манерами, большой выдержкой и все взвешивающим тактом. Сквозившая во всем его поведении дисциплина говорила об умении руководить своими мыслями и поступками.

Успеть как можно больше — вот к чему стремится Владимир в эти годы. «Его многогранный ум, — вспоминает участник Севастопольского восстания на крейсере „Очаков“ П. И. Вороницын, — не останавливался на какой-нибудь одной области. То он интересуется новейшими течениями в физике, то изучает испанский язык, чтобы в подлиннике прочесть новейшие произведения испанской литературы. Его лингвистические познания были огромны. Кроме трех главных европейских языков, в тюрьме он изучает итальянский, испанский и датский. Он в совершенстве знал латинский и греческий».

Постоянным интересом Лихтенштадта к языку объясняется и появление тетради с дополнениями к Словарю В. И. Даля.

После волнений в декабре 1911 года тюремное начальство перевело Владимира в I корпус, так называемый «зверинец», где сидели почти исключительно уголовники. Такой перевод был одним из средств официально узаконенной расправы с политическими заключенными: нередко уголовники убивали политических. Однако у Лихтенштадта сложились с ними хорошие отношения. «Бесконечно скромный и требовательный к себе, он умел, — по свидетельству одного из заключенных, — в каждом уголовнике

В. О. Лихтенштадт
(снимок 1918—1919 годов)

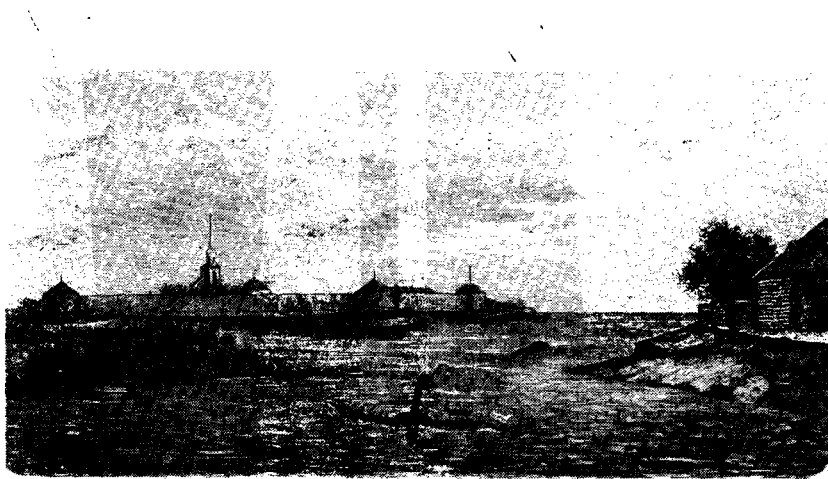
находить клеточку человечности, лишь загрязненную благодаря несчастному стечению обстоятельств». Лихтенштадт учит их грамоте, письму, арифметике. В то же время, руководствуясь Словарем Даля, он собирает от них слова разных губерний России, вносит в тетрадь и собственные наблюдения из области лексики.

Опережая русские словари, он записывает целый ряд новых для того времени слов. Так появляется в его тетради привычное теперь слово *летчик*: напомним, что современники Лихтенштадта говорили *авиатор*. Слово *летчик* едва-едва начинало входить в русский язык, появлялось на страницах газет, журналов, наконец, его (одновременно с Лихтенштадтом) отметила «Русская энциклопедия». Лихтенштадт записывает и недавнее приобретение русского языка — *небоскреб* с определением: «высокое здание в Америке». Здесь же встречаем мы и общеизвестное теперь слово *прикурить*; автор рукописи справедливо указывает на происхождение этого глагола из русских диалектов. Заметим, что все эти слова были введены в словарь русского литературного языка лишь в 1938 году Д. Н. Ушаковым.

Наблюдая различные употребления одного и того же слова, Лихтенштадт стремится уточнить определения, даваемые Словарем Даля. Так, не соглашаясь с тем толкованием, которое дается прилагательному *богомерзкий*, он пишет: «Очень мерзкий, а не только богопротивный, нечестивый», — и приводит в подтверждение цитату из И. С. Тургенева: «богомерзкий город».

Лихтенштадт обнаруживает тонкое чувство стиля. Например, рекомендуя включить в словарь русского языка французский глагол *вожжировать*, он объясняет это тем, что «подобные слова... выражают особый оттенок понятия»: если однозначный с приведенным глагол *путешествовать* стилистически нейтрален, то *вожжировать* имеет у Лихтенштадта помету «ироническое».

Большое внимание в рукописи уделяется диалектной лексике. При этом, отталкиваясь от материалов Словаря Даля, Лихтенштадт существенным образом исправляет и дополняет их. Приводя глагол *чепырнуть*, известный в Псковской и Новгородской губерниях и отмеченный Далем со значением «бросить», он замечает, что в этих губерниях далевское значение неизвестно: здесь *чепырнуть* означает «ударить». Новгородское и псковское *перebaчить* определено у Даля как «хватить через край», «пересолить», Лихтенштадт уточняет: «В чем угодно, а не только относительно щей, как у Даля». Таких поправок в рукописи довольно много: у Даля «хряпать» — «жевать с треском», у Лихтенштадта — просто «есть»; петербургское и новгородское *кубач* означает «пук соломы», «а не сноп, как у Даля»; соглашаясь с определением слова *уключина* (южное *укрючина*), Лихтенштадт предлагает свое определение «железное полукольцо со стержнем, вставляемое в борт лодки для весла», — и добавляет при этом: «У Даля более примитивная уклучина. Объяснение его верно, но надо прибавить и приведенное; в Петербурге почти сплошь такие уклучины».

Шлиссельбург.

Из собрания Государственного Исторического музея.

Часто встречаются в рукописи слова, имеющие иную форму, чем в Словаре Даля. Таковы, например, новгородское *лѹбка* 'лоток для катания яиц' (у Даля *лѹбѹк*), новгородское *дедовняк* 'чертополох' (у Даля *дедѹвник*), и так далее.

Большое внимание обращает автор рукописи и на произносительную сторону: записав слово *флягѹза* 'туман с морозящим дождем, слякоть', Лихтенштадт помещает рядом то же слово, но в иной огласовке: «хлягѹза?» — сопроводив его вопросом и замечанием: «Слышал от бродяги, происхождение неизвестно, *ф* и *х* у него сливаются». Есть среди слов, записанных Лихтенштадтом, прилагательное *сгѹлый*, известное в Псковской губернии в значении 'высокий, стройный' (о лесе). Не зная этимологии этого слова, чрезвычайно трудно определить, относится ли *с-* к корню или это приставка. Но обратимся к рукописи: «Произносится, конечно, *згалый*, пишу *с*, так как есть и *подгалый*». Псковское *истѹпка* 'подполье, подызбица' Лихтенштадт пишет с *-п-* в корне слова, несмотря на известное ему без сомнения древнерусское *истобѹка* 'изба'. Причины этого ясны из замечания: «Может быть, *истѹбка*; однако, родительный множественного произносится *истѹпок*».

Нужно ли говорить, как ценны для лингвиста подобные комментарии!

Интересны и грамматические особенности диалектной лексики, отмечаемые Лихтенштадтом. Так, записав новгородское название вязанки сена *тукѹч*, он замечает, что в этом слове род колеблется: в единственном числе мужской, а во множественном говорят и «две тукачи». При слове *збнѹкий* 'быстроходный, легкий на ходу' Лихтенштадт указывает: «Сам я встречал только сравнительную степень: эта лодка будет гончее». Слово *клуб* (в Новгородской губернии 'кочан капусты') снабжено в «Материалах» формой множест-

венного числа: клубья. А ведь, не имея подобных указаний, легко ошибиться и восстановить диалектную форму множественного числа по образцу литературного языка: клубы!

Внимательный наблюдатель, Лихтенштадт, по-видимому, уловил и ту черту, которая свойственна в некоторых говорах глаголам с частицей *-ся*: их переходность, способность иметь при себе прямое дополнение. Вряд ли случайно определил он новгородский глагол *праться* как 'стирать (белье)'.

Большую ценность представляют замечания о географической широте распространения слов. *Холка*, например, лишь в Архангельской губернии и в Череповецком уезде Новгородской губернии имеет значение 'зад, ляжка (всякого животного)'. В других уездах Новгородской губернии, по свидетельству Лихтенштадта, это слово известно в общерусском значении 'часть шеи лошади'. Описывая так называемый *резец* — особого рода земледельческое орудие, Лихтенштадт отмечает: «Сохранилось в Псковской губернии; в Новгородской почти вытеснено плугом».

С удивительной чуткостью уловил он тенденцию перехода многих слов из диалектов в русский литературный язык. Едва ли не первым отметил общерусский характер слова *подхалим* — слова, которое еще в Словаре Даля имело пометы «тверское, костромское, пермское». Как общерусское характеризует Лихтенштадт и слово *колун*, руководствуясь при этом широким распространением слова в разных губерниях России (а не только в Московской губернии, как это было у Даля): «Это повсеместное обозначение орудия для колки дров, не смешиваемое с топором». Напомним, что именно так рассматривают этот недавний диалектизм современные словари русского литературного языка. Как общерусский определяет Лихтенштадт и глагол *расфубыриться*, пришедший в просторечный слой из диалектов.

С пристальным вниманием относился он и к тем диалектизмам, которые встречал в языке художественной литературы. Такие слова Лихтенштадт, указывая автора, сопровождал пометой «народное». Сюда относятся: кривошлыка — 'свекровушка лихая и неприветливая' (Гоголь), патребэсить — 'наклеветать' (Григорьевич), наязычить — 'насплетничать' (Лесков), околузывать — 'обирать', воловóдиться — 'канительиться', гармóнить — 'играть на гармонии' (Л. Толстой), горлопята — 'то, что с трудом лезет в горло' («У Салтыкова-Щедрина, — пишет Лихтенштадт, — про пиро́г»), мохóвка — 'ягода' (Чехов), пáзори — 'северное сияние' (Мельников-Печерский) и многие другие.

Во всех случаях, когда что-нибудь вызывает сомнение автора рукописи — идет ли речь об ударении или грамматической форме слова, его значении или географическом распространении, Лихтенштадт всегда очень осторожен, ничего не домысливает, не придумывает.

Лихтенштадт приводит также большое количество просторечных слов, иные из которых в наши дни весьма активно использу-

ются в различных жаргонах. По записям его можно судить об истоках этого слоя лексики. Так, *врѣзать* (кому-либо) пришло, очевидно, из диалектов: слово это в Новгородской и Тверской губерниях означало 'ударить'. С тем же значением известен в диалектах глагол *залимбонить*. На страницах рукописи читатель найдет и современное словечко *филоби*. По свидетельству Лихтенштадта, слово это было известно в Петербургской губернии в значении 'хитрый человек'.

Что касается «тюремных», «воровских» слов, то Лихтенштадт отобрал лишь те из них, которые получили широкое распространение. «Только ли тюремное?» — спрашивает он, записывая такие слова, как *засыпать* 'провалить (дело, человека)', *трепаться* 'болтать глупости, неправду, болтать зря', а также существительные *трепач* и *трепоб*, *заливать* 'привирать, выдумывать', общеизвестное в наши дни выражение *взять на пушку* 'обмануть кого-нибудь ложным слухом' и многие другие.

Исследовательский подход к языку, умелая интерпретация языковых фактов, точность определений, острота наблюдений, внимание и научная осторожность наряду с богатством представленного материала — все это определяет несомненную филологическую ценность рукописи В. О. Лихтенштадта.

В 1922 году, спустя три года после гибели сына, Марина Львовна Лихтенштадт передала эту рукопись в Академию наук СССР.

Читатель, без сомнения, заинтересуется судьбой этого удивительного человека. К сожалению, многое уже забыто, мало осталось людей, знавших Лихтенштадта, утрачены его архивы.

Может быть, кому-то из читателей известно, где находятся письма В. О. Лихтенштадта к жене и матери, его шлиссельбургские тетради? Их должно быть около двадцати, подобных той, о которой мы рассказали. Знает ли кто-нибудь, где его дневники последних лет жизни?

За годы, проведенные в Шлиссельбургской крепости, В. О. Лихтенштадт стал глубоким и последовательным марксистом. В этом он многим обязан своим товарищам по заключению: морякам с мятежного крейсера «Очаков», участникам восстания саперов, профессиональным революционерам — таким, как соратник В. И. Ленина Серго Орджоникидзе.

В 1913—1914 годах Владимир Лихтенштадт увлеченно работает над книгой о Гете, исследуя естественно-научные концепции «великого старца», пути формирования его материалистического мировоззрения. Книга эта вышла в 1920 году под грифом Социалистической Академии. В Шлиссельбурге Лихтенштадт вынашивает замысел своей книги о большевиках.

Он был «главным библиотекарем» тюремной библиотеки, которая в 1917 году насчитывала более 10 тысяч томов — библиотеки, обязанной своим появлением энергии Лихтенштадта и активной помощи его матери. Именно через эту библиотеку попадали в крепость книги К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, скрывавшиеся, например, под безобидной обложкой библии. В ту пору Лихтен-

штадт занимается историей, философией, переводами. По его инициативе организуется тюремное садоводство.

В 1917 году, выйдя из заключения, Владимир Лихтенштадт вступил в партию большевиков. На первых порах он заведует детской колонией, затем становится секретарем издательства «Коммунистический интернационал».

Белогвардейские банды Юденича угрожали родному городу. И Лихтенштадт, человек глубоко штатский, начинает лихорадочно обучаться военному делу... В ту пору ему предложили стать членом первой в мире социалистической Академии наук. «Это было бы исполнением моей заветной мечты, — ответил Владимир Осипович. — Но теперь это для меня невозможно: жизнь мобилизовала меня, и я должен все силы отдать советской и партийной работе». Он считает, что его место — на фронте. «Под Гатчиной идет жестокий бой, а тут корректуры, переводы... Какая чушь, какая чушь!.. Я большевик душой и телом, большевик до могилы. И хочу и могу поэтому не только умереть за большевизм, но жить для него, жить и бороться... Многого хочется, но некогда даже записывать, некогда думать и мечтать. В последнюю минуту, буду надеяться, и мне попадет в руки винтовка».

Лихтенштадт ушел на фронт добровольцем, не успев многого сделать, не осуществив своей мечты написать книгу о Герцене... Судьба забросила его на Ямбургский фронт в один из самых острых моментов, когда особенно реальной стала угроза Красному Питеру. Лихтенштадт становится комиссаром 6-й стрелковой дивизии.

За пять дней до гибели он был одним из первых награжден орденом Красного Знамени за беспримерное мужество в боях.

Потом был бой у селения Кипень. Здесь, у реки Стрелка, комиссар Мазин (Лихтенштадт) с горсткой бойцов принял на себя удар противника, прикрывая отступление наших частей. Задача была выполнена, но белым удалось схватить отважного комиссара.

Вспоминая своего товарища по заключению, И. П. Вороницын писал позднее: «В его лице погибла огромная научная сила, светлый ум, соединенный со страстным темпераментом».

...Не много имен высечено на гранитных плитах Марсова поля. Это имена тех, кто отдал жизнь свою во имя будущего. Вечный огонь их бессмертных сердец пробивается сквозь годы. Среди тех имен, которым приходят поклониться благодарные потомки, навечно запечатлено имя скромного и прекрасного человека, всю жизнь свою отдавшего людям, — Владимира Осиповича Лихтенштадта.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ
Ленинград

КУРАНТЫ XVII ВЕКА

Многие ученые сомневались, возможно ли считать «куранты» XVII века ранней формой газеты: они не были массовыми, регулярными и т. п. И все-таки едва ли эти возражения следует признать правомерными: ведь одну из важнейших функций прессы — передавать военные, хозяйственные и политические новости — «куранты», конечно, выполняли. В начальный период своего существования газета, естественно, не могла быть такой, какой мы знаем ее сейчас. Существенно изменились ее задачи и цели, беспредельно расширился круг читателей. Именно «куранты» послужили началом развития в России периодической печати.

В XVII веке русское правительство, осуществляя международные связи, стремилось использовать разные источники для получения сведений. Воеводы пограничных городов Новгорода, Пскова, Астрахани и др. исполняли строгий наказ разведывать и сообщать в отписках о разных событиях в порубежных областях, писать, «в которых местах ратные люди стоят, кто у них начальные люди и в какое время и куда поход их чаять». В воеводских отписках сообщалось о приезде чужестранцев на русский рубеж, о вестях и слухах, об обмене пленными, о посылке людей для разведывания вестей и т. п.

Посланники, отправлявшиеся в зарубежные страны, должны были замечать все, что видели и слышали, излагать содержание бесед, а также привозить тамошние вести. К отчету-дневнику о поездке (статейному списку) прилагались обычно и переводы иностранных вестей. С «прошением о милостине» и вместе с тем с донесениями «о тамошних поведениях» приезжали и представители духовенства.

Наиболее разностороннюю информацию при дворе извлекали из иностранных газет, получение которых к 1631 году в Посольском приказе стало уже регулярным.

Сведения о разных событиях иноземной жизни, а также самые газеты поступали и от корреспондентов. Специальные, а не случайные люди чаще всего доставляли нужную информацию в Посольский приказ. Это были иноземные торговцы, приезжавшие в Россию по своим делам, посланники иностранных государств, жившие какое-то время в Москве. В 1665 году был заключен контракт Московского правительства с Иваном фон-

Сведеном о привозе вестовых листов и грамот из разных государств за 500 рублей, выдаваемых на подводы от Москвы до Риги, и 500 соболей. Корреспондентами, доставлявшими материалы в Московское государство с начала XVII века до 40-х годов, были Мельхер Бекман, Исак Масса, Юрий Клинк, Давыд Миколаев, Юстус Филимонатус и др.

Стокгольмский торговый немчин Мельхер Бекман в 1631—1632 годах обязался присылать сведения из Свей (Швеции), Польши, Кракова, Гданска, так как ему в этих местах «все добре знакомо». Голландец торговый человек Юрий Клинк в 1627 году передал в Посольский приказ вестовые листы, где сообщалось о том, что «деелося в Цесаревой области и в Итальянской земле, в нынешнем в 135 году» (вести из Рима, Венеции, Вены и других городов). Подавали вестовые листы и Давыд Миколаев, и шведский резидент в Москве Петр Крузбиорн. Исак Масса, служивший в 1625—1628 годах при дворе Михаила Федоровича, передал вестовые тетради, в которых сообщалось, что делается «меж королем французским и королем аглинским». В одной из своих грамоток И. Масса пишет о своей готовности ехать во Французскую, в Английскую, в Датскую или Шведскую земли для государевых дел, так как, пишет он, «во всех тех землях у меня есть друзи добрые и могу проведать и добыть что надобно».

В письме 20 апреля 1627 года И. Масса обращается к воеводам и дьякам, которые должны тотчас, как получают его грамотки, пересылать их с нарочным гонцом И. Т. Грамотину, начальнику Посольского приказа, «не задержав», потому что «царскому величеству се грамоты годны». Посылает И. Масса некоторые из своих писем через голландского торгового человека своего родственника Якова Андреева, приехавшего в Архангельский город по своим делам.

Обширные материалы в 1642—1644 годах присылал корреспондент Юстус Филимонатус. Вестовые листы, печатные «тетради» и письма самого Юстуса Филимонатуса из Риги и Юрьева Ливонского давали важные сведения для русского царя: о начавшейся в Европе войне, о приезде в Гданск датского королевича Вольдемара на пути в Московское государство для сватовства к царевне Ирине, о его торжественной встрече в Польше, о гибели его имущества-«рухляди» вследствие кораблекрушения, об отношении к этому сватовству в Свее (Швеции) и других государствах и т. д.

Ю. Филимонатус просил прислать к нему надежного человека, так как с вестовыми листами ездит в Псков его кучер, но в этом случае ему трудно посылать еженедельные вести, нужны два человека, чтобы один ехал из Риги в Псков, а другой из Пскова в Ригу. В Пскове был человек — князь Лев Александрович Шляковской, отправлявший корреспонденцию дальше к Москве. Грамотки Ю. Филимонатуса попадали и к переводчику Матвею Вейгеру, жившему в Пскове. И здесь Ю. Филимонатус

просит пересылать его письма незамедлительно в Москву, иногда же просит задерживать письма, приходящие на его имя. В одном из писем он пишет, чтобы прислали для встречи с ним в Псков надежного человека, чтобы поговорить с ним «изустно о государственном деле», так как проезд гонцам в Ливонской земле стал, по его словам, «страховит».

Вести доставлялись также и неизвестными, а может быть, случайными корреспондентами, которых называли обычно «доброю человеком»: «...доброю человек писал что на последнем соиме Статьи вместе были и он де гораздо проводывал и денег не щадил однако проведати не мог что у них на соиме уложено»; «...на семь часу ко мне доброю человек из Магдебурха пришел и тот сказывает...». Некоторые переводы «вестей», неизвестно кем доставленные, имели указание — «перевод с вестей... а от кого прислано не означено».

Развитие почтовой службы в Московском государстве содействовало регулярности получения информации. Так, в 1668 году через Рижскую и Виленскую почты «вести» приходят систематически «в неделю а иные и в 10 дней».

В Посольском приказе были люди, которые приводили в порядок всю эту огромную информацию, составляли столбцы, удобные для чтения (столбцами называли удлиненные листы бумаги, предназначенные для письма). Уже во второй половине XVII века столбцы с «вестями» именовались «курантами». Так от 1680 года встречаем запись: «Таковы же куранты отнес к боярину, к князю Якову Никитичу Одоевскому на двор дьяк Василий Бобинин, а назад их не принашивал, а сил вклеены впредь для ведома, для того что к великому государю в троецкий поход посыланы». Г. Волков, бывший секретарем при французском дворе в 1711 году, упоминает в одном из своих писем о французском курантельщике, который не допускал в печать «добрые ведомости об нас». Он пишет: «...небезприбыточно бы было курантельщика чем-нибудь приласкать, дабы хотя принимал добрые об нас ведомости и в печать посылал». Несомненно, такие «курантельщики» (редактор, правщик, переводчик и т. д.) были и в Московском государстве уже в начале XVII века.

Круг событий, о которых писали в курантах, был очень широк. Самое большое место занимает описание военных действий: из разных городов и земель сообщаются вести о битвах, походах и ратных приготовлениях, приводятся вести с сеймов, земских собраний, речи, клятвы, статьи договоров и т. п.

Писали в курантах и о корабельных караванах, идущих с товарами в разные страны, о морских разбойниках, нападающих на них в пути, иногда приводили описи клади (товаров) кораблей (1628).

Сообщалось о различных явлениях природы, пророчествах и чудесах. Например, в курантах 1664 года рассказывается о «градовой шкоде» (потерях от выпавшего града): «...здесь в столице

французской был град такой большой как курячья яйца, и много гораздо шкоды учинило, на полмили около кровли полатные и виноград и хлеб — все попортило, и лежал этот град четыре часа, и выпало граду в ступень вышиною...».

Содержание русских курантов на первых порах чаще всего ограничивалось переводами «вестей» из иностранных газет, немецких, голландских и др. Не составляли исключения и известия о том, что происходило в русской земле. Сведения о Москве в такой передаче представляли особый интерес: необходимо было знать, что говорят и пишут за рубежом о Московском государстве. Часто эти сообщения шли из Польши. В 1665 году в известиях из московских порубежных мест говорилось, что в Астрахани от торговли с Персидой «малая прибыль чинится», так как на Волге еще «тамо сущей бунтовщик держит Астраханское царство в крепком владении». Речь идет о казацких волнениях на Волге, предшествовавших восстанию Степана Разина.

Были сведения и о московских послах — их скором приезде, о приготовлениях к их приезду: «в Ригу дожидаются московских послов, запасаются многим запасом», вести о жизни послов в Стокгольме и др.

Вести для курантов переводились не в одной Москве. Часто материалы уже в готовых переводах присылали из Пскова, Новгорода, Вильны, Риги и других городов. Например в курантах 1643 года сказано: «переводы черные присланы из Пскова». Черновые листы правились и переписывались.

Подьячие и дьяки Посольского приказа, люди для того времени очень образованные, занимались, помимо делопроизводства, переписыванием целых сочинений для поднесения царю. Переписывали они и куранты.

Некоторые дьяки-курантельщики, судя по правке черновых листов, выполняли редакторскую работу. Многие пометы и поправки, сделанные другим, очень беглым почерком, свидетельствуют о том, что правщик-редактор строго следил за логикой изложения, смыслом перевода.

Составление курантов уже с середины XVII века было хорошо поставленным делом.

Сложилась приема составления курантов. Переводчик, учитывая интересы читателя, стремился с первых же строк дать наиболее полную информацию, ввести читателя и слушающего (куранты обычно читали вслух: «государю чтено», «государю чтено и бояром» — встречаем в пометах) в круг событий, о которых он дальше рассказывает. Переводы озаглавливали тщательно и пространно: «перевод с вѣстовой немецкой тетради что дѣялося во Устреи і в Польше і в Шлежи і в Францовской і в Голанской і в Аглецкой і в Ыталянской и в Угорской земле и в њних местях нѣшней 1620 году по руски 128 году. Дѣялося в Чехох ѳевраля с перваг числа». После этого он сообщал вести из разных мест — из Вены, Праги, из Бреславля, Франкфурта, Гааги,

«ис Колена, из Ышпанѣи», Венеции, из «Аглинские земли» и др. Но если случайно вдруг он забывал снабдить свою работу подобного рода «аннотацией», правщик-редактор делал исправление: пропущенный заголовок вписывался. Редактор мог перемещать заголовок с одного места на другое, туда, где его действительно не хватало. Переводчик сам (или правщик) отмечали абзацы, оставляя значительные пробелы между строками и между словами в строке сплошь написанного скорописного текста.

Если в состав курантов включались грамотки (или письма), переводчик готовил подборку под общим заглавием: «Перевод с посылной грамотки что писалъ ко князю Лъву Александровичю Шляковскому Юстус Филимонатус в ннешнем 152 м (1643) году октября в 10 дн». Далее следовали цифровые обозначения грамоток: А¹¹грамотка, В²¹грамотка, Г³¹грамотка, Д⁴¹грамотка. В изложении переводчика обозначалась и подпись: «а внизу написано Лаврентийус Хрел», или: «а внизу у грамотки приписано: подданѣишии слуга, Юстус Филимонатус», то есть имя того, кто прислал письмо.

Правщик-редактор придавал большое значение расположению материала в столбцах курантов. Хорошо расположенный, четко разделенный на смысловые отрезки текст воспринимался легче, он был более понятен. Поэтому в изложении вестей встречаем пометы, сделанные другим почерком: «отставъ», что должно означать — при переписывании поместить текст на некотором расстоянии, с абзаца. Иногда помета варьировалась: «отставъ под строку». В чистовике это указание редактора выполнялось следующим образом: между вестями оставлялось место размером в строку.

Редактор отбирал тексты, следил за работой переписчика и, вычеркивая строчки, отмечал: «переписан» (текст, лист), «переписано». Иногда замечал: «переписаны Борисово особно», то есть, по-видимому, для каких-то особых целей, отдельно; или пояснял: «была статья», то есть еще раз переписывать текст не надо.

Редактор распоряжался — «писать», несмотря на то, что текст перечеркнут. Или писал: «переписывать к прежнему тотчсъ», «переписать тотчсъ к прежнимъ к трем статьям» (Куранты 1627 года) и т. д.

Курантельщики, вероятно, следили и за тем, чтобы после прочтения тексты присоединялись к тем материалам, которые составляли куранты: «гсдрю и свтеишему патриарху чтена, вклеить в столпъ»; «чтена, в столпъ» (речь идет о грамотках).

Редактор-правщик следил за орфографией, правильностью изложения. Сравнение черновых и беловых вариантов текста раскрывает любопытную картину того, что считалось правильным, соответствовало нормам делового приказного языка. При известной свободе в скорописи прописных вариантов наблюдаем замену *а* на *о* в предударном слоге: *ани* исправляется на *они*,

опягь — на *опять* и др.; большую правку претерпевают слова с написаниями через *ѣ* — *е* (редко — *и*); изменяются падежные формы управляемых слов: *желаем... гсдну доброе пребыванье* — на *желаем... гсдну доброго пребыванья* (винительный падеж на родительный), формы падежа прилагательных в сочетаниях с числительным, когда в сказуемом делается акцент на субъект высказывания: «пришло Г^[3] послы католицких и свицерских» заменяется на «пришли Г^[3] послы католицкие и свицерские»; меняется членение фраз: «вышка обвалилас и семънатцать члвкъ прибила» — на «вышка обвалилас и семнатцать члвкъ прибило» и др.

Интересны лексические замены: *число* заменяется на *де* (день), *городов* пишется над зачеркнутым полонизмом *мѣст*, вместо *наимовают* в чистовом варианте пишут *нанимают*, выражение *мѣсто где смотрѣ бываает* исправляется на *мѣсто смотреное* и т. д.

В курантах нашли отражение многие характерные черты языка XVII века, например смешение окончаний разных основ склонения существительных: наряду со старыми формами творительного множественного *со многими дворы* встречается менее употребительная в то время форма на *-ами* — *дворами*; рядом со старыми формами дательного падежа множественного числа *указать послом* употребляется более поздняя, современная форма *послам* и др. Языку курантов присущи черты, характерные для памятника переводного и вместе с тем памятника публицистического жанра (некоторые структуры предложений, словосочетаний, случаи словоупотребления и др.). Куранты дают обширный материал для изучения личных имен и географических названий, названий лиц по национальным и другим признакам, различных способов выражения принадлежности и др. Изучение языка курантов позволяет глубже и разностороннее представить общее развитие русского литературного языка.

А. И. СУМКИНА,
Н. И. ТАРАБАСОВА

В настоящее время в секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР подготовлена публикация «Курантов» за 1620—1639 годы. Изданы три тома частной переписки XVII—начала XVIII века (С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Из фонда А. И. Безобразова. М., 1965; Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969), книга «Московская деловая и бытовая письменность XVII века». (М., 1968), а также древнейшие русские памятники «Изборник 1076 года» (М., 1965) и «Синайский патерик» (М., 1967). В печати находится важный памятник XII века — Успенский сборник.

КРАСНЫЙ

...есть у цвета голос,
И есть у голоса свой цвет.

И. Савельев. Красный цвет

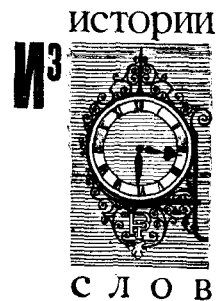
В старину на Руси праздничный колокольный звон называли красным звоном. В пору возникновения этого выражения прилагательное *красный* имело значения 'красивый', 'праздничный': красная девица, красное крыльцо, красные ворота, красные одежды (праздничные, нарядные), красный двор, Красная горка, Красный городец, Красное село, Красная площадь. Одни из этих сочетаний сохранились в языке лишь как напоминание о далеком прошлом (красный звон), другие существуют как собственные имена (Красная площадь, Красные ворота, Красносельское).

Впоследствии слово *красный* стало в русском языке названием цвета (об этом изменении значения см. в статье Е. М. Иссерлин «История слова *красный*». — «Русский язык в школе», 1951, № 3).

Возникшее позже цветовое значение прилагательного *красный* настолько сильнее старого стирающегося 'праздничный, красивый', что часто представляется единственно возможным. Вспомним повесть В. Г. Короленко «Слепой музыкант». «Что означает выражение *красный звон*?» — спрашивает слепой Петр. — Максим задумался. Как объяснить? На помощь приходят цветовые ассоциации. Красный цвет — цвет крови. «Кровь красная. Именно — красная и горячая. И вот, красный цвет, как и „красные“ звуки, оставляет в нашей душе свет, возбуждение и представления о страсти, которую так и называют „горячую“, кипучую, жаркую... Народные массы во времена мятежей ищут выражения общего чувства в красном знамени, которое развевается над ними, как пламя...».

Новое значение прилагательного *красный* — 'революционный' распространилось, как известно, в Западной Европе после 1848 года под несомненным влиянием французского языка. Утвердилось оно тогда в выражении *красное знамя*: французское *drapeau rouge* (A. Hatzfeld, A. Darmesteter, A. Thomas. Dictionnaire général de la langue française. T. 2. Paris, 1900).

Со времени революции 1848 года во Франции красное знамя стало символом революции (Е. Гиппиус, П. Ширяева. Из истории песни «Красное знамя». — «Советская музыка», 1965, № 11; С. А. Рейсер. Красный флаг в России. — Сб. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры». М. — Л., 1966).

Полагают, что в русском языке новое значение слова *красный* появилось как смысловая калька с французского слова в 60-х годах XIX века (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90 годы XIX века. М.—Л., 1965). Но слово *красный* как символ свободолюбия, революционности, протеста употреблялось и раньше. В этом легко убедиться, обратившись к произведениям Пушкина: «Оставьте красный мне колпак, Пока его за прегрешенья не променял я на шишак» (1817); «Не в моде нынче красный цвет» (1828).

Во времена И. С. Тургенева прилагательное *красный* значило 'революционный, якобинский'. Так, в романе «Рудин» (1856) герой гибнет на баррикадах 26 июня 1848 года с красным знаменем в руках. А в романе «Новь» (1876) мы уже встречаемся с чисто русским осмыслением слова *красный* как 'революционный, неблагонадежный': «— Чует мой нос, — уверял Калломейцев, — чует, что это красный. Я, еще в бытность мою чиновником по особым поручениям у московского генерал-губернатора... наострился на этих господ — на красных».

Новое переносное значение *красный* 'революционный' появилось в то время довольно широко: 'протестующий против существующей несправедливости, революционный вообще'. Это позволило А. И. Герцену в 1863 году в воспоминаниях о славных годах молодости построить яркую метафору на основе фразеологического сочетания *белый свет*: «Смело и с полным сознанием скажу еще раз про наше товарищество того времени, что это была удивительная молодежь, что такого круга людей талантливых, чистых, развитых, умных и преданных я не встречал, а скитался довольно по белому и по красному свету» (Былое и думы).

Такое разложение фразеологизма, конечно, было возможно только при достаточном распространении значения *красный* — 'революционный'. Все более развивается символика цветов, связанная с политическими направлениями. А. Виноградов в историческом романе «Три цвета времени», описывая Италию середины XIX века, прибегает к терминологии, сформировавшейся уже в ту эпоху: «Цвет времени меняется, преобладает черная краска. Неужели и здесь, как и во Франции, белый бурбонский цвет, сменившийся ярким красным праздником революции, перейдет в черный цвет, и церковный мрак — в реакционную злобу коронованных животных?».

К началу XX века переносное значение слова *красный* несколько суживается. Выкристаллизовывается значение 'революционный, коммунистический'. Красный цвет — это уже широко известный символ революционно-коммунистических идей. Вот, например, верноподданническое сообщение о благотворительных концертах в пользу стачечного фонда рабочих: «Среди концертов все чаще и чаще встречаются благотворительные в пользу амнистированных и пострадавших от забастовок... Оставляя в стороне эти неинтересные „красные“ концерты, обратимся к очередным „белым“». Одним

из таких *красных* концертов был знаменитый концерт, организованный Н. А. Римским-Корсаковым 4 декабря 1905 года. Именно его имела в виду «Русская музыкальная газета», помещая цитированную публикацию в номере от 18—25 декабря 1905 года.

Программа этого концерта была напечатана на ярко-красной бумаге, на обложке был изображен рабочий, подбрасывающий уголь в пылающую печь. Цвет бумаги, конечно, не был случайным.

Расскажем еще один примечательный эпизод той эпохи, показывающий, как велико было тогда символическое значение красного цвета. Царь Николай II осматривал императорский фарфоровый завод: «Заглянули в скульптурное отделение, а навстречу молодая художница в новом ярко-красном халате... Хватаясь за сердце, директор поспешил к себе в кабинет. В другое время выгнал бы он эту скульпторшу Наталью Данько с завода. Чтоб не повадно было революцией заниматься. А сейчас...» (Овсянников. Скульптор в красном халате).

Слово *красный* в значении ‘революционный’ входит в разные языки мира. В русском оно постепенно получает целый ряд новых степеней значения — ‘свободомыслящий, революционный, коммунистический, большевистский, советский, революционный-марксистский’. Эти новые оттенки прежде всего связаны с сочетаниями *красный флаг, красное знамя*.

Вот что писал в 1918 году о красном знамени К. А. Тимирязев: «Единство может символизировать только одноцветное знамя — конечно, не белое (Бурбонов или Гогенцоллернов) или желтое (Габсбургов или Романовых) — символы единения под ярмом одного деспота. Остается одно красное знамя — знамя единой демократии всего мира, знамя единой армии труда» (Красное знамя. Притча ученого).

За прилагательным *красный* настолько закрепляется новое значение, что и цветное определение *красный* одновременно воспринимается как ‘революционный’. Так, красная гвоздика в предоктябрьские годы стала эмблемой пролетарского движения. Гвоздика адела в петлицах революционно настроенной молодежи, у демонстрантов. Гвоздику продавали, а деньги шли в общественную кассу подпольного комитета. Вот почему на суперобложке первого тома «Истории КПСС» изображена красная гвоздика.

В «Словаре современного русского литературного языка» сочетание *красный флаг*, хотя и выделено как устойчивое, все же отнесено к чисто цветовому ряду: красный кушак, красная роза, красный от стыда. Но *красный* в сочетании *красный флаг* стоит на грани двух значений: ‘красный по цвету’ и ‘революционный, советский’. Поэтому это сочетание ближе к ряду *красный воин, красная Москва, Красная армия*, чем к ряду *красная роза, красный кушак* (с чисто цветовыми определениями).

После Октябрьской революции 1917 года в слове *красный* выдвигаются значения ‘коммунистический, большевистский, советский’. Ср., например, несколько строк, обращенных к кинорежиссе-

ру Стенли Крамеру, создателю фильма о суде над фашистскими судьями: «В фильме нет глубокой правды о позиции *большевизма*... Бояться ли миру — тому миру, который и представляет, и защищает Крамер, — бояться ли ему *красных* сегодня? Ведь боязнь эта так губительна была в борьбе с фашизмом в тридцатых годах» («Литературная газета», 13 января 1966).

Красный становится в ряде случаев синонимом слова *советский*. В далеком Вьетнаме 1 мая 1930 года деревня Хын-Зун подняла красный флаг с серпом и молотом и провозгласила власть Советов. В память этих нескольких героических часов возникло название Красная деревня. До сих пор деревню Хын-Зун называют так «не только за подвиги ее ополченцев. Деревню называют красной еще и за то, что здесь люди умеют по-настоящему трудиться. Даже в военных условиях урожай риса, хлебного дерева, ананасов и сахарного тростника остаются высокими» («Комсомольская правда», 1 мая 1966). Как видим, у слова намечается значение ‘перёдовой’. Особое значение — ‘советский, новый, народный, связанный с советским социалистическим строем’ — получает прилагательное *красный* в таких сочетаниях, как *красный уголок*, *красная изба*, *красная яранга*: «Нужны учителя в красную ярангу. По тундре ходить надо, оленеводов учить» («Известия», 10 октября 1967).

На основе развившихся переносных значений возникают экспрессивные метафорические употребления: «Цвет жизни — красный цвет» («Литературная газета», 29 марта 1966); «Муза в красной косынке —...это муза комсомольской поэзии. В красной косынке и синей сатиновой блузе, весело и уверенно открыла она дверь большой жизни... Муза в красной косынке, всегдашняя сверстница и спутница комсомола...» («Комсомольская правда», 16 апреля 1966); «Итальянская коммунистическая молодежь перешла недавно в музыкальное контрастопление, выдвинув „красную линию“ — линию борьбы. И вспыхнула „война песен“...» («Советская культура», 23 марта 1967).

В современном русском языке не забыто и старое значение слова *красный* — ‘красивый, праздничный, главный’. Но сохраняется оно лишь в определенных формах, как правило, в кратких, например в различных переразложениях фразеологизмов со сказуемым *красен — красна*: «Товар лицом красен» («Вечерняя Москва», 5 апреля 1966); «Не одними голами красен футбол» («Комсомольская правда», 2 мая 1965); «Каждая местность своим ремеслом красна» (там же, 12 января 1966); «Чем красен наш стол» («Вечерняя Москва», 15 октября 1966).

В полной, а иногда и краткой форме прилагательного это значение обнаруживается в постоянных сочетаниях: красный день, красная нить, красная девица, красное лето, красное место. Например: «Заметки фенолога. Красное лето» («Вечерняя Москва», 23 июля 1966); «Поэзии — красное место!» («Правда», 14 мая 1967).

Но и на застывших фразеологизмах часто заметен отблеск ново-

го значения слова. Так, в сочетании Красная площадь определение красная ассоциируется не столько с понятием 'красная', что верно этимологически, сколько с 'революционная', 'советская'. Наиболее сильное, распространенное значение втягивает в свою орбиту другие значения прилагательного:

В моей стране
вы песню сложите
О красном дне
на Красной площади!

Ф. Ф о м и н.— «Известия», 1 мая 1966

Этимологическое значение слова в современном языке может служить образно-эмоциональным целям: «Кызылкумы переводятся на русский язык как Красные пески. И мне думается, что слово красные уместно понимать в том смысле, в каком они звучали в старину: красные пески — прекрасны сокровищами своих недр» («Комсомольская правда», 26 февраля 1966).

В наши дни обратный процесс в формировании переносных значений наблюдается в детской речи: «— Почему на твоём рисунке облака красные? — Так они же праздничные, майные!..» («Комсомольская правда», 20 августа 1967).

В переносных значениях цветového прилагательного оживают первоначальные этимологические связи (красный — красивый) и отражаются ассоциации, сложившиеся исторически (красный — красное знамя — красный 'революционный, пролетарский, коммунистический, марксистский, большевистский, советский, социалистический, передовой').

В истории слова отразились и международные языковые контакты. В эпоху Французской революции 1848 года в русском языке закрепляется смысловая калька с французского rouge — 'красный' 'революционный', а в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции во многих языках мира появляется калька с русского краснѳй 'большевистский, советский'.

А. А. БРАГИНА

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

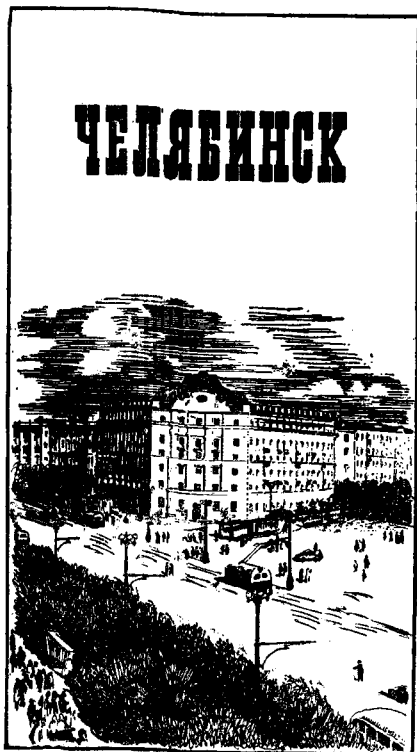
К у т и н а Л. Л. Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в. 1964. 219 стр. 91 коп.

С л о в о в русских народных говорах. 1968. 237 стр. 95 коп.

С у х о т и н В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. 1960. 160 стр. 56 коп.

Ш в е д о в а Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. 1960. 377 стр. 1 руб. 50 к.

Если вы хотите приобрести эти книги, заказы направляйте по адресу: Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой». «Академкнига».

Существует довольно известное мнение, отраженное в топонимических словарях и краеведческих изданиях, что название города *Челябинск* происходит от тюркского слова *челяк* (по-башкирски *селяк*) 'ведро, котловина'. Это название якобы было связано с котловинным характером местности. Однако трудно объяснить изменение корня *челяк* в *челяб*. Такое толкование противоречит и фактам этнической истории.

Несомненно, что в основе названия *Челябинск* лежит другое, хотя и тоже тюркское слово.

Областной центр и крупный промышленный город Урала Челябинск в прошлом был маленьким укрепле-

нием в Исетской провинции. Он построен в 1736 году на берегу реки Миасса. На Южном Урале в первой половине XVIII века преобладало татаро-башкирское и казахское население. Небольшое по численности русское население проживало в то время на заводах и в казачьих крепостях. Недаром на этой территории так распространены татаро-башкирские географические названия, даже в районах с исключительно русским населением. Многие города и поселки Южного Урала имеют тюркские названия, в которых часто выступают характерные компоненты (-куль, -ак, -баш, -лек, -лак, -лы, -ас, -аш и др.), например: Миасс, Кыштым, Багаряк, Чебаркуль, Еткуль, Касли, Миньяр, Карабаш, Аргаяш, Мисяш, Чумляк, Каракуль.

Несомненно и тюркское происхождение названия Челябинска. Русский суффиксальный элемент *ин-ск* и окончание *-а* присоединены к этому тюркскому (старотатарскому по происхождению) названию. В старых документах часто встречается и другое название города — *Челяба*. Оно то и представляет собой старый тюркский корень при его русской передаче (с окончанием *-а*).

В русских и татаро-башкирских диалектах Урала наименование *Челябинск* известно в нескольких произносительных вариантах — с начальными согласными *ч*, *с* и *ц*. Произношение с начальным *ч* свидетельствует о происхождении слова из татарского или турецкого языков, а с начальным *с* (*Селяба*) — из башкирского. На картах 1735 года, особенно точной для своего времени карте И. Шишкова, Челябинская крепость, естественно, не обозначена, так как она не была тогда еще построена, нет поблизости и других населенных пунктов, однако показано урочище под названием *Челяби* и *бор Селябской*. Путешественник XVIII века Гмелин передавал народное татарское название этого места — *Цыляби-Карагай*. Слово *Карагай*, широко известное на Урале, обозначает 'хвойный лес, бор'. Гмелин, вероятно, слышал его от носителей цокающих тюркских диалектов Южного Урала.

Каково же первоначальное значение слова *Челяби* или *Целяби*?

СЛАВОНЕЖ ЖИРОСЛЕВО ТВЕРДИСЛЕВО

Вблизи города Солигалича Костромской области неподалеку друг от друга (4—5 км) расположены две деревни — Жирослево и Твердислево. Непосредственно примыкало к Солигаличу (Соли Галицкой) в первой половине XV века урочище (?) на берегу реки Костромы под названием Славонёж, о котором упоминается в меновой грамоте 1435—1440 годов на Шастуновскую

В XVIII веке слово *челяби* употреблялось в татарских наречиях в значении 'господин, хозяин, родоначальник'. В таком значении оно известно турецкому языку (ср. османское *чәләби*) и вошло в «Словарь тюркских наречий» известного тюрколога В. В. Радлова. Произношение слова *челяби* в виде *селябе* характерно для башкирских уральских говоров, заимствовавших его из татарских диалектов.

Сочетание *Челяби-Карагай* — в буквальном переводе 'хозяин — лес'; первое слово, согласно законам тюркской грамматики, — определение; ср.,

пожню у Соли Галицкой: «Се яз, Иев, старец троицкой Сергиева монастыря менял есми поженками с Фалееем съ Елагиным. Променил есми поженку противу Симановского двора, за рекою наволоок да Славонеза. А выменил есми у Фалелея Шастуновскую поженку, вверх Роботного врага» («Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», Т. I, № 126. М., 1952—1964).

Не подлежит сомнению, что эти названия произошли от древнеславянских личных имен Жирослав, Твердислав и Славонег, которые, как и подобные им Ярослав, Святослав, Житонег, Радонег и др., были в древности широко распространены во всем славянском мире. Некоторые из них, по мнению ученых, существовали еще до образования Киевского государства и введения на Руси христианства.

Подобные древнеславянские имена слагались из двух основ, смысл которых в отдельности довольно ясен. В частности, слово *жир* в имени Жирослав могло обозначать 'обилие, богатство, силу'. В одном из таких значений оно употреблено в «Слове о полку Игореве»: «погрузи жир во дне Каялы».

У восточных славян эти личные имена дольше всего держались у новгородцев — вплоть до падения Великого Новгорода. Из памятников письменности видно, что Жирослав и Твердислав получили широкое распространение в новгородских землях в XII—XIII веках. Из-

например, *Темир-Тау* (буквально 'железо — гора'). Таким образом, урочище, на месте которого была построена крепость, означало 'хозяинский (господский) лес', 'лес господина (родоначальника)'.

Русское *Челябинск*, входящее в один ряд с другими русскими названиями городов с суффиксами *-ин-ск-*, было создано позднее на базе прилагательного *челябинский*, выступающего, например, в сочетании *челябинская крепость*.

Г. А. ТУРБИН,
доцент Челябинского педагогического института

вестны новгородские посадники, носившие эти имена.

Как же попали имена Жирослав, Твердислав и Славонег в северо-западную часть Костромского Заволжья?

Известно, что еще в XI—XII веках новгородцы начали заселять север России, осваивая новые, пустынные земли Заволжья — огромного пространства к востоку от Белого озера.

Почин и руководство в этом колонизационном движении, как говорят исследования, принадлежали боярству, а за ним по проторенным путям шли и крестьяне, стремившиеся освободиться от феодальной кабалы, а в «лихие» години стихийных бедствий и «спасать животы» в чужих землях.

Одна из дорог, наиболее удобная для новгородцев, вела через Кубенское озеро к верховьям реки Сухоны. Отсюда колонизационное движение (что подтверждается наряду с данными археологии лексикой и фонетикой местных говоров) продолжалось уже в двух направлениях. Одно — основное — шло по реке Сухоне и затем Северной Двине к Белому морю и океану, а другое — в меньших размерах — к югу, преимущественно по притокам Сухоны на притоки реки Костромы. Места эти притоки очень близко подходят один к другому (здесь находится водораздел между бассейнами рек Костромы и Сухоны).

Этим путем новгородцы могли проникать и в наши края, основывая здесь на лесных рощистях, среди редких древних мерянских поселений небольшие усадьбы-починки и давая им свои названия. Вероятно, названия Жирослево, Твердислево, Славонег произошли или от личных имен новгородских первопоселенцев этих мест, или же были даны ими в честь и память своих именитных земляков.

Первоначально эти названия, образованные от личных имен через смягчение звука *г* в *ж* и изменение губного *в* в сочетание *вль*, звучали как Славонег, Жирославль, Твердиславль, подобно Ярославль — от имени Ярослав, Родонег — от Родонег (по происхождению названия

этого типа — притяжательные прилагательные с суффиксом *ль*). Но впоследствии под влиянием окружающих топонимов Жирославль и Твердиславль перестроились: сначала была форма Жирославлево и Твердиславлево, а потом — с выпадением слога — Жирослево и Твердислево. Интересно, что на «Специальной карте Европейской России», изданной в 1895 году военно-топографическим отделом генерального штаба под редакцией полковника Стрельбицкого, приведено именно название Жирославлево.

Какова судьба этих географических названий?

Твердислево остается неизменным. А вот Жирослево изменится почти на наших глазах. Сейчас сами жители деревни и окружающее население называют ее Жиркой. Можно предположить, что через несколько десятилетий Жирослево забудется, оставшись только в документах. Название Славонег давно забыто, и о нем, возможно, напоминает лишь зарастающая речка Славянка, протекающая там, где когда-то было урочище Славонег.

Заслуженный учитель школы РСФСР

Л. М. БЕЛУРОССОВ

Солигалич Костромской области

ОШИБКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Статья А. В. Текучева рассматривает важные вопросы русской орфографии и преподавания русского языка в школе. Несомненно, она заинтересует учителей, родителей, всех, кто говорит и пишет по-русски. Статья написана остро, полемично. Некоторые ее положения представляются нам спорными. Помещая статью А. В. Текучева, редакция надеется, что читатели откликнутся на эту публикацию. Особенно интересно было бы узнать мнение учителей-словесников.

Давно уже и серьезно волнуют нашу общественность, учителей и методистов проблемы, связанные с обучением правописанию. Высказываются самые разнообразные мнения о его роли и месте в системе образования.

Давайте проведем самый простой эксперимент. Спросите у ваших знакомых (в первую очередь нефилологов), как пишутся слова: *диффамация*, *интолерантный*, *мадепалам*, *балюстрада*, *стрептомицин*, *экстраполировать*, или почему пишется *идеология* в то время, как есть слово *идеал* (под ударением *а*), *кристалл* — если есть слово *крест*, *капилляр* — при *капель*?

Можно поручиться, что в результате мы получим разные (в том числе и ошибочные) ответы и ответы, данные весьма неуверенно. Но в одном можно не сомневаться, сойдутся опрошенные, все они, как люди, получившие вузовские дипломы, считают себя и грамотными, и безусловно образованными. А есть ли достаточные основания для такой высокой самооценки у тех, кто не знает слова *диффамация* или не уверен в написании слова *стрептомицин*, кто уверенно, но неправильно пишет *мадепалам*, забыл или не встречал слова *балюстрада*?

По нашему убеждению, да, безусловно, есть, несмотря на перечисленные выше «промахи» или неполноценные знания, касающиеся лишь частных случаев. Такие пробелы восполняются культурным человеком после первой же его встречи с подобным написанием. Ведь грамотный отчасти тем и отличается от неграмотного, что он быстро схватывает и фиксирует надолго в своем сознании нужные правильные написания, орфографию того или иного слова.

Однако с таким мнением согласны далеко не все. В своих суждениях они следуют давней и ошибочной традиции: подлинно образованный и грамотный тот, кто умеет написать правильно всё без исключения. Уж не слишком ли в таком случае высокая назнача-

ется цена за право считаться грамотным и образованным? И не слишком ли высокий ранг по орфографической иерархии присваивается в этом случае каждому из написаний отдельных слов? И почему незнание значения некоторых из названных слов как специальных терминов не считается предосудительным, а вот ошибочное написание тех же слов ведет к зачислению человека в разряд недостаточно грамотных?

Возникает вопрос, кого же следует считать подлинно грамотным при самых высоких, но реальных требованиях. И, может быть, надо в связи с этим вспомнить справедливые слова академика Л. В. Щербы о том, что следует различать грамотность абсолютную, которой владеет исключительно ограниченный круг специалистов, и относительную, которой практически владеют все образованные люди; вспомнить о том, чего, по его мнению, может не знать современный грамотный человек. Вот перечень таких правил, названных Л. В. Щербой: образованный человек может не знать ряда правил употребления прописной буквы (например в названиях учреждений, праздников, званий и т. п.), слитного и раздельного написания многих наречий, ряда правил употребления *и* и *ни* (прилагательных и прилагательных субстантивированных — *серебряный*, *гостиная*, отпричастных *груженный*), некоторых случаев слитного и раздельного написания *не* (например с краткими причастиями и прилагательными), *о* и *е* после шипящих в корне (чолка и челка), некоторых правил употребления дефиса, отдельных слов с непроверяемыми гласными: *крапива*, *калач*, и особенно иностранных: *проект*, *дифференциация* и т. п. Грамотным в области пунктуации может считаться тот, кто правильно ставит точку, знак вопроса, двоеточие перед перечислением и чужой речью, запятые, отделяющие предложения, причастные и деепричастные обороты, вводные слова, однородные члены. Более тонкие случаи употребления двоеточия и тире, точки с запятой и многовариантные возможности постановки разных знаков в одном и том же положении не могут служить поводом к упреку в неграмотности.

То, чему должна учить школа, можно свести к таким трем общим, но весьма важным положениям:

а) письмо учащихся должно быть понятным тому, для кого оно предназначается, легко читаться, не толкать к различному пониманию написанного. С этой точки зрения написания *полоскать* вместо *поласкать*, *бал* вместо *балл*, *тушь* вместо *туш*, *компания* вместо *кампания* должны считаться ошибочными. Знать эти слова и различать их ученик обязан;

б) при письме не должен нарушаться грамматический строй языка, например недопустимо смешение падежей винительного и родительного, дательного и предложного у существительных, творительного и предложного у прилагательных мужского рода единственного числа (красным — о красном);

в) надо знать написание определенного количества слов (три-четыре тысячи), не подводимых ни под какие правила, в том числе

круг слов с непроверяемыми и труднопроверяемыми безударными гласными. Вместе с производными от них и специальными терминами, усваиваемыми на уроках по всем учебным предметам, это составит словарь, вполне достаточный для того, чтобы создать такую базу орфографических навыков, которая позволит ученику в дальнейшем все более и более совершенствовать свою грамотность уже самостоятельно и вне школы.

В принципе школа обязана учить всему правильному в отношении правописания, как она сейчас и поступает, но учить не всему одинаково. Нужно различать ошибки в редко встречающихся словах, в том числе и во многих иностранных, в словах, относящихся к специальной терминологии, устаревших и жаргонных, от ошибок в словах общеупотребительных, часто встречающихся. Ошибки первого рода, как и ошибки в знаках препинания, когда речь идет об отступлениях от авторского текста, когда контекст допускает многовариантность в постановке знаков или их факультативность, должны быть только исправлены учителем, но не приниматься во внимание при оценке, не создавать ученику репутации неграмотного. При разномвариантности написаний (в практике) учитель должен указать на то, какому из вариантов следует отдать предпочтение — и только! При этом элементы субъективизма должны быть сведены к минимуму.

Исключения из правил вообще не следует принимать во внимание при оценке письменных работ учащихся; ошибочное написание таких слов необходимо, конечно, исправить в соответствии со сводом правил 1956 года («Правила русской орфографии и пунктуации». М., Учпедгиз, 1956), но ошибки в этих словах не должны предполагать автоматическое снижение оценки.

К таким «исключениям» относятся, например:

написание букв *y*, *a* после шипящих и *ц* в иноязычных словах — в именах собственных: Сен-Жюст, Свенцяны и т. п. (§ 1 и 3 «Правил»);

написание *и* после *ц* в словах: цыган, цыпленок, цыц, на цыпочках (§ 2);

написания слов — цокотуха (§ 5 и 6), суффиксов *-ечк*, *-ичк* в именах собственных (Анечка, Сонечка), написание слова *склянка* с буквой *т* и некоторые другие.

Уровень орфографической грамотности разных людей, уже вышедших из школьного возраста, в значительной мере определяется уровнем их общего развития, общей культуры, начитанности и, как следствие этого, богатством словаря, а также знанием иностранных и древних языков. Вот почему нельзя ко всем людям, получившим среднее образование, в отношении их орфографической грамотности предъявлять одинаковые требования (за пределами, сверх орфографического минимума).

Одни знают оба слова *пасс* и *пас* (движение рукой и положение при игре в карты), не смешивают их и напишут правильно образованные от них глаголы *пассировать* и *пасовать*, *спасовать*. Другие

не знают ни того, ни другого. На что же они смогут опереться при написании этих слов? То же со словами *тамил* (название народности) и *томил* (глагольная форма от глагола *томить*), *аранжировка* (в музыке) и *оранжерея* (в саду). *Миннезингеры* можно написать правильно, только зная, что в немецком языке есть слово *Minne* (а не *Meppi*) 'любовь'. Многим кажется, что в слове *рогапринт* на месте *a* должна быть соединительная *o*; *корректировать* под влиянием слова *коррекция* с ударенным *e* хочется написать с *e* на месте и т. д.

Однако предусмотреть все эти многочисленные случаи, ложные ассоциации и аналогии, факты народной этимологии (полувер), просторечия (интригант) практически невозможно, как и невозможно в школе «проработать» с орфографической точки зрения каждое слово, возможное в языке. Выход один — стремиться всеми доступными школе средствами создавать прочную базу орфографических навыков, а затем принять меры — как правильно указывают на это современная педагогика и методика — к тому, чтобы учащимся были обеспечены наилучшие условия для повышения уровня их общей культуры, общего развития и развития орфографического чутья. Человек с высоким уровнем общего развития быстрее, глубже, осмысленнее усваивает орфографию.

Показателен в этом отношении эксперимент, согласно результатам которого учащиеся средних и старших классов не допускают — за редким исключением — ошибок в таких словах: агент, автор, трасса, тренер, треска, трибуна, реплика, реформа, интернат, интерес, интенсивный, стратосфера и многих других, хотя эти слова специально на уроках и не «отрабатывались», и учащиеся не писали их ранее вообще или писали в единичных случаях и очень давно. Конечно, диапазон возможностей для правильных написаний незнакомых (не по значению, а в отношении правописания) слов у разных учащихся обычно бывает различным. Широта его зависит и от общего развития учащегося и от его орфографической базы. Кроме того, этот диапазон — величина непостоянная, меняющаяся и может изменяться в весьма значительных пределах.

Замечено, что неграмотные учащиеся с возрастом могут значительно поправить свои дела; есть ученики, грубые ошибки у которых (и часто в большом количестве) встречаются только до определенного этапа, возраста (у разных учащихся он наступает в разное время). Поэтому не следует преувеличивать значения отдельных ошибок, допускаемых учащимися в младшем возрасте, и поспешно зачислять ученика в неуспевающие, а тем более неспособные.

Разумное ограничение требований, предъявляемых к учащимся в школе, а точнее, некоторое изменение «направления» этих требований — настоятельная задача нашего времени.

А. В. ТЕКУЧЕВ,
действительный член Академии
педагогических наук СССР

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ЧИТАЕМ СТИХИ?

стихов уходит намеренная, проницательная высокопарность, которую создает архаическое уже во времена Крылова произношение *нейдѣт*.

Такое же произношение часто нарушается в начальных строках басни «Лебедь, Щука и Рак»:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет...

Крылов только потому использовал странные, с нашей точки зрения, формы слов *нейдѣт*, *не пойдѣт*, что они очень широко употреблялись в русском литературном языке его времени. Но наряду с этими формами тогда широко употреблялись и *нейдѣт*, *не пойдѣт*, которые в современном языке остались единственно возможными. Правда, между произносительными вариантами *пойдѣт* и *пойдѣт* были большие отличия — разная стилистическая окрашенность, разные сферы употребления. *Пойдѣт* с ударным *о* было разговорно-бытовой формой, характерной для повседневной речи. Что касается *пойдѣт*, то эта форма в начале XIX века была книжной и сохранилась в русском языке под влиянием церковнославянского.

Язык писателей первой половины XIX века — Пушкина и его современников — нам близок и понятен, несмотря на то, что с тех пор прошло сто с лишним лет. Многие произведения, написанные тогда, знакомы нам с начальной школы. Мы к ним привыкли и, может быть, именно поэтому часто не замечаем некоторых особенностей их языка. Эти особенности больше заметны в поэтической речи, но, не зная истории языка, мы склонны их принимать за поэтические вольности. Полноценное восприятие художественного произведения требует внимания к языку, а внимание это должно быть подкреплено знанием фактов истории языка.

Всем известна басня И. А. Крылова «Квартет». Очень часто, даже при чтении ее со сцены, допускают ошибку в стихах:

Расселись, начали квартет.
Он все-таки на лад нейдет.

Произношение последнего слова *нейдѣт* вместо крыловского *нейдѣт* не только разрушает рифму, но и вносит в басню модернизацию. Из

Дело в том, что в живой русской речи звук *э* (отличайте от *е = ѣэ*) под ударением перед твердым согласным уже давно изменился в гласный *о*. В результате такого перехода древнее слово *медь* стало звучать как *мёд* с ударным гласным *о*. Правда, гласный *о* в слове *мёд* [м'од] находится после мягкого согласного и поэтому довольно сильно отличается от ударного гласного *о* в слове *мода*, где он находится после твердого согласного. Этот процесс перехода гласного *э* в *о* не распространялся на церковнославянский язык, который сохранял старое традиционное произношение звука *э* под ударением перед твердым согласным.

Разница в произношении одного и того же слова в живом русском языке и церковнославянском была использована как стилистическое средство. Формы живого русского языка были весьма обыкновенными словами и могли употребляться в любой обстановке. Зато церковнославянские формы, которые в то время могли более или менее свободно вкрапываться в русскую речь в зависимости от цели говорящего, несли на себе отпечаток парадности, торжественности. Они использовались как средство создания высокого стиля, когда предмет изложения требовал возвышенности, серьезности, многозначительности и внушительности. Как раз для этих целей и употребляется церковнославянизированная форма *не пойдёт* в начале басни «Лебедь, Щука и Рак». А церковнославянизм *нейдёт* в будничном, бытовом окружении басни о незадачливых музыкантах своей не очень уместной высокопарностью скорее создает иронию.

Русский литературный язык первой половины прошлого века гораздо шире допускал употребление церковнославянизированных произносительных вариантов, чем это принято в нынешнем литературном языке. Старинное произношение ударного *э* в соответствии с нынешним произношением *о* после мягких согласных часто встречается в стихах поэтов того времени. Можно привести много примеров из стихотворных произведений Пушкина. Так, в поэме «Полтава» читаем:

На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев...

Последнее слово, как подсказывает рифма *присмирев — рев*, надо произносить со звуком *э*.

Церковнославянизированное архаическое произношение особенно характерно для страдательных причастий прошедшего времени. Об этом говорит, например, рифма *вдохновенный — усыпленный* в стихотворении Пушкина «19 октября 1925 года», посвященном лицейским друзьям поэта:

И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой, твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Такое же произношение встречается в исполненном значительности и выразительной торжественности начале стихотворения «Анчар»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем *раскаленной*,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей *вселенной*.

Зато в стихах с непринужденно-разговорными интонациями, где формы на *-енный* выглядели бы слишком высокопарными, Пушкин употребляет *-онный*, имеющие разговорно-бытовую стилистическую окраску. Произношение причастия с ударным *о* после мягкого согласного подсказывается рифмой *сонный — усыпленный*, которая встречается в юношеском стихотворении Пушкина «Пирующие студенты»:

Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный,
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.

Правда, случаи такого произношения причастий в поэзии начала прошлого века встречаются не очень часто.

Произношение под ударением звука *э* вместо более обычного в живой речи *о* было в начале XIX века данью поэтической традиции XVIII века. Эта традиция была обоснована в филологических работах М. В. Ломоносова. Его теория «трех штилей» требовала использования церковнославянских элементов для создания так называемого «высокого штиля». Церковнославянизмы и архаизмы ограничивали возвышенную поэтическую речь от бытовой разговорной. Однако постепенно, с упрощением и демократизацией русского литературного языка, эти поэтизмы в XIX веке выходят из употребления даже в стихотворной речи. Сейчас их количество невелико, а поэтизмы с сохранением ударного *э* вместо обычного *о* почти не употребляются.

Всегда ли надо строго соблюдать архаическое произношение прошлых эпох при чтении стихов?

В некоторых случаях произношение можно подновлять, делать более современным. Но это допустимо только там, где от подобной модернизации чтения не пострадают ритмико-интонационные особенности произведения. Так, строки из поэмы Пушкина «Полтава»:

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков

можно пречитать с современным произношением причастий, ибо такое чтение тоже не нарушит точности рифмы: *погружённый — окружённый* (хотя, по-видимому, в пушкинскую эпоху здесь следовало читать *погружённный — окружённный*).

Точно так же модернизация произношения строк

Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

с чтением рифмы *знамён* — *запечатлён* лишь в незначительной степени снижает поэтическую выразительность торжественных слов.

Для тех, кто не знает особенностей архаического церковнославянского произношения страдательных причастий в эпоху Пушкина, подмена старого чтения нынешним обычно остается незаметной, поскольку формальные ритмические свойства стиха сохраняются без изменения, хотя старинная окраска стихотворного языка во многом блекнет, стирается колорит эпохи, создаваемый лишь одним звуком в старинном произносительном варианте.

Несоблюдение архаического произношения при чтении старых стихов может привести к конфузу. Один такой случай описан в рассказе Г. И. Бударова «Старый учитель». Герой рассказа преподаватель литературы Сергей Николаевич Студнев вспоминает о том, как его ученик Шитиков оконфузился, сделав ошибку в чтении баллады А. К. Толстого «Князь Михайло Репнин»:

— Выступал он на вечере... Читал стихотворение... С большим чувством... с таким благородным пафосом... Я всегда думал, что он станет артистом, но ошибся. Так вот, читает он...

Сергей Николаевич, изображая Шитикова, стал в позу чтеца и начал:

С вечерни льются вина на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусяры...
Поют потехи брани, дела былых времён...

Он сделал ударение на последнем слоге *-мён* и уже сквозь смех закончил:

И взятие Казани... и Астрахани плён.

— Вы помните, он сделал ошибку в третьей строчке, и вместо того, чтобы прочитать по-славянски — дела былых времён, он прочитал — времён... Ну, а в последней строчке не захотел нарушать рифмы — у него получилось:

И взятие Казани и Астрахани плён.

Как он, бедный, смутился и как стремительно сбежал со сцены. Это было так смешно... — И Сергей Николаевич снова закатился безудержным смехом.

Действительно получилось смешно, и злополучная ошибка «Астрахани плён» закрепилась за бедным Шитиковым как прозвище.

Читая старых поэтов, надо иметь в виду, что далеко не всегда ударное *э* вместо *о* после мягких согласных говорит о книжном

характере слова. Если такие слова часто употреблялись в живой разговорной речи, то торжественно-книжная окраска их утрачивалась. Это произошло, например, со словом *хребёт*, которое вошло во всеобщее употребление в церковнославянской огласовке. Старое народное произношение этого слова *хребёт* сохранилось только в диалектах и просторечии. Оно использовано П. П. Ершовым в стихотворной сказке «Конек-горбунок»:

К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребёт,
Только задом наперёд.

Безнадёжно устарело произношение собственного имени Лев с гласным *о* — Лёв, которое было обычно еще во времена Пушкина: именно так звали его брата — Лёв Сергеевич. Современник Пушкина Е. А. Баратынский еще смело рифмовал Лёв — плов. Но к нашему времени всеобщее распространение получила книжная церковнославянская форма этого имени — Лёв. Правда, на разговорную уменьшительную форму Лёва церковнославянское влияние не распространилось. Именно эта форма легла в основу фамилии Лёвин, которую носит один из героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Иногда под влиянием имени Лёв и еврейской фамилии Лёвин фамилия героя романа «Анна Каренина» произносится с *э* под ударением — Левин.

Есть также случаи, когда произносительный вариант с ударением на *э* возникает под влиянием просторечия и конкурирует с литературной формой, содержащей под ударением *о*. Например, возможны две формы слова, уменьшительного от *щель*: щёлка и щёлка. Вторая (просторечная) возникла под влиянием исходного слова *щель*, в котором гласный *э*, находясь перед мягким согласным *л*^в, не переходил в *о*. Просторечная форма *щёлка* встречается у поэтов, например у И. Уткина в поэме «Якуты» рифмуется *щёлку* — *бёлку*.

Итак, поэты (разумеется, мы говорим о хороших поэтах) никогда не искажают слова для рифмы и ритма, а лишь используют в своих стихах произносительные варианты, которые сосуществуют в разных стилях языка. В ткань стихотворения вводятся книжные или диалектно-просторечные произносительные элементы в зависимости от того, ориентируется ли автор на высокий стиль изложения или стремится говорить просто, в духе повседневной разговорной речи. При чтении произведений старых поэтов необходимо дорожить верностью воспроизведения стихов в соответствии с эпохой и замыслом автора, помня о том, что неправильное чтение стихотворной речи нередко снижает художественно-выразительную силу произведения.

И. Г. ДОБРОДОМОВ,
доцент МГПИ имени В. И. Ленина

Язык и стиль повести М. Горького «МАТЬ»

«Мать» — произведение того своеобразного эпического жанра, начало которому было положено Горьким и который получил большое распространение в советской литературе. Особенности его, думается, правильно определены в книге Б. Рюрикова «Литература и жизнь» (М., 1953) в связи с анализом романа А. Фадеева «Молодая гвардия»:

«Масштабность — в широте и глубине мышления, в значительности характера и в силе обнаружения идейных побуждений, определяющих поведение героев, в понимании жизни, в движении и сложной взаимосвязи явлений, а вовсе не в обстоятельности перечисления, не в стремлении „охватить“ все явления, связанные с темой с той или иной стороны. Есть писатели, которые нагромождают один за другим механически связанные между собой эпизоды и думают при этом, что они творят эпопею. Глубокое заблуждение!»

Можно создать эпопею, взяв одну точку на географической карте, как это сделал Фадеев, но про-

следив нити, связывающие эту точку с жизнью страны, с организованной и целеустремленной борьбой народа, партии».

Образцом такой эпопеи служит «Мать» Горького. На примере жизни одного рабочего революционно-го кружка в ней раскрыты социальные процессы, предвещающие колоссальные исторические сдвиги на всей земле. Это оказалось возможным потому, что гениальный художник, вооруженный передовым мировоззрением, сумел найти в жизни материал для своего произведения, позволивший ему подняться до гигантских обобщений.

Типичность образов в значительной мере достигается силой языка повести «Мать» — речевой характеристикой персонажей и речью самого автора. Горький насыщает свою речь и речь персонажей такими средствами образности, которые делают описываемые явления более заметными, яркими.

И в авторской речи и в речи положительных персонажей писатель щедро использует элементы романтической поэтики. Наряду с реали-

стически точными эпитетами, метафорами, сравнениями в стилевую ткань произведения органически входят эпитеты, метафоры, сравнения из романтической поэтики. Герои повести часто употребляют субстантивированные прилагательные и причастия (чудесное, неподкупное, злые наши). Вспомним, какими пламенными словами выражают они свои мысли, обсуждая факт убийства Исаея. Но их речи не кажутся искусственными, риторичными, абстрактными, так как подготовлены развитием действия в повести, логикой развития образов. Убийство Исаея производит сильное впечатление на Андрея, Пелагею Ниловну, да и Павла заставляет кое-что уточнить в своих взглядах. Для Андрея и Пелагеи Ниловны оно является ответственным испытанием. Дело осложняется также тем, что накануне своей гибели Исаей до глубины души оскорбил Андрея. С другой стороны, Андрей, искренне убежденный в бесполезности индивидуальных акций, был очевидцем убийства, но не предотвратил его. Все эти обстоятельства и делают органичными и естественными патетические, эмоционально насыщенные разговоры героев в этой части повести.

Горький вообще любит патетическое, эмоционально выразительное слово, если оно обусловлено внутренней сущностью изображаемого и точно выражает великие идеалы, глубокие чувства и переживания, характерные для положительных героев.

Обращение к пафосной речи каждый раз оправдывается драматической напряженностью развивающегося действия. Нельзя, невозможно представить себе, например, чтобы в первую минуту после смерти Егора

Ивановича даже его близкие друзья могли говорить «обычным», «разговорным» языком. Читатель ждет именно таких эмоциональных, таких величественных слов, которые вырываются у Людмилы, Сашеньки и других друзей и сподвижников Егора Ивановича.

Точно так же речь Павла Власова на суде подготовлена всем развитием действия в произведении. Ее ждут не только сидящие в зале суда, ее ждут тысячи людей, поверивших Павлу, готовых последовать его примеру. Да и в зале суда перед выступлением Павла царит необычайное оживление, «сверкает боевой задор».

Павел, Находка, Егор Иванович — пропагандисты, агитаторы, трибуны. Отсюда — насыщенность их речи элементами ораторского стиля (политический словарь, обилие обращений, вопросов, восклицаний и других императивных форм).

В целях усиления эмоциональной выразительности, осязаемости образов, в повести часто используются в переносном значении глаголы, прилагательные и причастия (наглое золото, сухой холод, тупой блеск, холодный скользкий звук, белый голос, ворчание пара, возня машин).

В то же время повесть «Мать» является образцом использования, условно говоря, «обычного», «разговорного» языка для изображения самых великих, самых возвышенных идеалов, событий, поступков. Егор Иванович, Николай Иванович, Павел, Андрей находят удивительно простые, выразительные, обыкновенные слова для популяризации социалистического учения. Пелагея Ниловна не перестает удивляться тому, как просто и понятно все, что они говорят.

Правильное понимание сущности типического обусловило своеобразный подход Горького к индивидуальной речевой характеристике героев повести. Многие видные писатели XIX и начала XX века, касавшиеся в своем творчестве жизни пролетариата, считали обязательным, чтобы в художественных произведениях рабочие разговаривали на том жаргоне, который создавался в результате смешения профессионализмов, диалектизмов и других элементов и еще более осложнялся грамматическими и орфоэпическими неправильностями речи. Так говорят рабочие у В. Слепцова, Ф. Решетникова, Г. Успенского, И. Омулевского. У последнего в романе «Шаг за шагом» даже очень развитые рабочие не обходятся без традиционных *здесь, севодне, зато, зошь*; то и дело в их речи без всякой надобности мелькают вводные слова: значит, вишь, надобить, ве-стимо. Речь Михаила Ивановича («Разоренье» Г. Успенского) пестрит грамматическими и орфоэпическими неправильностями: *эфто, теперече и т. п.* Рабочие у Решетникова *говарят* вместо *полиция — палица*, вместо *всегда — всегды*, вместо *этого — эптова*.

В то время, когда в литературе работали названные писатели, такой подход к речевой характеристике рабочих персонажей был оправдан, так как рабочие стояли на очень низкой ступени развития, а отдельные слои страдали даже недоверием ко всякому знанию. С течением времени положение резко изменилось. Уже в 80-х годах рабочие проявляли невиданный до того интерес к знаниям, к книге. Число Халтуриных, Обнорских быстро росло, за счет рабочих множился «читатель-друг», по которому тоскова-

ли великие русские писатели. Сами же рабочие и заявляли о себе писателям. В феврале 1887 года Г. Успенский ознакомил Общество любителей российской словесности с письмом, полученным им от рабочих. Авторы письма несколько раз подчеркивали, что они «полюбили читать хорошие книги», «научились думать о своей жизни». С горечью в письме отмечалось: «Мы видим, как иные бессердечные люди на каждом шагу унижают нас и наших товарищей, смотрят на нас с презрением, называют глупым народом, и в своих словах умышленно выставляют нас лентяями, пьяницами и считают рабочего последним человеком. Своим черствым сердцем не умея нас понять, они судят о нас по давно прошедшему времени и думают, что мы и теперь, как были в крепостное время, что мы, как они, словно столб, врытый в землю, подгниваем на одном месте. Они своими слепыми глазами видят в нас только грязных неуклюжих рабочих. Пора им перестать видеть в нас непонятное стадо глупых людей и говорить, что мы не способны понимать правду, не нуждаемся в образовании, не любим читать хорошие, дельные книги. Пора перестать говорить нам, что мы должны думать только о еде и работе».

Так думали и говорили рабочие. А некоторые писатели (вроде П. Боборыкина или писателей-народников) даже и в 90-х годах не замечали этого и заставляли их «изъясняться» на языке рабочих середины века. То, что было прежде достоинством, теперь стало недостатком изображения, ибо уже не являлось типическим.

Герои Горького говорят, не нарушая основных законов языка,

Это несколько не мешает писателю оттенить своеобразие речи каждого из них, отметить с помощью речевой характеристики особенности, присущие только данному герою, показать его «в становлении».

Быстрый духовный рост Павла сказывается на всем складе его речи. Мать замечает, что «порой он употребляет какие-то новые слова, непонятные ей, а привычные для нее, грубые и резкие выражения — выпадают из его речи». Все более обычными в устах Павла становятся слова *товарищ, социализм, партия*, все свободнее оперирует он отвлеченными понятиями, научными терминами, удивительно просто раскрывая их смысл: «Полиция, жандармы, шпионы — все это наши враги... Вот поставили людей одних против других, ослепили глупостью и страхом, всех связали по рукам и по ногам, стиснули и сосут их, дают и бьют одних других, Обратили людей в ружья, в палки, в камни и говорят: „Это государство!“»

Всегда точная и немногословная речь Павла Власова почти лишена красочных сравнений. Он очень любит простые предложения, к поговоркам, поговоркам не прибегает, но каждая его фраза своей законченностью напоминает этот вид народной речи. Отмеченные особенности хорошо оттеняют прямодушие, целеустремленность, железную выдержку, энергичность Павла.

Еще более разительными переменами характеризуется речь Пелагеи Ниловны. В начале повести она говорит односложно, как правило, повторяет одно и то же слово дважды. Ниловна — религиозная женщина. Естественно поэтому, что когда в ее дом врывается новое, она стремится объяснить себе его мно-

гочисленные явления, прибегнув к несложному набору библейских понятий; она вынуждена использовать религиозную лексику, строит фразы по типу грамматических оборотов, характерных для религиозных сочинений. Но чем больше она постигает правду своего сына, тем быстрее выпадает из ее языка религиозная лексика. «Идут в мире дети наши к радости, — пошли они ради всех и Христовой правды ради...» — говорила она в день первомайской демонстрации. На второй день после суда над Павлом матери вновь пришлось выступать перед народом. На этот раз ей не потребовалась религиозная лексика.

Из всех героев «Матери», кроме Ниловны, самую трудную жизнь прожили Андрей Находка и Михаил Рыбин. Соответственно и речевая характеристика этих героев чрезвычайно своеобразна. К тому же у Андрея Находки она осложняется тем, что по национальности он украинец.

В литературе часто сталкиваешься со случаями, когда русский писатель, изображая представителей других национальностей, заставляет их говорить на ломаном русском языке, пересыпанном нерусскими словами. Горький при изображении положительного героя решительно отказывается от этого ошибочного принципа. Он находит более действенные способы указания на нерусское происхождение героя. Хотя Андрей Находка говорит все время по-русски, читатели время от времени ощущают украинский оттенок в его речи. Здесь на это указывает любимое им украинское слово *ненько*, там — построенная на украинский лад ласковая фраза: «А не плачьте, ненько, не томите сердца». Чувствуется, что украинец

спрашивает Ниловну: «Разве же есть где на земле необиженная душа?»; украинец останавливает зарвавшегося товарища: «Гоп, гоп!.. Поскакал наш пан, подоткнув кафтан!..». Не извращение русского языка, не введение в русскую речь большого количества украинских слов, а передача через русскую, всем понятную фразу специфических особенностей украинской речи — таков принцип, с помощью которого Горький указывает на национальную принадлежность своего героя.

Введение в речевую характеристику Находки небольшого количества украинских слов, придающих его речи мягкость, певучесть, потребовалось Горькому не столько для указания на национальность героя, сколько для того, чтобы оттенить поэтическую настроенность его души.

Андрей Находка — натура восторженная, отличающаяся повышенной впечатлительностью. Отсюда эмоциональная насыщенность его речи, избыточной восклицательными и вопросительными предложениями, красочными и зачастую неожиданными сравнениями.

По словам Андрея, его столько обижали, что он уже устал обижаться. Несмотря на это, он сохранил в душе какую-то особенную нежность и детское доверие к человеку. Большинство его речей окрашено ласковым юмором. Как бы подчеркивая эту черту в Андрее, Горький освобождает его язык от грубых слов и резких выражений. С. Касторский приводит в книге о «Матери» следующие выражения, включенные писателем из речи Находки: «Брюху надо покоя, душе — простора»; «Ну да! Чем брюхо глаже, тем душа глаже...».

Но особенно удивляет искусство, с которым сделана речевая характеристика Рыбина. Речь его столь же своеобразна, как и сам он, не похожий ни на одного мужика, нарисованного предшественниками Горького.

Злоба против эксплуататоров, которая кипит в Рыбине, делает его речь густой, резкой, более того — беспощадной. Порою кажется, что своим словом он может не только обидеть, оцарапать душу, но и прибить до смерти. Как хорошо характеризуют Рыбина с его испепеляющей крестьянской ненавистью ко всем устоям эксплуататорского строя такие вот речи:

«— Намедни,— продолжал Рыбин,— вызвал меня земский,— говорит мне: „Ты что, мерзавец, сказал священнику?“ — „Почему я — мерзавец? Я зарабатываю хлеб свой горбом, я ничего худого против людей не сделал,— говорю,— вот!“. Он заорал, ткнул мне в зубы... трое суток я сидел под арестом. Так говорите вы с народом! Так? Не жди прощенья, дьявол! Не я — другой, не тебе — детям твоим возместит обиду мою,— помни! Вспахали вы железными когтями груди народу, посеяли в них зло — не жди пощады, дьяволы наши! Вот.

Он был весь налит кипящей злобой, и в голосе его вздрагивали звуки, пугавшие мать.

— А что я сказал попу?— продолжал он спокойнее.— После схода в селе сидит он с мужиками на улице и рассказывает им, что, дескать, люди — стадо, для них всегда пастуха надо,— так! А я пошутил: „Как назначат в лесу воеводой лесу, пера будет много, а птицы — нет!“. Он покосился на меня, заговорил насчет того, что, мол, терпеть надо народу и богу молиться,

чтобы он силу дал для терпенья. А я сказал — что, мол, народ молится много, да, видно, время нет у бога, — не слышит! Вот. Он привязался ко мне — какими молитвами я молюсь? Я говорю — одной всю жизнь, как и весь народ: „Господи, научи таскать барам кирпичи, есть каменя, выплевывать поленья!“ Он мне и договорить не дал...».

Может, в рыбинском языке мало словечек, свидетельствующих о культурной отсталости русской деревни, но в нем много того, что указывает на неисчерпаемые революционные возможности трудовых слоев крестьянства, поднимающегося на борьбу против помещиков, земских начальников, попов, кулаков-мироедов, против всего, что держало народ в нищете и невежестве.

Общим признаком для большинства положительных персонажей повести служит афористичность их речей. Они любят пословицы, поговорки и сами умеют «сжимать слова, как пальцы в кулак». Крылатыми стали выражения Ниловны: «Узнавайте неподкупное по смелости!», «Собирай, народ, силы свои во единую силу!», «Морями крови не угасят правды...».

Когда Андрею Находке приходится говорить о самом заветном, речь его начинает блистать афоризмами: «Одни — обманут, другие — останут, а с нами — самые лучшие пойдут»; «Хороший человек — один не живет — к нему всегда люди пристанут».

Многие дореволюционные критики, отмечая исключительное мастерство Горького в этой области, пытались, однако, поставить под сомнение самое право художника наделять простых людей способностью «говорить афоризмами». Ге-

рой Горького, писали эти критики, слишком умны для своего положения. Кроме того, что в таком взгляде проявляется явное недоверие к простым людям, к их духовным способностям, он противоречит основным законам искусства. Принцип создания крупных, концентрированных образов проявляется и в речевой характеристике персонажа. Афористичность — одно из таких конкретных проявлений. В неопубликованных заметках Горького встречается следующее признание: «...Люди в моем изображении должны казаться умнее только потому, что я сжимаю их слова, отчего мысли становятся рельефнее».

Наконец, когда говорят об авторской речи как средстве типизации, имеют в виду весь строй ее и особенно тон повествования. Так, переходя к изображению самого драматического эпизода в повести — движения демонстрантов «к серой стене солдат», готовых открыть огонь, — Горький резко поднимает тон рассказа. Речь его становится величаво спокойной и вместе с тем настолько энергичной, что воспринимается как ритмическая проза. Нельзя не обратить внимания на своеобразный ритм, который так ясно ощущается в следующей части абзаца, заключающего главу: «...Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа. И еще толпа походила на черную птицу — широко раскинув свои крылья, она насто-рожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был ее клювом...».

А. Н. ОВЧАРЕНКО,
доктор филологических наук

**КАКИЕ ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ БЫЛИ В 1969 ГОДУ?**

Горьковский государственный университет

Филологический факультет

1. Конфликт в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
2. Функция пейзажа в «Поднятой целине» М. А. Шолохова.
3. Метафора в лирике А. С. Пушкина.
4. «Поэзия — та же добыча радия» (В. В. Маяковский).
5. Образ поэта в лирике А. С. Пушкина («Памятник») и М. Ю. Лермонтова («Смерть поэта»).
6. Идеал человека в творчестве М. Горького.
7. Языковое мастерство М. А. Шолохова.
8. «Искусство принадлежит народу» (В. И. Ленин).
9. Дворянская Москва в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
10. Художественное своеобразие драматургии А. П. Чехова («Вишневый сад»).
11. Неологизмы в поэзии В. В. Маяковского.
12. «Форме дай щедрую дань» (Н. А. Некрасов).

Исторический факультет

1. Война в изображении Л. Н. Толстого.
2. Русская история в произведениях М. Ю. Лермонтова.
3. Патриотические мотивы в поэме В. В. Маяковского «Хорошо».
4. Великий русский народ.
5. А. С. Пушкин и декабристы.
6. Старое Сормово в изображении М. Горького (по роману «Мать»).
7. Образ Давыдова в «Поднятой целине» М. А. Шолохова.
8. Героиня прошлого и наших дней.
9. Женские образы в романе М. Горького «Мать».
10. Крестьянство в изображении Н. А. Некрасова.
11. Старое Поволжье в драме А. Н. Островского «Гроза».
12. Ленин и теперь живее всех живых.

ИВАНОВСКИЙ ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

1. Поиски смысла жизни Пьером Безуховым (Л. Н. Толстой, «Война и мир»).
2. «Смело бейся за правое дело,
В битве жизни своей не жалея,
Быть героем — нет выше удела!
Быть рабом — нет позора черней!»
(М. Джагилль).
3. «Это было с бойцами,
или страной,
или в сердце было в моем»
(В. В. Маяковский, «Хорошо»).
4. Какое из прочитанных вами новых произведений художественной литературы вы считаете значительным явлением и почему?
5. Лирика Лермонтова — «последнее глубокое искреннее эхо декабрьских настроений» (А. В. Луначарский).
6. Путь Нилы в революцию (М. Горький, «Мать»).
7. Мои любимые страницы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».
8. Что общего у Молчалина и Скалозуба? (А. С. Грибоедов «Горе от ума»).
9. Почему Герцен назвал Поздрева, Манилова и других помещиков «мертвыми душами»?

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИИ

Преподавание русского языка в британских средних школах — дело сравнительно новое. Значительный интерес к русскому языку обнаружился лишь во время первой мировой войны. Его начали тогда преподавать во многих частных школах. После этого число школ с преподаванием русского языка резко сократилось — в 1939 году их было всего 20. В университетах русистика гораздо раньше добилась устойчивого, хотя скромного положения.

За последние 12 лет преподавание русского языка в Великобритании получило широкий размах. Он преподается сейчас в большинстве университетов и во многих школах (в том числе вечерних), в техникумах и других учебных заведениях. Резко возросший интерес к русскому языку обычно связывают с успехами советского народа в освоении космоса, начавшемся в 1957 году. Запуск первого искусственного спутника Земли показал, что Советский Союз занимает ведущее место не только в области техники и ряде других наук, но также и в мировой политике.

Однако несмотря на то, что русский язык в последнее время занимает все большее и большее место в учебных заведениях, британские преподаватели в общем недовольны теперешним положением. Из-за сложностей системы образования в Великобритании не существует точных сведений о количестве людей, изучающих определенные иностранные языки. Но известно, что в настоящее время учеников, изучающих русский язык в средних школах меньше, чем изучающих, например, немецкий и французский языки, хотя количество школ с преподаванием русского языка непрерывно возрастает. В 1967 году таких школ насчитывалось около 600. Тем не менее русский язык еще далеко не достиг в средних школах того положения, которое предусматривалось для него в докладе комиссии Н. Г. Аннана. Эта комиссия, созданная министром просвещения под председательством Н. Г. Аннана, изучала с 1960 по 1962 год состояние преподавания русского языка в Великобритании и рекомендовала увеличить число изучающих русский язык.

● Мы не знаем, кто был первым англичанином, который занимался русским языком. Можно предполагать, что это дочь короля Англии Гарольда (умер в 1066 году), которая была замужем за великим князем Владимиром Мономахом.

Нет сомнения в том, что англичане серьезно занимались изучением русского языка уже в XVI веке. Одним из тех, кто тогда учился русскому языку, был Джером Горсей, впервые побывавший в России в 1573 году и ставший после этого курьером английской королевы Елизаветы и рус-

ского царя Ивана Грозного. О том, что Джером Горсей изучал русский язык, можно судить по его собственным словам: «Хотя у меня было только посредственное знание грамматики и я только слегка знал греческий, сходство последнего с русским помогло мне за короткий срок овладеть им. Русский язык — самый богатый и изящный язык в мире».

Горсей был одним из многих англичан, которые ездили по делам в Россию в XVI веке после установления дипломатических отношений и торговых связей между двумя странами. Эти отношения начались более или менее случайно. В 1553 году из Англии в поисках нового пути в Индию отправилась экспедиция, состоявшая из трех кораблей. Два из них погибли, но третий под начальством Ричарда Ченслера попал в устье реки Двины. Корабль пристал к берегу, и русские доставили Ченслера и членов команды в Москву, где он был представлен Ивану Грозному. Впоследствии Ченслер стал первым английским послом в Москве.

Многим из тех англичан, которым вследствие этих новых дипломатических и торговых связей пришлось поехать в Россию, русский язык показался чрезвычайно интересным. Он имел для них также большое практическое значение, ибо без него нельзя было общаться с русскими.

Сохранились некоторые документы, рассказывающие о несомненном интересе англичан к русскому языку уже в то время. В Библиотеке Бодлей в Оксфорде есть рукопись, содержащая русский словарь и краткий грамматический очерк. Она написана неким Марком Ридлеем в 1599 году. Ридлей был врачом при царском дворе в Москве с 1594 по 1599 год и за это время хорошо овладел русским языком. Его словарь (*A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue* — «Словарь обиходного русского языка») включает в себя около 6 000 слов.

В той же библиотеке есть и другой словарь, составленный Ричардом Джемсом, который в 1618 году, когда ему было 26 лет, приехал в Россию и был здесь до 1620 года священником при английском посольстве. Во время пребывания в России он записал 2 176 слов, в числе которых немало специальных терминов. В его архиве есть также запись на русском языке шести небольших стихотворений или песен. Авторство их не установлено. В статье, посвященной упомянутым словарям, Б. Унбегаун (до 1965 года профессор славянской филологии в Оксфордском университете) указывает на их чрезвычайную ценность для изучения истории русского языка. Ценность эта заключается прежде всего в том, что явления русского языка предстают в них в восприятии иностранца. Описательные работы по русскому разговорному языку XV и XVI веков вообще редки, но Ридлей и Джемс интересовались именно разговорным языком, потому что их главная цель — научиться говорить по-русски.

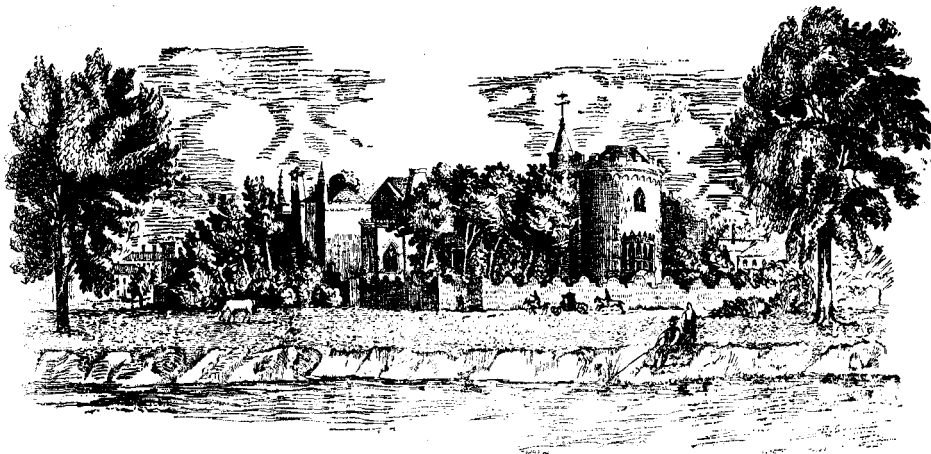
Из первых английских работ по русскому языку наибольший интерес представляет «Русская грамматика» Г. Лудольфа, написанная на латинском языке. Она была напечатана в Оксфорде в 1696 году. Эта книга — первая печатная грамматика русского языка. До этого все печатные грамматики основывались на старославянском языке. Гейнрих Вильгельм Лудольф был немец, впервые приехал в Англию в 1677 или 1678 году и впоследствии поселился здесь. Он был на службе у датского принца Георгия и вышел в отставку в 1691 году, а в январе 1693 года приехал в Россию. Еще до

своего отъезда из Англии он начал изучение русского языка. И в Россию поехал с целью усовершенствования этих знаний. Лудольф прожил здесь полтора года.

Его грамматика имеет громадное значение для изучения истории русского языка в значительной степени благодаря тому, что он прекрасно понимал разницу между старославянскими и чисто русскими элементами в литературном языке и сопоставил их в своей работе. Эта грамматика описывает русский разговорный язык конца XVII века и дает представление о русском произношении той эпохи (Лудольф замечает, например, что хотя пишется слово *сегодня*, а произносят его как *севодни*). В книге есть также раздел, состоящий из наиболее употребляемых предложений и словосочетаний, необходимых в разговоре с русским человеком. Большая ценность книги заключается в том, что она имела прикладной характер.

Удивительно, что после такого важного начинания в XVII веке, изучение русского языка в следующем столетии вызвало мало интереса. Что касается университетов, этот печальный факт тесно связан с тем, что в тогдашней Англии изучение современных иностранных языков вообще не считалось делом, заслуживающим внимания ученых. Лишь в конце 40-х годов XIX века после долгих обсуждений положение несколько изменилось. В 1848 году в Оксфордском университете была предусмотрена должность профессора современных иностранных языков. Им стал Генри Тритен.

Тритен — первый английский ученый, применивший сравнительно-исторический метод для изучения славянских языков. Им опубликованы несколько работ на эту тему. Его познания в русском языке, возможно, связаны с тем, что он работал одно время в Министерстве иностранных дел в Петербурге. Всего лишь около года он читал в Оксфорде курс лекций «Язык и литература России». Тот факт, что первым профессором современных языков был специалист по славянским языкам, и в частности по русскому языку, имел большое значение для развития славистики в Великобритании. Деятельность Тритена в Оксфорде, вероятно, изменила бы направление изучения русского языка в британских университетах. К сожалению, летом 1850 года он неожиданно заболел и вынужден был подать в отставку. После него профессором современных языков в Оксфорде был

Макс Мюллер, выдающийся лингвист, но не славист, и в связи с этим в течение последующих лет в Оксфорде не заботились об изучении славянских языков.

Возобновился интерес к славянским языкам в 1870 году, когда Уильям Ричард Морфилл читал в Оксфорде курс лекций по языкам, литературам и истории славянских народов. Его пригласили читать этот курс, после того как было решено ввести курсы по славянским языкам. Оплата лекторов осуществлялась за счет завещанного университету наследства графа Ильчестера, который выделил 1 000 фунтов для преподавания «польского и других славянских языков», но эта сумма была слишком мала, чтобы назначить постоянного преподавателя. Поэтому время от времени приглашали разных лекторов для чтения отдельных курсов. Только в 1889 году Морфилл был назначен доцентом, а в 1900-м — профессором русского и других славянских языков.

Курсы имени Ильчестера не перестали существовать. И до сих пор приглашают выдающихся славистов читать отдельные лекции в Оксфорде. Среди них за последние годы были советские академики М. П. Алексеев и В. М. Жирмунский.

Морфилл окончил классическое отделение Оксфорда в 1857 году; русский язык начал изучать еще в школьные годы. Изучал самостоятельно — ведь никто не преподавал славянские языки в это время. Даже до того, как назначили его доцентом, он ездил в Россию, опубликовал несколько книг по истории России и издал в 1889 году грамматику русского языка. Он также написал много работ, посвященных проблемам славянских и других языков.

Наследником Морфилла в Оксфорде был его бывший студент Невиль Форбс, автор нескольких книг по русской грамматике. Одна из них, на те-

РУССКАЯ РЕЧЬ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Проникновенные слова К. Д. Ушинского о величии и значении родного, русского языка, о его связи с «небом отчизны», сказанные около ста лет назад, сохранили свою неувыдающую красоту и живую силу до наших дней. Особенно чувствуешь их вещей смысл, когда приходится слышать язык русских людей, продолжительное время живущих в иноязычной среде. Тогда становится ясно, как оторванный от родной почвы, питающей живую речь, увядает и бледнеет этот чудотворный «голос родины».

В странах, где сталкиваются близкородственные славянские языки, между ними происходит неизбежное

взаимодействие. В Югославии, особенно в Сербии, где местный сербскохорватский язык во многом — в словаре, морфологии и синтаксисе — близок к русскому, происходит почти стихийное беспорядочное смешение.

Взаимное проникновение и замещение русского и сербскохорватского языков заметно и у представителей старого поколения эмиграции, которых, кстати сказать, осталось очень немного (большинство умерло, другие вернулись на родину или расселились), и у их детей, у молодежи, учившейся в сербских школах.

Влияние местной языковой среды и атмосферы происходит сначала незаметно, я бы сказал, тайком, исподволь, и в бытовом общении и в деловых связях. Уровень культуры при этом практически не имеет значения. Исключение не всегда полное, составляют главным образом препода-

му русского глагола, и до сих пор используется студентами, изучающими русский язык в Великобритании.

Еще при жизни Морфилла были назначены преподаватели русского языка и в других университетах Англии — в Кембридже, Лондоне, Манчестере, а в Ливерпуле в 1906 году был назначен преподаватель русской истории. Во время первой мировой войны благодаря возросшему интересу к русскому языку его изучение началось в университетах в Бирмингеме, Лидсе, Глазго и Шеффилде, а также в университетском колледже в Ноттингеме. Самым важным событием этого периода было основание школы славистики в Лондонском университете в 1915 году. Она стала потом главным центром изучения русского и других славянских языков.

Кроме научной и педагогической работы, перед британскими русистами в XIX и в начале XX века стояла еще и другая задача: пропагандировать изучение русского языка. Морфилл читал и потом опубликовал в 1890 году лекцию об изучении славянских языков. В 1907 году В. Дж. Седжфильд, первый преподаватель русского языка в Манчестерском университете, читал лекцию «Изучение русского языка», в которой доказывал необходимость расширения его преподавания, говорил о невозможности узнать Россию без знания ее языка. С тех пор изучение его в Англии действительно расширилось, но и в настоящее время, к сожалению, не устарели слова Бернарда Пэрза, сказанные им в лекции, прочитанной в 1907 году при вступлении в должность доцента русской истории в Ливерпульском университете: «Из всех препятствий к более дружественным отношениям между Англией и Россией самое главное — это чистое невежество».

ДЖЕРАЛЬД СТОУН
Ноттингем, Англия

даватели русского языка или особо строгие блюстители его чистоты.

Взаимодействие происходит в основном в лексике — сербские слова употребляются вместо русских в обычной разговорной речи; затем в сфере семантики — неправильно замещается русское значение слова сербским; в морфологии — корням сербских слов придаются окончания русских падежей; в синтаксисе — при построении русского предложения или словосочетания по сербским моделям и, значительно реже, в фонетике — произношение сербских слов и выражений по законам русской орфоэпии.

Таким путем в обиход русских людей просачиваются новообразования, входят новые слова.

Приведем несколько примеров разговорной речи, не касаясь письма.

Русский студент после экзамена говорит своему товарищу: «На два

питаня [вопроса] я не ответил, получил пятицу [пятерку]»; «А я испыт [экзамен] отложил за [на] осень», — отвечает другой. Хозяйка говорит своей знакомой: «Когда солно огурцы, я непременно кладу каранфилич. — Гвоздику? — спрашиваю я. — Да, право, я уж забыла, как это называется».

Вот еще несколько примеров.

«Я ждал трамвай на станции [остановке] выше [больше] десяти минут»; «На пияце [базаре] все страшно скупо [дорого]»; «В нашей пекарне [булочной] хлеб вкуснее». Мать обращается к сыну: «Что ты муваешься [от сербского глагола *мувати се* 'сложиться' без дела]; «Ты обрукался, она обрукалась [осрамился, осрамилась]» — от сербскохорватского глагола *обрукати се*; «Я много потрошила [потратила]»; «Я ему [перед ним] извинился»; «Я цркаваю [пропадаю, околеваю] от работы» — от сербского

глагола *цркавати* 'околевать'; «Не секирайтесь [не беспокойтесь]» — от глагола *секирати се*; «Не могу мрднуги [двинуться]» — от глагола *мрднуги* 'двинуться'; «Платье шито от [из] шелковой материи»; «Я за него [для него] ничего не могу сделать»; «Он читает английский» [по-английски]; «У старых римляна [римлян] был обычай»; «Это скупоченная [драгоценная] вещь»; «Чем [как] начнет ветер, у меня болит голова»; «Препоручено [заказное] письмо»; «Ветер дува [дует]»; «Не гурайтесь [не толкайтесь]».

Множество других сербских слов вошли в ежедневный обиход и без всякой нужды заменяют русские: грешка — 'ошибка', радия — 'магазин' новац — 'деньги', ташна — 'сумка, портфель', шетня — 'прогулка', кипа — 'дождь', фуруна — 'плита, печь', салама — 'колбаса', свеска — 'тетрадь', оловка — 'карандаш', чарапе — 'чулки', кошуля — 'рубашка', чаша — 'стакан'.

Таким образом, язык многих русских в Югославии представляет собой весьма пеструю смесь.

Чем дольше человек остается в иноязычной среде и чем чаще и теснее его бытовые и деловые связи с ней, тем осязательнее исчезает образность и правильность русской речи. У детей, особенно легко и даже охотно воспринимающих формы и звучание иностранного языка, этот процесс совершается быстрее и оставляет более глубокие следы.

Как это происходит? Сначала вторжение «иноплеменных слов» идет по небрежности, подсознательно, чужое, часто слышимое слово приходит скорее: иногда употребляют его в шутку, чтобы придать фразе «местный колорит», или из желания приобщиться к окружающей среде. Со временем влияние чужого речевого окружения незаметно входит в привычку, не режет слух, процесс замещения идет внутрь, в глубину. В Югославии особенно заметно, как чуждые слова, формы и выражения, бытующие в ежедневном общении, не только уживаются, но и понемногу вытесняют, нарушают «внутреннюю речь», структуру родного языка.

В течение многолетней работы на кафедре русского языка в Белградском университете мы собрали огромный материал и установили известную закономерность, систему типичных ошибок (замещение русских слов и речевых построений сербскохорватскими). Не лишены этих промахов и многие переводы русских произведений художественной литературы на сербскохорватский язык. Такие искажения в известном смысле даже неизбежны, так как сделаны по неведению. Они более понятны и простительны, чем засорение родной речи у наших соотечественников.

ПЕТР МИТРОПАН
Белград

Первая кафедра русского языка в Америке была открыта в Гарвардском университете. А ее первым преподавателем стал Лео Винер, отец создателя кибернетики Норберта Винера. Помимо русского, Л. Винер преподавал церковнославянский, чешский, польский, сербскохорватский языки. Его двухтомная антология и перевод полного собрания сочинений Льва Толстого во многом способствовали ознакомлению американской общественности с русской литературой.

Событием, побудившим американские учебные заведения пересмотреть свое отношение к русскому языку, был запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли. Осенью 1957 года, когда первый спутник вышел на орбиту, русский язык преподавался в 173 колледжах и университетах, в 1959—1960 годах — уже в 426, а в последующие годы цифра стабилизировалась на уровне 600.

консультации

(Продолжение)

Падеж. Грамматическая категория имени, выражающая в особых (падежных) формах отношение его к глаголу, другому имени или наречию в словосочетании или предложении: *читать книгу, письмо брата, (побежали) нам наперерез.*

В русском языке шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный.

Палатализация (смягчение). Дополнительный к основной артикуляции согласного звука подъем средней части языка к твердому нёбу, который резко повышает характерный тон и шум. Ср. мягкие (палатализованные) и соответствующие твердые (велярные) звуки: *мель — мел, конь — кон, ряд — рад, ток — ток.*

Палеография. Наука, изучающая внешний вид и графику древних рукописей с целью определения места их написания, времени и т. п.

Парадигма. 1. Совокупность словоизменятельных форм слова. 2. Таблица форм какого-либо слова как образец склонения или спряжения.

Параллелизм. Одинаковое синтаксическое построение двух или нескольких смежных предложений,

стихотворных строк или строф. Этот композиционный прием подчеркивает связь — общность, сходство или контраст, противопоставленность каких-либо явлений.

И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуслиры — споют песенку.

Лермонтов. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Паронимы. Слова, близкие по звучанию (в речи их часто смешивают). Близость звучания может быть случайной, однако паронимами нередко оказываются родственные слова, лишь частично отличающиеся по морфемному составу: *нетерпимый* и *нестерпимый*, *бесталанный* и *бесталантный*, жесткость и жестокость.

Парономазия. Стилистический прием использования паронимов в речи: *Понять не значит принять; Муж по дрова, а жена со двора; Это искусное, но не искусственное острословие.*

Пассив. То же, что страдательный залог (см.).

Переносное значение. Значение слова, появившееся в результате переноса наименования на основе сходства предметов по форме, внешнему виду, назначению или на основании смежности, соприкосновения вещей во времени и пространстве. Например: значения 'широкая бесконечная цепь, надеваемая на ведущие колеса тяжелых машин' у слова *гусеница*, 'передняя часть судна' у слова *нос*, 'слушатели лекции, доклада' у слова *аудитория*.

Переразложение. Перемещение границ между морфемами в составе производного слова в результате утраты соотносительности с тем словом, от которого оно было образовано. Например, в слове *врачебный* после исчезновения существительного *врачба* невозможно выделить суффикс *-еб-* (-ьб-); в слове *богатый* не выделяется теперь суффикс *-ат-*, *богат-* для современного языка — неразложимый корень.

Переходный глагол. Глагол, управляющий прямым дополнением

ем — существительным в винительном падеже без предлога, а с отрицанием — родительным падежом. Например: вижу сестру, пишут сочинение — не вижу сестры, не пишут сочинения.

Перифраза и перифраз. Стилистический прием, состоящий в замене обычного названия какого-либо предмета описательным выражением. У Пушкина: «Мы все сойдем под вечны своды» (о смерти), светило дня, дневное светило (о солнце); в современной речи: голубой экран (о телевидении), мягкое золото (о пушнине), люди в белых халатах (о медиках).

Плеоназм.оборот речи, в котором сочетаются слова, настолько близкие по значению, что некоторые из них логически совершенно излишни: приснилось во сне, говорить о разных разностях, возвратился обратно. Плеоназм может использоваться как стилистический прием для усиления художественной выразительности: грусть-тоска, горе горькое.

Подлежащее. Главный член двусоставного предложения, обозначающий носителя признака (названного сказуемым) и выраженный именительным падежом имени или инфинитивом: *Вечер тих; Он не пришел; Дорогу осилит идущий; Смятлся, право, не грешно.*

Полисемия. Многозначность, наличие у одного слова нескольких значений, обычно связанных между собой. Например, слово *земля* употребляется в значениях: 'планета', 'суша', 'почва', 'страна, государство', 'территория с угодьями, находящаяся в чем-нибудь владения, пользование'.

Полногласие, полногласные сочетания. Сочетания *оро, оло, ере* между согласными в исконно русских словах, соответствующие неполногласным сочетаниям *ра, ла, ре, ле* в словах по происхождению старославянских: короткий — краткий, полотно — платок, берег — брег, молоко — млечный путь.

Превосходная стéпень. Форма прилагательного, указывающая на высшую степень качества, выраженного данным прилагательным: сильнейший, пресильный, наисильней.

Предлог. Служебное слово, которое выражает синтаксическую зависимость существительного, местоимения, числительного от других слов в составе словосочетания или предложения: дом у дороги, готовый к борьбе, подошел ко мне, работать за троих.

Предложение. Самостоятельная синтаксическая единица, содержащая сообщение, а также выраженные отношения этого сообщения к действительности в формах наклонения и времени. Независимое предложение характеризуется интонацией законченного сообщения.

Префиксация. Присоединение приставок (префиксов) как способ образования новых слов: бежать — ебежать, выбежать, перебежать, забежать, добежать, подбежать, обежать, недобежать, отбежать, или форм слов, например при образовании глаголов совершенного вида: делать — сделать, писать — написать.

Прилагательное. Часть речи, обозначающая признак предмета и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа, падежа. Прилагательное обладает также грамматической категорией сравнительной степени: «Станция стояла в степи, скудно покрытой серыми былинками, в пустоте и тишине, нарушаемой зимой унылым пением снежных вьюг» (М. Горький); «Дни становились все короче».

Приложéние. Определение, выраженное именем существительным, согласованным с определяемым словом: «Его вторая жена, красавица, умница, — вы ее только что видели — вышла за него, когда уже он был стар» (Чехов).

(Окончание в следующем номере)

СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ

ВЗГЛЯД

1. Выражение глаз, устремленность зрения

О свойстве, характере, выражении взгляда; о посредственной передаче чувства, настроения, состояния:
бархатный, бездонный, безжизненный, безмолвный, блеклый, блестящий, буравящий, влажный, воспаленный, глубокий, говорящий, горячий, горящий, жадный, жаждающий, жаркий, жгучий, живой, задорный, зажигательный, заспанный, застывший, затуманенный, значащий, значительный, зоркий, избегающий, искрометный, испекающий, исподлобный, колючий, колющий, красноречивый, ледяной, легкий, лучистый, масляный, матовый, мертвенный, мертвый, мерцающий, многоговорящий, многозначительный, многообещающий, молчаливый, мрачный, мутный, мягкий, напряженный, настойчивый, настороженный, небрежный, невидящий, немой, немигающий, неморгающий, неподвижный, огненный, огневой, оживленный, ожидающий, оловянный, опустошенный, остекленевший, острый, отсутствующий, отчужденный, отуманенный, оценивающий, пасмурный, понимающий, посоловелый, пристальный, прищуренный, пронзающий, пронзительный, пронизывающий, проникновенный, пронизательный, пылкий, рассеянный, светлый, сверлящий, свинцовый, сияющий, случайный, сонный, сосредоточенный, спокойный, стальной, стариковский, старческий, стеклянный, сторожкий, странный, сумрачный, твердый, туманный, тупой, тусклый, тяжелый, упорный, упрямый, усталый, хищный, хмурый, холодный, цеп-

кий, чистый, чудесный, чудный, чужой, энергичный, ясный. «Едва-едва... удалось ему на мгновение скрыться от этого безмолвного, настойчивого взгляда» (Гончаров. Обломов); «Робкой радостью и тревогой Не затеплится блеклый взгляд» (Сурков. На родине); «Я был вознагражден глубоким чудесным взглядом» (Лермонтов. Княжна Мери); «Пять тысяч верст окинет взгляд горящий...» (Прокофьев. Круты, скалисты берега Байкала...); «Сенька отошел в сторону и уставился в окно комнатки гармониста, лица в ней чего-то жадным взглядом» (М. Горький. Супруги Орловы); «Я не верю, не верю этому! — проговорила Долли, стараясь уловить его избегающий взгляд» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Маркел жалобно вздохнул и сел, прикрыв темными веками колючий взгляд» (Караваева. Двор); «Было что-то ужасное в его неподвижной позе, в мертвенном взгляде его глаз и в его напряженной улыбке» (Куприн. Брегет); «Алексей Алексеич... садится на подоконник и окидывает присутствующих мутным, отяжелевшим, но победным взглядом» (Чехов. Певчие); «В эти блаженные дни на долю Ильи Ильича тоже выпало немало мягких, бархатных, даже страстных взглядов» (Гончаров. Обломов); «Когда он являлся из города, Додонов спрашивал его немым взглядом своих усталых больших глаз» (Мамин-Сибиряк. Доброе старое время); «[Раскольников] стоял у стены, сложив накрест руки, и огненным взглядом смотрел на нее» (Достоевский. Преступление и наказание); «[Прокурор] медленно поднялся и впери в меня свой оловянный взгляд» (Чехов. Ночь перед судом); «[Адмирал] медленно скользил сверлящим взглядом по рядам матросов, как будто разыскивая среди них виновников» (Новиков-Прибой. Цусима); «Твердый, немигающий взгляд несколько смутил Павку» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «[Старик] сидел, смотря перед собою во все глаза, но таким тупым, безжизненным взглядом, что можно было побиться об заклад, что он ничего не видит» (Достоев-

ский. Униженные и оскорбленные); «Малюта усталился исподлобья тяжелым, свинцовым взглядом на Овчину» (Костылев. Иван Грозный); «Сыромолов только скользнул цепким взглядом по вошедшему и оценил всего с головы до ног» (Сергеев-Ценский. Пушки выдвигают); «Она глядела мне вслед и словно пробовала, вынесу я или нет ее чистый, пронизывающий взгляд» (Чехов. Драма на охоте).

О прямом выражении чувства, настроения, состояния: безмятежный, безучастный, беспокойный, беспощадный, бессмысленный, бесстыдный, благодарный, благосклонный, боязливый, боязливый, вдумчивый, величественный, веселый, властный, влюбленный, внимательный, вопросительный, вопрошающий, восторженный, восхищенный, вызывающий, выразительный, высокомерный, гневный, гордый, горестный, грустный, дерзкий, добрый, доверительный, доверчивый, дружеский, дружелюбный, дружеский, жадный, жалостливый, жестокий, жуткий, завысительный, загадочный, задорный, задумчивый, злобный, зловещий, злой, игривый, изумленный, изучающий, инквизиторский, испуганный, испытующий, испытывающий, кокетливый, кроткий, ласкающий, ласковый, ленивый, ликующий, любовный, любопытный, любопытствующий, молящий, меланхолический, мягкий, наивный, насмешливый, нахмуренный, невеселый, недобрый, недовольный, недоумевающий, недоуменный, недружелюбный, ненасытный, неподкупный, несмелый, нетерпеливый, нежный, одобрителный, озабоченный, озорной, оскорбительный, печальный, плотоядный, подбадривающий, победный, подозрительный, понурый, похотливый, похотливый, почтительный, пошлый, презрительный, пренебрежительный, прощальный, прямодушный, пугливый, пылкий, равнодушный, ревнивый, робкий, сентиментальный, сердитый, скорбный, скучающий, сладострастный, смелый, смущенный, сочувственный, сочувствующий, спокойный, страдальческий, страстный, счастливый, томный, торжествующий, тоскливый, требовательный, тревожный, убийственный, уверенный, угодли-

вый, улыбчивый, умиленный, умиленный, умоляющий, уничтожающий, чарующий, ядовитый, яростный, ярый. «Куда девался бесечный и наивный взгляд!» (Бубенов. Белая береза); «Он глядел на Аксиною бесстыдным улыбчивым взглядом» (Шолохов. Тихий Дон); «Я поднял боязливый взгляд И жадно вслушиваться стал» (Лермонтов. Мцыри); «Но человека человек Послал к анчару властным взглядом» (Пушкин. Анчар); «Шла и замедлила; чуть обернулась назад; Взгляд вызывающий, плечи заметно дрожат» (Брюсов. Уголки улицы); «Только иногда Иван замечал, что Феклиста со стороны следит за ним таким жалостливым взглядом» (Мамин-Сибиряк. Лётные); «[Хозяин] идет прямо на человека, отталкивая его в сторону жутким взглядом невидящих глаз» (М. Горький. Хозяин); «Самгин, не мигнув, выдержал этот испытующий взгляд» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Он подошел ко мне, взял меня за руку и с меланхолическим взглядом пожал ее» (Одоевский. Княжна Зизи); «Павел стоял у двери несколько секунд молча, обжигая Виктора недобрый взглядом» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Командир, повернувшись, остановил свой понурый, исподлобья, взгляд на молодом офицере» (Новиков-Прибой. Цусима); «Хорошо лежать в траве зеленой И, впиваясь в призрачную гладь, Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать» (Есенин. «Каждый труд благослови, удача!..»); «Она бросила на него робкий, но жадный, вопросительный взгляд» (Гончаров. Обломов); «В гостиной был маленький тщедушный старичок... с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом» (Герцен. Былое и думы); «Бренчат цыганки бубнами, Наездники шумят, Делами душегубными Грозит их ярый взгляд» (А. К. Толстой. Ночь перед приступом).

В сравнении (с животными, птицами и др.): бараний, воловий, газелий, змеинный, копячий, орлиный, рысий, соколиный, ястребинный. «Он изредка бараньим и мутным взглядом глядел на оратора, но, очевид-

но, не имел никакого понятия, о чем идет речь, и вряд ли что-нибудь даже и слышал» (Достоевский. Преступление и наказание); «Его деревянное лицо по-своему вполне красноречиво, и тупой, этот покорный, воловий взгляд — осуждает меня» (М. Горький. Жалобы); «Как будто, взойдя по вершине На самый большой перевал, Оттуда он взглядом орлиным Земной окоем озирает» (Саянов. Вечер в Горках).

О продолжительности взгляда: беглый, быстрый, долгий, длинный, короткий, мгновенный, мимолетный, молниеносный, неторопливый, стремительный. «Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Илья Матвеевич разглядывал Алексея долгим, тяжелым взглядом» (Кочетов. Журбины); «[Секретарь губкома] встретил Корчагина коротким взглядом и, не поднимая головы, продолжал писать» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Обломов мучился тем, что он испугал, оскорбил ее, и ждал молниеносных взглядов, холодной строгости и дрожал» (Гончаров. Обломов); «Бросит он неторопливый взгляд На туман, повисший над дугами» (Исаковский. О гибнущих лесах).

Редкие эпитеты: бесшабашный, думающий, дымный, жаркий, задымленный, каменный, солнечный, стрелоподобный, царапающий, шальной, щупающий. «Варвара вскинула руки на бедра, с вызовом обвела всех бесшабашным взглядом» (Абрамов. Две зимы и три лета); «И оба молча смотрят на погост Каким-то дымным, невеселым взглядом» (Исаковский. Старик); «А интеллигенция — не очень меня любит, знаете ли! Нет-нет, да и уловишь эдакий взгляд стрелоподобный, испепеляющий и вопрошающий...» (М. Горький. Письмо А. В. Амфитеатрову, 23 марта 1914); «Он ...увидел, что из-за конторки на него смотрит хозяин царапающим взглядом» (М. Горький. Трое); «Его шальной насмешливый взгляд скользил по дороге, по обочу и по чебу» (Чехов. Стень).

2. Мнение, суждение, точка зрения

Беглый, беспристрастный, буржуазный, верный, заплесневелый, здравый, идеализированный, идеалистический, критический, консервативный, косный, легкий, легкомысленный, ложный, непредвзятый, непредубежденный, независимый, объективный, ограниченный, односторонний, определенный, отживший, отсталый, ошибочный, поверхностный, позитивистский, последовательный, правильный, предубежденный, прогрессивный, разумный, реалистический, реальный, серьезный, строгий, субъективный, твердый, трезвый, тупой, убежденный, узкий, упрощенный, чуждый, широкий, эволюционистский, эклектичный, элементарный, ясный. «Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке» (Пушкин. О предисловии г-на Лемонте); «Идеалистический взгляд на сущность жизни лежит в основе всех религий» (Опарин. Современная наука о происхождении жизни на Земле); «Вы сами обманываете себя. У вас совершенно ложный, идеализированный взгляд на предмет вашей страсти» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «Стоит только, посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не так... странною» (Достоевский. Преступление и наказание); «Она [постоянная учеба] приобретает особенно большое значение в нынешний период обострения идеологической борьбы, когда силы империализма делают главную ставку на „просачивание“ в наши ряды чуждых взглядов, на идеологические диверсии» («Правда», 8 января 1969); «Общие вопросы о сущности, значении, влиянии поэзии, литературы, искусства, должны иметь огромный интерес, потому что от разрешения их зависит взгляд наш на предмет; а именно для того, чтоб образовался ясный и правильный взгляд, нужны факты» (Чернышевский. «О поэзии»).

(Продолжение в следующем номере)

ПОЧТА РУССКОЙ РЕЧИ

Уважаемые товарищи!

Прочитала я в «Русской речи» № 4 за прошлый год статью «Что такое обечайка?» и вспомнилось мне далекое детство, когда жили мы у бабушки в маленькой деревенской избушке. Было у бабушки старое сито, заштопанное, с почерневшей от времени обечайкой, треснувшей и перевязанной черной ниткой. Бабушка сест муку через него и говорит деду: «Отец, надо бы новое сито-то кушить».

Припомнилось и другое: слова, речь их, очень милая, необычная, но понятная.

Собирается дед куда-нибудь, а бабушка ему: «Морочать начинает, ты не ходил бы».

А он отвечает: «Поддай-ка лучше олояску, старая».

А если привозил бабушке на кофту или платок, она бережно брала в руки обновку и говорила: «Ох, баской платочек!».

Иногда дедушка привозил рыбу, бабушка радовалась, перебирала и приговаривала: «Рыба-то какая зрбшка!».

Чистила, мыла рыбу и шла в *куть* жарить.

И так пахло на меня теплотой, стариной и чем-то невозвратным, далеким от этих воспоминаний.

С тех пор я уж ни от кого не слыхала подобных слов. А ведь они тоже имеют свою историю, свое происхождение. Наши, русские слова!

Хотелось бы узнать побольше об этих словах: баской, хрушкой, куть, морочать. Напишите, пожалуйста.

И. В. Инчик
Хабаровск

Ответить И. В. Инчик мы попросили сотрудницу словарного сектора Института русского языка АН СССР кандидата филологических наук О. Д. Кузнецову. В ее ответах использованы материалы из карточки «Словаря русских народных говоров» (словарь начал выходить в издательстве «Наука»; см.: вып. 1—4. Л., 1965—1969).

Морочать. Морочает

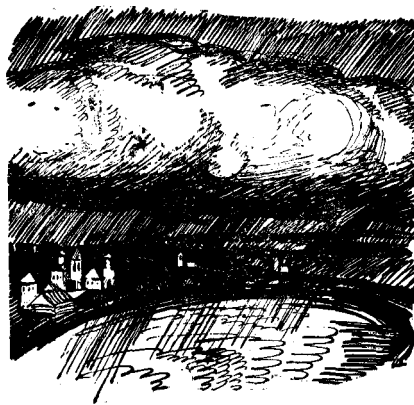
Глагол *морочать* употребляется чаще безлично: морочает — «становится пасмурно» (о погоде перед дождем). Он широко распространен в севернорусских говорах, где немало и других слов с этим корнем. Это и понятно: ведь слова с корнем *морок* принадлежат к очень старым, известным еще общеславянскому языку. Они имеются (в несколько иной форме) во многих славянских языках; употреблялись и в древнерусском языке. Так, в Лаврентьевской летописи, описывая затмение солнца перед походом князя Игоря на половцев, предвещавшее несчастье и беду, летописец употребил слово *морочно* «мрачно», «темно»: «Бысть знаменье в солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти...». Позднее будучи вытесненными старославянскими словами этого же корня

(мрак, мрачный и т. п.), русские *мороз*, *морочный* и другие вышли из употребления в литературном языке, но сохранились в севернорусских говорах.

Слова с корнем *мороз* известны на севере Европейской части России, в верхнем Поволжье, на Урале и в Сибири. Таково же распространение и глагола *морочать*. Значение этого слова отчетливо видно из записи пермского священника А. Луканина, сделанной им в 1856 году: «Чего-то на небе морочает, облачка появляются большие. Гребите, ребята, скоряя да копните, зачинает морочать: кабы дождь не пошел».

С тем же значением 'становиться пасмурным' в севернорусских говорах известен еще глагол *морочить*: «на небе морочит» значит 'тучи, темно' (Новосибирская область. 1966). В некоторых местах глагол *морочить* обозначает такое состояние погоды, когда идет мелкий дождь. Так, в Архангельской области говорят: «морочит на улице» (идет мелкий дождь). Здесь еще могут сказать *заморочить*, *заморочивать*: «Этот дождь может наладиться на неделю, кругом заморочило» (1966).

Из других слов с корнем *мороз* упомянем только наиболее употребительные. Существительное *мброк* обозначает 'темное, низкое облако, дождевую тучу': «Ишь, какой мброк идет» (Архангельская область. 1952), а также облачную, пасмурную погоду: «мороз сѣдни» — 'солнца не видать' (Зауралье. 1962); «Он какой мброк натянуло» (Новосибирская область. 1966). *Мброк* может употребляться в значении 'темнота', 'сумрак': «На дворе мброк, хоть глаз выколи» (Вологодская область. 1902); «Среди дня как-то мброк сделался, нали [да-

же] звезды видно стало» (Пермская губерния. 1856).

От слова *мброк* употребляются уменьшительные: *мброчек*, *мброчок* и *мброчка* 'небольшое облако', 'облачко', прилагательное *морочный*, *морочной* или с другими ударениями *мброчный*, *мброчной*, *мброшный* 'пасмурный', 'облачный', 'туманный': «Осень была мброшная, солнышка не выглядывало неодинова — все туман да дождь» (Пермская губерния. 1856); «Кой морочной день-то стоит» (Вологодская область. 1956); «Мброшно становится: уж видно, что осень над головой» (Пермская губерния. 1856); «Повременил бы, не ходил — мброчно на дворе-то» (Зауралье. 1962).

Баский. Баской

Это слово хорошо известно жителям русского Севера, Псковской области, севернорусам на Волге, на Урале и в Сибири. Собиратели народной речи записывали его в этих местах много раз. Получившее такое широкое распространение в севернорусских говорах, слово это отсутствует в русском литературном

языке, не было его, очевидно, в древнерусском, незнакомо оно и другим славянским языкам. Все это заставило некоторых исследователей сделать предположение о заимствовании слов с этим корнем из скандинавских языков. Однако такое предположение не бесспорно. Происхождение слова, таким образом, остается пока неясным.

Баский, баской употребляется в говорах в нескольких значениях, самое распространенное из которых — 'красивый', 'хороший'. Так, в песне, записанной в Архангельской губернии, поется: «Ты,— гуляй, гуляй, детинка — Не загуливайся, На хороших да на баских не засматривайся».

О хорошей, красивой, трудолюбивой девушке в Свердловской области говорят: «Баская девушка: рукодельница, скромница, хозяйка будет, и на голос удалась». В Пермской губернии баским называли хорошо испеченный, удачный хлеб: «Хлеб испекся баской — белый да пышный, — без закалы». С таким же значением слово помещено и в Псковском областном словаре: «Он такой не баской был» (1967).

На севере про ясный, солнечный день скажут *баской*. Так же говорят и о хорошей погоде: «Погода баская — ни ветру, ни дождя» (Пермская губерния. 1856).

Приятная для слуха, мелодичная, красивая музыка — также *баская*: «Нынче баски песни поют по радиу» (Архангельская область. 1953). Баским в Ростовском уезде Ярославской губернии называли вежливого, приветливого человека (1902).

Хотя слово очень употребительно до сих пор, в некоторых местах оно начинает забываться, заменяется литературными словами: красивый, хороший; собиратели отмечают, что словом этим пользуются в основном старики.

Баской имеет много родственных слов, например существительное *басá*, которое известно главным образом со значением 'красота', 'украшение'. В пословице, записанной в Вологодской губернии, говорится: «Баса приглядится, а ум пригодится». В новгородской частушке поется:

Миленочек, часы у вас,
Покажи, который час.
Это, милка, не часы,
Две цепочки для басы.

Басой на Севере еще называют нарядную одежду, наряды: «Много ли у нее басы-те?» (Много ли у нее нарядов); а также украшения на одежде: «Глянь-ко, какие басы-те у нее пришиты?» (Северо-Двинская область).

От слова *баса* в говорах известно много производных, например уменьшительное *басенька* 'красота': «Девы, смотрите-ко, басеньки-то, басеньки колько» (Новгородская губерния. 1872), существительные *басина, басота* с тем же значением, прилагательное *басенький, басёхонький* 'красивенький', 'нарядный', наречия *басенько* и *басенько, басёхонько, басёхочко* 'очень хорошо', 'хорошенько', глаголы *басить, басить, басоваться* 'нарядиться'.

‘франтить’. Так, в былине о Дюке из Олонецкой губернии Дюк Степанович укоряет Чурилу, былинного красавца и любителя хорошо, красиво одеться, который не смог перескочить Пучай-реку и поэтому проиграл спор Дюку Степановичу: «Да ай ты Чурило сухоногое, Сухоного Чурило грабоногое! Баси ты Чурило перед бабами, Перед бабами да перед девками, А с нами молодцами ты и в кон не йди» (Гильфердинг).

Басить употребляется также и со значением ‘украшать кого-, что-либо’: «Девиды... зачнут всю сбрую басить лентами да тесемками» (Вологодская губерния).

Особенно много образований от слова *баскбй* известно на Урале: здесь употребляется ласковое *баскблечка* ‘милочка’, ‘деточка’, *баскбунный* ‘хороший’, ‘самый хороший’, *баскбущий* ‘очень красивый’ и другие.

Хрушной. Хрушквий

Диалектное слово *хрушкбй* или с другим ударением *хрушквий* хорошо знают и часто употребляют так же, как и предыдущие слова, жители наших северных областей (Архангельской, Вологодской, Ленинградской и др.), севернорусы на Волге (владимирцы, костромичи, казанцы), да еще многие жители Урала и Сибири. Оно известно здесь со значением ‘крупный’, ‘большой’: *хрушкбая* рожь, *хрушкбая* морошка, *хрушкбй* лук, *хрушкбй* скот и др. Известный в XIX веке собиратель народных слов А. Луканин приводит следующие примеры употребления этого слова в Пермской губернии: «В Сибири народ все *хрушкбй* — на приволье живут, дак отъедаются. Экой

горох-от *хрушкбй*, славный! Мука, страх, *хрушкбй* — отрубей чуть не наполовину» (1856). Слово это живет в говорах до сих пор — имеются записи самого последнего времени. Вот одна, сделанная в прошлом году в Сретенском районе Читинской области: «Доча, спрыгни в подполье, набери картошки, да *хрушкбй*, некогда с медкой возиться».

Хрушким, *хрушкйм* можно назвать очень многие предметы, вещи, явления и т. п. В Красноярском крае, например, слово *хрушквий* употребляют, когда говорят о крупных деньгах: «Я бы дала тебе, да у меня все *хрушкжие*, разбить надо» (1969), а в Верхне-Тоемском районе Архангельской области *хрушким* могут назвать крупный дождь: «Хоть *хрушквий*, хоть мелкий, дождь весь день бусит» — моросит (1963 — 1965).

Кроме прилагательных *хрушкбй*, *хрушкбонький* в тех же говорах известно наречие *хрушкво*, употребляющееся со значением ‘крупно’: «Эта мука *хрушкво* смолота» (Вологодская губерния. 1902); «*Хрушкво* капуста изрублена» (Архангельская губерния. 1846). На Урале и в Сибири наречие *хрушкво* употребляется еще в другом значении — ‘громко’, ‘слишком громко’ (о разговоре с бранью, ссоре): «разговаривают *хрушкво*, заснуть не дают» (Томская область. 1930); «Я слышу кто-то *хрушкво* говорить начал» (Средний Урал).

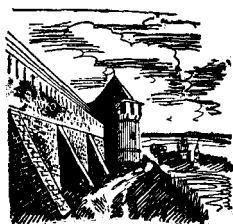
В Новосибирской области записано еще прилагательное *хрушкбвой* — также со значением ‘крупный’: *хрушкбвой* скот (1965), а в Вятской губернии было известно существительное *хрушкеть*, которое означало всякую крупную рыбу (1858).

Трудно что-либо сказать о происхождении и истории слова *хрушквий*, *хрушкбй*, поскольку сведения

об этом отсутствуют; слово не зарегистрировано памятниками письменности и никогда не входило в состав лексики литературного языка.

Куть. Кут

Слова *куть*, *кут* — общеславянские по происхождению. Они известны во многих славянских языках, употреблялись в древнерусском со значением 'угол', 'угол крепости',

'угол дома', например в Сборнике XV века: «В нѣкоем кутѣ дома погрѣбох твое желѣзо». В древнерусском языке известно было и слово *кутъни* в значениях 'угловой' и 'нижний (о зубах)'. В современном литературном языке эти слова не сохранились. В разговорной речи употребляется, например, и производное *закуток*. В говорах они употребляются до сих пор: на севере, западе и юге Европейской части России, хорошо известны в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно широкое распространение получило слово *кут*.

Словами *кут*, *куть* обозначают какой-либо угол в крестьянской избе — придверный, задний угол и место против устья печи, передний угол и т. п.

Кутом, *кутью* называют на севере Европейской части России, в верхнем Поволжье, в Вятском крае, на Урале, а также в Рязанской, Тульской и Калужской областях угол и

место в избе у входных дверей: «Што в кути-то уселси, дедушко Василий? Ступай под окошка-го» (Костромская область) или «Чо в кутѣ-то сидишь, иди в середь» (Кировская область).

Собиратель Волоцкий в 1902 году в Ярославской губернии записал выражение *в кути сидеть* в значении 'сидеть на конце стола, у дверей'.

В некоторых местах Вологодской, Рязанской, Тульской и Вятской областей *кутом* называют помещаемую в углу лавку.

Однако самое распространенное значение слов *кут*, *куть* — 'угол, место в избе перед устьем печи, где женщины готовят пищу'; обычно эта часть избы отделяется от остальной перегородкой или занавеской и считается женской половиной: в некоторых местах (например в Вологодской губернии) предосудительным было заходить в куть молодым парням (если в доме были молодые девушки). Собирателем А. Лукиным в Пермской губернии была сделана такая запись: «Невесту в куте благословили да вывели к жениху в избу» (1856). На Севере и в Сибири *кутом*, *кутью* называют вообще кухню.

В некоторых местах слова эти выходят из употребления: «Там, где посуда, там в углу кут. Это по старинке, а нонь так не зовут» (Лешуконский район Архангельской области. 1949). В записях из Новосибирской, Томской, Кемеровской областей также отмечается, что слова *кут*, *куть* начинают уступать место литературному *кухня*.

На северо-западе (в Псковской, западных частях Новгородской и Тверской областей) и юго-западе (в Орловской, Курской, Брянской и Смоленской) слова *кут*, *куть* по-

лучили распространение в значении 'передний, «святой» угол в избе', в котором помещались иконы и стоял стол; обычно там принимали наиболее почетных гостей. Об этом говорит запись, сделанная в Смоленской губернии: «Не стоявши у пороги, не сядешь на куте») 1905—1921).

Кут, куть имеют много родственных слов. Назовем только наиболее употребительные. Одно из них — слово *кутник*, или *кутнйк*, известное в говорах с теми же значениями. Но наибольшее распространение слово получило в значении 'лавка у задней стены избы, где прорублена дверь'; такая лавка со всех сторон заделывается наглухо, с одной стороны в ней прорезывается отверстие. Зимой в кутнике держат кур и молодых животных.

Кутником в Казанской губернии называли также род чулана или высокий ларь, в котором часто было подполье. В кутнике хранились лучшие вещи и деньги. С этим значением слово записано в 1968 году и в Куйбышевской области. На Русском Севере, в Поволжье, в Тульской области и в Вятском крае кутником еще называют полочку в бане, а также последний коренной зуб.

О. Д. Кузнецова

Помидоров и помидор

Читатель Шевчук считает ошибочными формы родительного падежа множественного числа *помидор, апельсин*. Как же в самом деле нужно к ним относиться?

Известно, что существительные мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (стол, рукав, луг)

отличаются формой родительного падежа множественного числа от существительных женского рода (книга, гора) и среднего (село, яблоко). Названные существительные имеют в родительном множественного формы: столов, рукавов, лугов; но: книг, гор сёл, яблок.

Окончание *-ов* — своего рода примета существительных мужского рода в современном русском литературном языке. Исходя из этого, нормой для родительного множественного существительных *помидор* и *апельсин* следует признать окончание *-ов*: помидоров, апельсинов. Такую форму рекомендуют для этих слов академическая «Грамматика русского языка» (т. I. М., 1960) и другие издания. Приведем примеры из художественной литературы: «Хорош также судак или карпии с подливкой из помидоров и грибков» (Чехов. Сирена); «Одна Грузия выраживает до полумиллиарда мандаринов, апельсинов, лимонов ежегодно» (Михайлов. Над картой Родины).

Однако иногда встречаются случаи с нулевым окончанием в родительном множественного от этих существительных: «В темном бархате зелени сверкает золото лимонов, апельсин» (М. Горький. Сказки об Италии); «Я уж картохи сварила, селедочку из магазина принесла, помидор набрала» (Липатов. Земля не на китах).

Чаще нулевое окончание в родительном множественного встречается в устной речи, что отмечено и в языковедческой литературе.

Мы считаем, что нельзя признать такие формы неправильными, идущими вразрез с развитием грамматического строя русского языка. Во-первых, окончание *-ов*, хотя и показательно для родительного множественного существительных муж-

ского рода, но отнюдь не единственное. Никого, видимо, не удивят формы: пара сапог, отряд партизан, пять аршин, табор цыган. Как видно из приведенных примеров, нулевое окончание в данном случае известно существительным, принадлежащим к различным смысловым рядам. На этом фоне следует оценивать и форму существительных *помидор, апельсин*. Нулевое окончание (килограмм апельсин, нет помидор) следует признать допустимым вариантом. Так оценивает эти формы и академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах.

Широкое распространение такой формы часто пытаются объяснить стремлением языка к экономии. Но, видимо, здесь действует еще одна тенденция — стремление к унификации. Как известно, во множественном числе существительные различного грамматического рода имеют совпадение окончания в дательном падеже (столам, книгам, селам), творительном (столами, кни-

гами, селами), предложном (о столах, книгах, селлах).

Форма родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием, свойственная существительным женского и среднего родов, втягивает в свою орбиту и существительные мужского рода. Такой процесс находит себе поддержку и в истории русского языка. Как известно, в древнерусском языке наиболее многочисленный ряд существительных мужского рода характеризовался нулевым окончанием родительного множественного. Окончание *-ов* было присуще лишь небольшой группе слов мужского рода с основой на *у* (краткое). Впоследствии господствующей стала форма на *-ов*, она остается основной литературной нормой и в настоящее время. Однако постепенно входит в русский язык и нулевое окончание родительного падежа, в связи с чем формы *нет помидор* и *килограмм апельсин* нельзя считать ошибочными.

Г. А. Качевская

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. БЕЛОШАПКОВА, Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, В. Я. ДЕРЯГИН
(ответственный секретарь), И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОБЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ,
Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. ФИЛИН, Н. Ю. ШВЕДОВА

Адрес редакции: Москва Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

И. о. зав. редакцией М. В. Орешкина
Графическое оформление Ю. И. Космынина
Технический редактор Т. А. Михайлова
Корректоры Н. Н. Глаголева, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 19/XII—1969 г. Т-00580 Подписано к печати 13/II—1970 г Тираж 75000
Формат бумаги 60×90^{1/8} Печ. л. 7^{1/2} Бум. л. 3^{3/4} Уч.-изд. л. Зак 3317

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10